

Валерий Трофимов

НОЧНОЕ ЗРЕНИЕ

СБОРНИК СТИХОВ

НП-Принт
Санкт-Петербург
2021

ББК 84-5
УДК 82-1
Т761

Трофимов Валерий
Т761 Ночное зрение. Сборник стихов. – СПб.: НП-Принт СПб, 2021. – 240 с.

ISBN 978-5-6046054-3-1

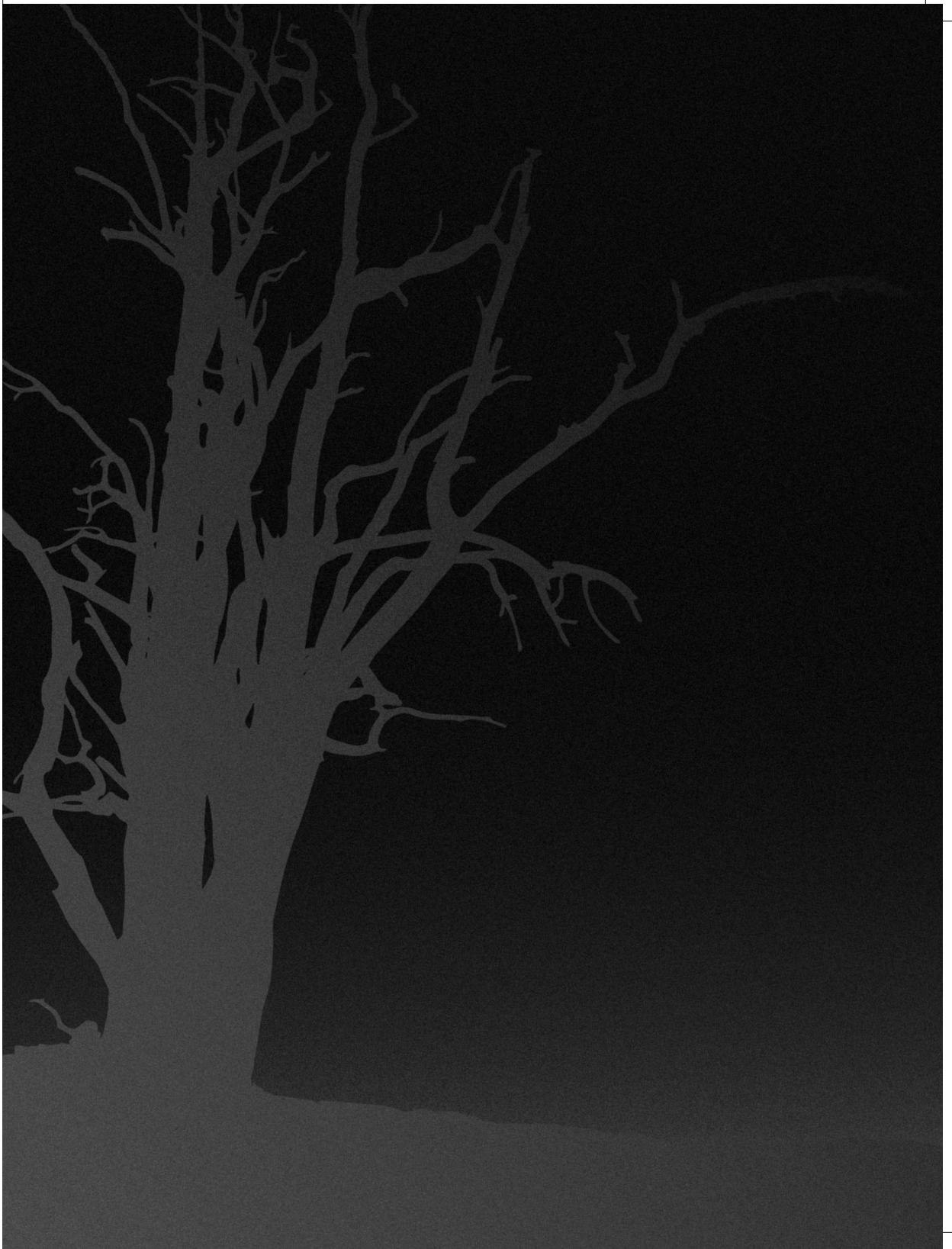
Книга Валерия Трофимова, врача-психиатра по образованию, президента Ассоциации аналитических психологов России, директора Института аналитической психологии, члена Союза российских писателей, является сводом избранных стихотворений, написанных за более чем сорокалетний период литературного творчества. Она интересна тем, что появилась на стыке разных эпох, разных систем мышления, естественно-научной и гуманитарной. Её составили личные, подлинные и трезвые, впечатления автора, полученные в процессе профессиональной работы, окруженной обычно ореолом обывательских страхов и фантазий. Валерий Трофимов относит себя к русской метафизической традиции, которая до сих пор четко не очерчена, а, скорее, только представлена отдельными стихами различных поэтов. В таком случае можно рассматривать данный сборник как уникальную попытку собрать целостный корпус стихотворений, основной тематикой которых является метафизическая поэтическая рефлексия.

Все права защищены.

ББК 84-5
УДК 82-1

ISBN 978-5-6046054-3-1

© ООО «Типография «НП-Принт», 2021
© Трофимов В., стихи, текст, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

КЛЮЧИ ОТ СТРАХА ТЕМНОТЫ

Начну с той же цитаты, что и юнгианский аналитик Джеймс Холлис: «Человек становится просветленным не потому, что представляет себе фигуры из света, а потому, что делает тьму сознательной. Однако последняя процедура не из приятных и, как следствие, непопулярна» (Карл Густав Юнг).

Такого же мнения был древний китайский философ Чжуан-цзы, писавший: «Научись видеть, где всё темно, и слышать, где всё тихо. Во тьме увидишь свет, в тишине услышишь гармонию».

Однако чаще всего, защищаясь от сложно устроенной, противоречивой, но целостной Реальности, мы предпочитаем расщеплять её на «ВСЁ ХОРОШЕЕ» (СВЕТЛОЕ) и «ВСЁ ПЛОХОЕ» (ТЁМНОЕ), приписывая себя, естественно, к светлому лагерю, к «ДНЕВНОМУ ДОЗОРУ». Подобно тому, как персонаж анекдота искал потерянные ключи под фонарём не потому, что там их потерял, а потому, что там было лучше видно.

Страх темноты является естественным и охранительным свойством человека, не располагающего возможностями ночного зрения. Наши предки сидели у огня или прятались в пещере, стараясь не подвергать себя опасностям ночного леса. Однако на тот же самый ночной лес или темноту пещеры ложились все проекции внутренних, нескончаемых, бессонных процессов, спрятаться от которых невозможно даже у дружеского костра. Совсем уж крайняя беспомощность перед темнотой имеет название «куриная слепота». Которая, кстати, никогда не развивается у народов Крайнего Севера или у аборигенов Австралии, зато встречается у белых европейцев. Быть может, за этим стоит не только нехватка витаминов или генетические проблемы – кто знает? Для меня такая разница тоже символична.

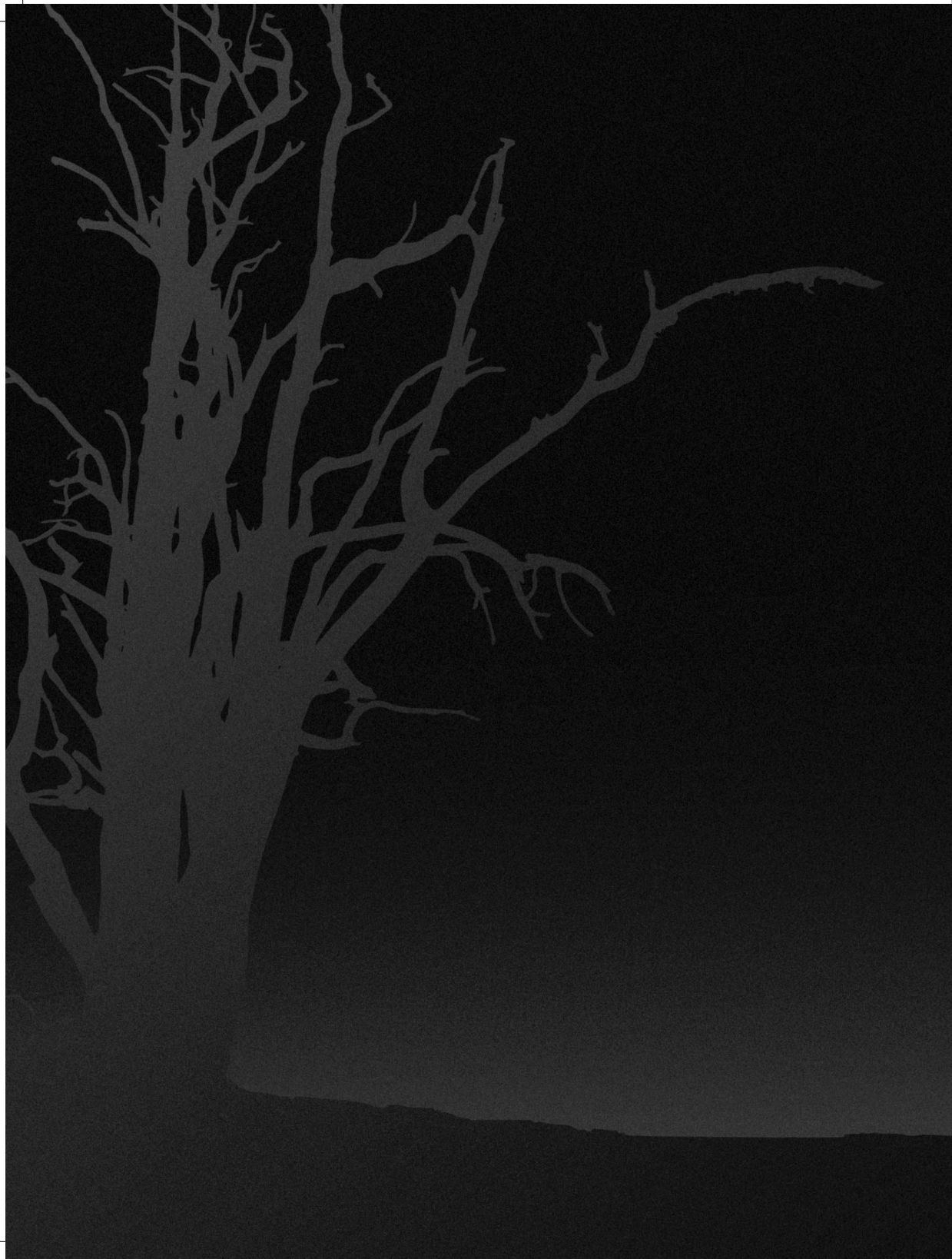
Мартин Хайдеггер считал поэзию сестрой философии, занятой поиском истины и «именованием богов». Философский подход, определявший поэзию из её онтологического значения, всегда был мне ближе, чем литературоведческий, основное внимание уделявший средствам производства поэзии, то есть собственно технологии, способам выражения, структуре языка и так далее.

Для меня, как и для древнего человека, поэтическая речь это особая речь, отражающая особое, расширенное состояние сознания, а сама поэзия направлена на постижение тайны сущего, на диалог между внутренним и внешним миром, на его честное отображение – в образах, символах, звуках, потому что иного способа правдиво и мужественно рассказать о жизни и смерти, о любви и её утрате, о надежде и разочаровании, о восторге и об одиночестве, о самых важных явлениях бытия, на мой взгляд, не существует.

Если когда-нибудь появится определение русской поэтической метафизической школы, то, наверное, придётся указать на её отличия от барочной английской традиции. Предполагаю, что русская метафизическая поэзия будет опираться на христианскую православную поэтику, отличаясь от неё, тем не менее, большей свободой, открытостью к «проклятым вопросам», к Тени, к Сумеркам, большей близостью к земному, частному, бытовому, неправильному, однако при сохранении сакральной иерархии и вертикали. Она будет расти «из сора», в ней не окажется правильных ответов и универсальных рецептов и вряд ли она будет «глуповата», игриво-метафорична, иронична, оптимистична и легка для восприятия. В любом случае она будет стремиться к тому, чтобы уловить и отразить не только измерение обыденности, но и большее количество мерностей и смыслов, двигаясь от феномена к ноумену.

Выявление неочевидных связей между явлениями, нащупывание молчавших до поры до времени клавиш, которые необходимы для полновесного звучания, – это одна из задач, стоящих перед автором, открытым своему подлинному опыту. Как если бы Бог в качестве антиномии проникал в стихи, исследуя, испытывая автора, но и автор посредством стихов познавал бы как себя, так и Бога.

И ещё я скажу о том, что верность собственному Даймону, собственной интонации требует мужества и смирения, она никак не согласуется с конъюнктурой, со стремлением угодить и понравиться. Я всегда чувствовал, знал и верил, что нечто большее стоит, распахивается за словами, и каким бы мастерством версификации и талантом ни был наделён автор, поэзия есть бесконечная попытка приближения к этому большему, как будто бы тщетная и всё же имеющая смысл. Как писал Арсений Тарковский, «слово только оболочка», однако внутри слов, за узорами их сочетаний скрывается Власть и Сила, по меньшей мере влияющая на судьбу автора, а иногда и резонирующая с душевными струнами читателя. Этот резонанс далеко не всегда можно назвать сочувствием и благодатью, иногда текст, как триггер, запускает непредсказуемую цепочку ассоциаций, натякающихся на личный опыт читателя, на запреты, болезненные комплексы, предпочтения, страхи. Вот так же мы боялись смотреть в детстве в темноту, населённую нашими проекциями, – а вдруг не только ими?..

НОЧНОЕ ЗРЕНИЕ

РУКОПИСЬ СТИХОВ

1978 – 2021

Я вижу фильм документальный
о жизни призрачной и мнимой:
ореха прут горизонтальный,
как мой рубеж неодолимый,
качается, и ветер слышен,
и лес кругом пустынно гулок.
Лесной тропинки переулочек
к раздвоенности мира вышел –
а дальше тайна, дальше бездна –
такой же лес, но не возможно
переступить порог отвесный
из мира мнимого в мир ложный –
из мира нынешнего в прошлый...

Но там раскинулась поляна,
и девушка бредет босая
(я словно бы припоминаю
несуществующее)... Странно
звучат кузнечиков оркестры,
цветы пестры, глаза печальны.
До боли ведом Неизвестной
размытый снимок моментальный.
До боли памятна поляна,
руки движенье... Между нами
ореха куст – над временами
парящее изображение,
плод Провиденья иль обмана...

Звнящей нотой у виска
повиснет смерти неизбежность.
Закончит полукруг тоска,
переходящая в безбрежность,
на пустоте,
на темноте,
на той невыразимой ноте,
которую не вы берете,
а музыка – уже извне.

Остановись, помедли, ты,
Неуловимый образ тайны!
Цветы пестры, глаза печальны.
Леса июльские пусты.

1978 г.

МИЛОСЕРДИЕ

Мы станем милосердней и нежней!
Вот погоди же, это время минет,
и все изменится.
В пучине дней не сгинет
твое лицо,
рука
и родинка на ней.

Так быть не может, чтоб и мы,
при этой жизни разлучившись,
не встретились когда-то...
У зимы
так тяжелы снега, летучести лишившись,
а души сиротливо холодны.

Быть может, это сон,
и, окруженный тьмой,
я позабыл обратные дороги?
Но, говорят, Бог милостив,
с тобой
мы встретимся, дики и одиноки,
в какой-то дальней области ночной,
на рубеже бессилья и тревоги.

Ты не узнаешь прежних мест и лиц.
Леса осенние обнажены до срока,
редки и бесприютны стаи птиц
и хижина могильщика убога.

Но вдруг – как милость! –
с белых облаков –
за все грехи нежданное прощенье –

осыплется на доли и селенья
шуршащий снег полузабытых слов,
полуоткрытых губ прикосновенье.

1979 г.

ПРОГУЛКА

Ноздрями форточек принюхивался дом
К ночному выдоху угрюмого завода,
И кисло капали и хлюпали кругом
По ржавым лужицам слезинки с небосвода.

А в речку трубами шла мыльная вода,
Железный мостик громыхал и прогибался,
И наш маршрут с тобой – так просто – никуда
На свежем воздухе прогулкой назывался.

И вот мы под руку – вдоль стройки, вдоль стены
С колючей проволокой сверху, вдоль больницы,
Вдоль свалки мусорной и плит... Но наши лица
Друг к другу с нежностью такой обращены!

С таким вниманием, с надеждой, горячо...
Оставим слева недостроенное зданье...
О, как таинственно легло за кирпичом
Зеленых стеклышек бутылочных мерцанье!

1981 г.

ДОМ

Как мышь газетами, шуршит за стенкой дождь.
Играет мелочью листвы огромность жизни,
И лижут лысины земли ночные слизи,
И ты по шорохам, не двигаясь, плывешь.

Не то я сплю, не то я слушаю, сместив
Все чувства внешние на край, на ту опушку,
Где-то что-то щелкнуло, и лунный негатив
Подвешен памяти прищепкой на просушку.

Потом возник впотьмах кирпичный красный дом,
И я шаги твои узнал, их выдал гравий,
И черно-белым заблестело все кругом
От наших будущих семейных фотографий.

Дверь в дом раскрыта. От нее наискосок
И платья белые, и простыни повисли...
И поманил меня, позвал в огромность жизни
В подъезде спрятавшийся детский голосок.

1981 г.

НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ

Там было сыро и темно,
Царапались о листья капли,
Движенья ветра смертью пахли,
Которая произошла давно.

И сквозь ажурное литье
Мерцали глазки незабудок
И гравировки: «... не забуду...
Покой... день ангела её...»

И папоротник оперял
Подножья памятников ветхих.
В честь вечной памяти и верной
Крапивный холод полыхал.

И мнилось мне, среди могил
Какое-то живет мечтанье,
И чье-то «легкое дыханье»
Мир где-то рядом растворил.

Здесь запретили хоронить,
Но хоронили, только реже.
Я думал, озираясь, где же
Поминовений рвется нить?

И мне на это отвечал
Мхом покрывающийся камень:
«Для большинства лет сорок – память,
А там!..» Крошился, замолкал.

Казалось, этим потрясен
Был сам дождливый летний вечер.
И мне ответить было нечем...
Чугун ржавел со всех сторон.

1983 г.

МАЛЬЧИК

Какая немота обволокла весь дом!
Морозы поднялись в январский полный рост.
Блится серп луны и россыпь ярких звезд
В зиянии небес за инистым окном.

Сон. Глухозимье. Тишь. Полночный мертвый час.
Искрятся лед и снег. Дрожащим языком
Лампадка лижет мрак у карих Божьих глаз.
Оклады в темноте мерцают серебром.

Пробило полночь. Вдруг, как будто домовой
Подростка подтолкнул, шмыгнувши из угла.
Открыл бы он глаза, от страха сам не свой,
Да бабушка вчера под вечер умерла.

И кажется ему, весь мир оцепенел
И вымерз. Только печь под боком горяча.
А луч луны в окне потусторонне бел,
Какой-то мотылек кружит внутри луча.

... Печально и светло на самом дне зимы.
Вдруг кто-то робко – звяк! – крючком двери входной
И словно дверь толкнул средь полной тишины.
Не бабушки ль душа прощается с тобой?

А если ты умрешь, увидишься ли с ней?
Ночную духоту сверлит с киота взгляд.
Колелеет ветер цепь рождений и смертей,
Звено вослед звену струится наугад.

Безмолвная страна лежит в плену снегов.
Сдавила ей гортань суровая зима.
Во мглу ее судеб, во тьму ее веков
Плывёт в ночи зима, сводя тебя с ума.

1984 г.

БАТЮШКОВ

Ни набережных Рима под луной,
В вечнозеленых ароматных померанцах,
Ни дружеской компании хмельной,
Ни бала в драгоценностях и танцах,
А только домик в дебрях Вологды глухой.
Сухое дерево и солнце, и окно...
А вся горячность, колдовство, мечты и строки
Оборвались, как шерстяное волокно
В руках у Парки... Только выпренок мороки,
Пустого бреда мельтешение одно.
Нельзя очнуться и понять, и различить...
Что? Все проходит?
Только хаос колобродит
В больном мозгу, велит по комнатам кружить,
Как кукловод, в движенье мускулы приводит.
Вот вам природа, изощрения Творца...
В палате хроников стоит тяжелый запах.
Стирает вечность выражение лица,
И голый локоть держит Бог в железных лапах
И так, не дернешься, доводит до конца.

1983 г.

БОЛОТА

В золотистом и буром пространстве болот
Выпь тоскливую хриплую песню поет
Или фосфорно-черный мастиф Баскервилей.
Даже оторопь что-то, ей Богу, берет...
А по высохшим злакам предзимье бредет,
Сурик ржавый размазав на мили и мили.

Жутковатый прекрасный глухой уголок.
Сена оживший серый катается клок
По пустынной замерзшей дороге.
Будто повести старой закручен пролог,
Где герой простоват, все ему невдомек,
Героиня – бледна и в тревоге.

А красавица!.. Боже мой, как хороша!
Верит вымыслам все же порою душа.
Встреться, встретиться мне тоже на желтой тропинке!
Из бескрайних и мертвенных волн камыша
Выйди, длинным парчовым подолом шурша,
В шляпке, в карей своей пелеринке.

Ходуном ходит скользкая жидкая гать.
Я ведь тоже не знаю, как долго мне ждать
Приближения вечной собаки...
Так позволь мне хотя бы у губ подержать
Жгуче-черных волос твоих жесткую прядь
Перед тем, как исчезнуть во мраке.

1984 г.

СВЯЖСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Перебирая растресканный хрупкий стеклярус блаженного лета,
Тянется время. И ветер развеял в лазури сквозных облачков волоконца.
Как насекомое, тащится катер по бликам подвижного света.
Давит на веки смеженные теплыми пальцами солнце.

Слева по борту ползет меловой шелушащийся берег,
Сосны корявые, лунки стрижиных колоний, слоистые камни...
Скоро, наверное, остров покажется, – нищий, рассыпанный перед
Храмом поселок, боровшийся насмерть с веками.

Несокрушимы, как видно, линялые сонные козы и косо
Вдаль убегаящий серый заборчик, по грудь утонувший в крапиве.
Непобедимы несущки и дети их, жадно клюющие просо,
Неотразим и беспечен петух на песчаном обрыве.

Нынче в обители древней – пристанище умалишенных.
Голая женщина с песенкой нежной по дворику медленно ходит.
Плавность и гибкость в движеньях, в качаньях ее монотонных.
Переминается, кружится, руки тихонько разводит.

Сколько любви потаенной, покоя и счастья в исходе!
Не замечает конфетки в руке угощающей чьей-то.
Только один незатейливый танец, повтор безыскусных мелодий.
Неутомима безумная нежная флейта.

1984 г.

Только хрупкий баланс равнодушных молекул,
Безразличных веществ – провиденья рука.
Одного превращает с рожденья в калеку,
А другого – хоть в гения, хоть в дурака.

По ионным мембранам, по тонким каналам
Прелегает безумья заряженный путь...
Склянку с бромом возьми, пузырек с люминалом,
Ничего, все пройдет, постарайся заснуть.

Механизм одиночества, звездная бездна
В зарешеченных окнах. Тревога, тоска.
Все бесцветно, искусственно, все бесполезно...
Это только так кажется. Это пока!

Мимо смысла любви, мимо черного солнца,
Мимо жизни самой, лишних, ласковых пут...
Да, но снадобий горьких бензойные кольца
Остановят тебя и тревогу уймут.

Наконец рассвело, отлегло. И как ясно!
Как светло! Голоса повели за порог...
Спи! Какое там! Ночь. Вот заснешь, и прекрасно.
Спи спокойно, ты что, это бром, а не Бог.

1985 г.

В АНАТОМИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

I.

О чем скорбят в музее мумии? Лицом
Сухие, мертвые, а выражают муку.
Им сушит мышцы так, что горестным кольцом
Растянут рот, готовый к стонущему звуку.

Среди поблекших оболочек и желёз,
Разволокнувшихся в прозрачных желтых банках
Так обнажен субстрат, распахнута изнанка
До мелких косточек, сосудов и волос,

Что мы, зажмурившись, готовы отрицать
Связь наших радостей, печалей, потрясений –
С пластами мускулов, с клубочками сплетений...
К чему, не нужно их, неловко вспоминать!

Зачем так пристально, так близко!? Мудрый страх,
И рассудительность нас вовремя спасают...
Как день забывчивый черемухой пропах!
Как жутко мумии печаль изображают!

2.

Уйдет экскурсия. Тщеславный лаборант,
Войдет в прозекторскую, прерванное дело
Продолжит. Редкий, необычный свой талант
Он совершенствует здесь твердо и умело.

Часы старинные пробьют урочный час.
На полку новых экспонатов встанет банка,
И чай душистый в кабинетике, светясь,
Ему с улыбкою заварит практикантка.

Средь мумий горестных, безгубых и немых,
Лишенный прошлого, лишенных справедливой
И полной смерти, как веселой среди них
И обаятельной быть можно, и счастливой?

А вы спросите через девять-десять лет,
С чем счастье связано, в кругу каких предметов
Была ты счастлива?.. И жалкий мир скелетов
Всплывет нечаянно... когда другого нет.

В века ль железные, в разворошенный ад,
В скупые ль сумерки истории бесстрастной
Она простой войдет, забывчивой, прекрасной...
Ее полюбят там, не только что простят.

1984 г.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Зимнее утро!
В воздухе словно бы звон
льдинок замерзшего молока...
Белое перед глазами
(белые стены церкви
или белые стены морга,
блестящий кафель?)

Луна, как сестра милосердия,
реет в поблекшем небе,
выплыв, будто из подсознания.

Волны раствора поваренной соли
с шумом взбегают на берег...
запахи йода,
замерзшей гнили...
пляж...
гулко-пустынные душевые.

И негативы безвестных лиц,
вряд ли когда-то живших,
(хлопьями сажи на белый снег)
издали к нам доносит.

Всюду портреты.
Обрывки марли.
Дальние-дальние голоса.

1984 г.

ПУСТЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ...

Пусть не кончается дождь вперемешку со снегом...
Он удаляется – сумрак за ним остается.
Той темноты отсыревший крошащийся слепок
Жизнью зовется.

Там, на окраине, зыбкий навес остановки –
Домик, еще никого не укрывший от ветра,
Мальчик, собака, бредущие вместе вдоль бровки –
Вечера, века?

Пусть не кончается это блужданье в ошибках...
Двор незнакомый, в подъезде мелькнувшая кошка
Так и замрут, не изменятся больше, как жидкий
Свет из окошка.

... А потому, что накатит нежданная милость,
Все образуется – мудрость, спокойствие, сила...
Взглянешь – не досыта, больно, да счастье случилось,
Все уже было.

1985 г.

Скажут, молчи, что ты знаешь о жизни и смерти?
Их откровения зрелости мудрой удел.
Но это я при дрожащем неоновом свете
В морге холодном в недвижные лица глядел.

И черпачок опрокидывал с кровью остывшей
Над нумерованным цинковым звонким ведром.
Пред восковой трепетал, все на свете забывшей
Плотью, безропотной в мертвом обличье своем.

Мне повезло еще... Я задубевших портянок
Не перематывал, в зимних окопах не мерз
И, отупело бессонный, не лез спозаранок
На пулемет под колючими взглядами звезд.

Мне не в привычку труды погребального взвода,
Тихий фонарик, блужданье понурых трудяг...
Как обезличена жизни и смерти работа!
Будничность поисков, ржавых лопат перезвяк.

Я еще в силах почувствовать весь этот ужас,
Злость и обиду за жалкую цену свою.
Я-то могу. А другим уже выпала участь
Сгинуть, исчезнуть в железном шинельном строю.

... Есть представленье о тайном естественном сроке.
Там, на краю увяданья рассудка и сил,
Слепнет душа и сама будто сходит с дороги,
Чтоб развязать узелки склеротических жил.

Но неизменно в дневном и полуночном свете,
Видимый для посвященных и пристальных глаз,
Тянет сквозной холодок преждевременной смерти,
То обтекает, то скрытно касается нас.

1985 г.

В прогалины меж туч прокалывались звезды.
Молочной полосой мерцал огонь Стожар.
Слезоточил июль. И поджигали грозы
Решетку нищих крыш сараев и кошар.

Я сторожил овец. И свечку к изголовью
Лепил и книжку брал. Но делалось темней.
Как в Книге Бытия, закапанные кровью,
Казалось, почернев, листы слипались в ней.

В пахучий полумрак с желтинкою огарка
Я осторожно шел... Шуршащий клок сенца
Одним касаньем губ брала, пугаясь, ярка
И дергала из рук суюгная овца.

Овечьих черных лиц печальные цепочки,
Свеченье бледных глаз, прекрасных и пустых,
Тягучий запах сна, подсохшие комочки
И жилковатый свет разрядов грозových.

... Овечий древний мир все глуше, деревянней,
Но кротость и тепло Земля еще несет...
Я гладил их бока. Трещал все окаянней
Навес, и холод плыл с клубящихся высот.

Наутро – чад пространств был желтый, мутноватый,
Как жир на остриях пастушеских ножей...
А равнодушный Бог в земле солоноватой
Мешает кости коз, овец и сторожей.

1985 г.

БОЛЬНОЙ

Лежать на смятой простыне,
Терзаясь долгой резью,
На людях, но наедине
Со смертью и болезнью,

В наплывах прошлого, в тоске,
С несчастными глазами...
И пятнышко на потолке
Разглядывать часами.

Сначала в злобе, а потом,
Устав, – с протяжной грустью,
Слабея, – щепкой, пузырьком
Скользить все ближе к устью.

Холодной сумрачной рекой –
В сырую темень лета,
В простор космический, в покой
С миражной точкой света.

А вслед раскаяньям, грехам,
Прозрениям – как судьбы! –
Останутся по берегам
Глазеть чужие люди.

1985 г.

ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМ

I.

Дом деревянный лет сто древоточцы точили,
 Их поколенья ветвились в трухлявых канальцах.
 В полосах света толпились молекулы пыли.
 Мыши вертели сухарики в тоненьких пальцах.
 В комнатах плавали запахи ягод и яблок.
 Слабо светлели мешочки с крупую и маком.
 Ночью шуршала в углах кавалерия лапок.
 Матово мебель мерцала растресканным лаком.
 Было картинок не счесть на некрашенных досках,
 Бабочек, бьющихся в бледные лунные стекла,
 Призраков ночи – на крылышках, ножках, присосках,
 Сухо-рассыпчатых, грустно-растерянных, блеклых.
 В белой сорочке стоял на порожке ребенок,
 Порозовевший, немного опухший спросонок...
 Ста поколений жучков древоточцев не стало.
 Время, вернувшись назад, никого б не застало.

II.

Серые бревна и крыша, покрытая снегом.
 Мир так бескрасочен под сизооблачным небом.
 Тропик оконный, листва сахаристых растений.
 Льдинки в ведре, монотонные капли мгновений.
 Овцы заблеяли глухо в потемках сарая.
 Снег или сон, или сумрак от края до края?
 Так намело, что ребенок ворот не откроет.
 Ветер бездомный в трубе, как нечистая, воеет.
 Бабушка печку затопит в застуженном зале,
 Чтобы поленья, как древние царства сгорали.
 Трещины, стружья побелки и связки укропа...
 Кружится ветер, колышутся хляби потопа.
 А ведь когда-то была даже сказка не ложью.

Сядь на салазки, по белому съедь бездорожью –
 С горки во дворик, холодный, волшебный, убогий...
 Но не найти в том снегу ни следа, ни дороги.

1985 г.

БАБОЧКИ НА СИРЕНИ

В нежно-лиловой гуще северной сирени
Два невесомых совершенства светотени,
Две крупных бабочки, кружась и замирая,
Мерцают царственно, как две жилицы рая.

Полет порывистый, сомнения, опаска.
Чудесных крылышек тигровая окраска.
Когда-то с праздничной рассеянностью женщин
Порхали стайками они. Но их все меньше.

Как бы приснившись, появилась вскоре третья,
Еще изысканней. Из прошлого ль столетья
Сюда вас чудом донесло над жуткой бездной?
Зачем был путь такой далекий, бесполезный?

Зачем, забытых, вас пронес угрюмый ветер
Над лагерями унижения и смерти?
Зачем, исполненные неги и печали,
Вы над пространствами баталий пролетали?

Вы души умерших, вам пели аониды?
Боюсь, не вынести вам нынешней обиды.
Инсектицидные поля, леса стальные,
Озера ржавые и реки нефтяные...

Щитом космическим блестит впотьмах планета.
Всего три бабочки с того пробилась света...
С лугов наивного неведомого рая
Летит последняя редующая стая.

1986 г.

ОВЦА

Заботливый пастырь проспал, проморгали овчарки –
Овца забрела в непролазный кустарник...
Пугает ее темнолистый и яркий,
Совсем по-другому глядящий татарник.

И чуждо ей все. И не видно протоптанной тропки,
Где травка скуднее, быть может, и суше,
Но стада гремит топоток неторопкий,
Вселяя уверенность в душу.

Где так неизбежен и прост тошнотворный и острый
Дымок на привалах, гуляш, закипающий долго.
Где кнут справедлив, и красив сиволапый, бесхвостый
Кобель, стерегущий их стадо от волка.

А ночь опускается, все порассыпала звезды.
И волком не пахнет. Но дико, бессмысленно, странно!..
Как будто твердея, мерцает и светится воздух
Пустынной поляны.

Клочком неуюта по мрачному миру ночному
Беглянку усталую страх подгоняет и носит.
Она б умерла. Только время пошло по-другому –
И жертвы не просит.

1986 г.

Как будто нитка световая
Дрожала в темени ночной –
Тяжелый сон перебивая,
Тянулась память вслед за мной.

И в пяточке скупого света
Вдруг воскресала наугад
Кривая улочка и лето,
Прошедшее сто лет назад.

И, словно вставши на колени,
Я видел где-то над собой
Светло-лиловый куст сирени
И дом с верандой голубой.

Мне легкий сон твердил, что в детстве
Мы счастливы наверняка,
И расставлял в таком соседстве
Сирень, веранду, облака,

Что я, поддавшись увереньям,
Уже с тоской тянулся сам
К тем неотчетливым виденьям
И отзвучавшим голосам.

... На встречи праведным и грешным
После судилища – запрет.
Вот так и нам, наверно, к прежним
Местам возврата больше нет.

И даже если те растенья,
Строенья те пощажены,
Мы все равно на отчужденье
И на тоску обречены.

1986 г.

ВЕРБЛЮД

Марь над щербнем шуршащим колюче сиза,
Ветер дышит в лицо бесноватый.
Но сурово-надменны верблюжьи глаза,
И высок желтый профиль горбатый.

Сахаристые финики в пыльных тюках,
Торбы с вяленным мясом и солью
Он несет, как плывет – на мосластых ногах –
Терпеливо, с презреньем и болью.

И красив, и протяжен размашистый шаг,
И дорога так однообразна,
Что цельнее судьбу не представишь никак,
Даже мысль об иной несуразна.

А когда бедуин предзакатный намаз
Совершит, распластавшись пред Богом,
Над беднягой верблюжий засветится глаз,
Как звезда в превосходстве высоком.

Правоверный хозяин, его костерок,
В подтвержденье верблюжьей гордыни,
Будет так беззащитен и так одинок
Перед черной утробой пустыни,

Что верблюда теперь даже пулей шальной
Не смутишь в племенной перестрелке,
Где, мотая кровавой большой головой,
Ткнется глухо он в галечник мелкий.

1987 г.

НОЧЛЕГ У ПРОКРУСТА

Вот впотьмах на дороге какой-то стоит человек,
Улыбается ласково, манит рукою, нестрашный,
Что-то тихо бормочет про отдых, про сон, про ночлег,
Прямо к дому ведет по тропинке петляющей влажной.

Треск цикады. Кустарник, растущий кругом,
Освещен восходящей, слегка красноватой луною.
Пахнет мокрой листвой и цветами, и горьким дымком...
А в саду пахнет кровью,
 бедою.

И чем легче ты веришь, тем глуше становится ночь,
Тем приятней руке полновесная выпуклость кубка.
Наконец, ты размяк, подобрел и прилечь уж не прочь...
Вот теперь и начнется та самая вытяжка, рубка.

... Как же так? Ты сама, жизнь, сама подарила мне мир,
Птиц ночных переключку и тихую радость беседы,
Ты сама мне язык развязала, на дружеский пир
Привела, научила любить и заставила верить, и... где ты?!

Я еще не успел до конца восхититься тобой,
Лесом, дальней горой, там сейчас приоткроется шапка,
Я Прокрусту еще не успел досказать, как порой
Одиноко бывает и сладко, и жалко всех как-то.

1987 г.

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

Этот сад в фонарях – именинный пирог,
В мятном сумраке теплятся свечи.
В предвкушенье восторгов припудрил снежок
Шоколадный газон и моста завиток,
Слюдяной темно-клетчатый вечер.

Я один в отдаленье от сада стоял
В пересыщенном мутном растворе
Полумертвого дворика. Сад мне сиял
Пирогом, опереттой, ознобом зеркал
Сквозь безлюбье, бездомность и горе.

И забыл я усталость, которою жил
Эти тягостно-темные годы,
А припомнил дрожанье певучее жил,
Их смычковый, щипковый, муаровый пыл,
Переливы, мерцанья, разводы.

И минуты – уже при закрытых глазах –
Шли лучистой волнистой цепочкой.
И в ликующих я утопал голосах,
В женском хохоте, в рыжих – до пят – волосах,
Упиваясь короткой отсрочкой.

1987 г.

ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕР

В этот вечер воскресный, промозглый и темный, ты сам себе кажешься домом улитки,
Упрощенно-условной разновидностью жизни, уюта, тепла.
Как небрежно и царственно в снег высыпаются слитки
Ресторанного джаза, горячие запахи кухни и дребезжанье стекла.

Но к убожеству быта и строгости нрава во всем приспособлен,
Образцом добродетели из угрюмого вечера также угрюмо зришь
На явленья распада. И панцирь твой тесный будет шлему на лбу уподоблен,
Экономь, не умеешь – не суйся и бдительности не теряй!

Ах, какие там дивы продажные томные влажные
Всё глаза свои щурят крашенные и бесстыжие – ты
С ними слова не сможешь сказать, но истории страшные
Будешь всё вспоминать про людей, до последней дошедших черты.

Каракатицей чуткой скользи в многотонных слоях, никому не завидуешь.
Ты породы иной, словно гробик живой, одиноко в глубинах пльви.
Дорожи, как подарком, наследственной щедрой обидой,
Драгоценные струи печали дыхательной трубкой лови.

1987 г.

ПРОЗРЕНИЕ

Однажды ты, простуженный, проснешься в продутой рыхлым февралем квартире, И шевеленье занавесок и землистый рассвет тебе подскажут – надо уходить. В такую рань, по счастью, не хватает сил на самообман. Во внешнем мире – Метель, во внутреннем – усталость, и чайник неохота кипятить.

На кухне в банке скрючились окурки. В углу две допитых бутылки. Что же С таким тоскливым и враждебным неуютом тебя роднило, если жестяной Аляповатый, хрупкий беспорядок – и тот как будто ненавидеть может? Лишь зеркало проступит машинально одутловатую знакомой желтизной.

Прислушайся к себе: есть сожаленье? Вот ты уйдешь, никто и не заметит. В соседней комнате неслышно спит хозяйка. Но ничего, ты все предусмотрел, Лишив себя заранее иллюзий. И сквозь пальто февральский тушит ветер. Страх одиночества, последнюю досаду, последней ревности твоей кладет предел.

И видишь ты спешащих к электричке. И сам летишь в белесости прозрачной. Садясь в вагон, кому-то кажешься помехой, но занимаешь место у окна На зависть неуспевшим. Проплывает в косом снегу какой-то домик дачный. Ты уступаешь место инвалиду. Жизнь, как всегда, событиями полна.

На чудеса? – Нет, на существованье рассчитывать ты можешь, хоть в петлю Залезь, но массу аналогий подскажет опыт. Сам его копил. Набросок сделан и предел известен. И только сны есть, чтоб шептать «люблю» На радость самому себе, ночь-заполночь, в мерцании светил.

1987 г.

СОРОКОВОЙ ДЕНЬ

Раздвигая колючие стебли,
В полумраке сквозь и светясь
Белым вретисцем, в глине и пепле,
Из могилы душа поднялась.

И в холодном нездешнем эфире
Оказалась уже не одна.
И все то, что случается в мире,
Позабыла навеки она.

Награжденная райским забвеньем,
По густым невесомым садам
Побрела с разговором и пеньем
Равнодушная к прошлым слезам.

Неужели за все ей награда
Тот заоблачный сад или дом?
Как же мало ей надо, как рада
Поскорее забыть о былом!

Что ж, условие это прямое
Обязали ее соблюдать,
А иначе, сказали, покоя
В небесах никому не видать.

1987 г.

Всю ночь, всю ночь опять стучала поршневая
Одна машина маслянистого дождя.
Впотьмах форсунками дрожала, как живая,
Ремни незримые в движенье привода.

Нет, больше мертвая – темно и монотонно,
Хоть к ней прислушивайся, а не хочешь – спи.
Вот так и жизнь пройдет рычажно и наклонно –
По трубам, клапанам, по блокам, по цепи.

Вслепую, в точности, с рождения, пазами,
Чтоб ты параметры запомнил назубок,
Чтоб кожей чувствовал и закреплял слезами,
И свой шесток любил, и поменять не мог.

«И нет в творении – Творца!» Тем скрупулезней
Любая формула и безотчетней. Стать
Пора сговорчивей и, стало быть, бесслезней,
Чтоб слушать этот шум, а надоело – спать.

Так чем же все-таки предмет одушевленный
Был в эту ночь отличен от густой
Шумящей тьмы? Он, плакал, узявленный
Своей врожденной функцией простой.

1987 г.

Всякий раз, напиваясь, ты думаешь, что эта встряска полезна,
Что в сезонном химизме эмоций есть слабое место,
Что его хорошо бы пройти без потерь,
Что чего-то иного уже не придумать теперь.

Вот, к примеру, ноябрь превратил в глицерин кровь жучков, и отныне
Они будут недвижны в заваленной снегом пустыне.
О, как сладок их обморок, анабиоз!
А тебе нужен теплый треух и тулуп, чтоб идти на мороз.

Ты бы мог между рам где-нибудь, среди ваты, поджавши колени,
Спать и видеть во сне пастушков и пастушек среди разных растений,
Но, увы, как твой голос ни слаб и как волос твой ни поредел,
И как сам ты себе ни наскучил, еще не предел.

Еще будет зима, разговоры, фужеры, салат, апельсины
И реформа заниженных цен, и разгон демонстраций, и спины
Обозленных людей, поднимающихся из метро.
Но назревшее ожесточение – тоже старо.

Лишь однажды к тебе откровенье придет, что и ты не случайно
Здесь по жизни бродил, словно взгляд, и слезился, что тайна
Есть в самой невозможности счастья, а то, что простить ты не мог –
Это было юдоль или даже стезя, то есть Бог.

1987 г.

ПЛОВЕЦ

Пловец, и мне знаком тот сладкий миг, когда
Не видно берегов, и облака закрыли
Полнеба. Ты один. Холмистая вода
Грузнее, холодней, сильнее твоих усилий.

Так почему же ты на ящиках сидишь,
В подсобке пиво пьешь, с подсобниками шутишь,
Не помнишь ничего, на продавщиц глядишь,
Высокой той судьбе показывая кукиш?

А, ты остался жить, хоть был пловцом, и вот
Безвредно шелестит твоя шизофрения
О чем-то о другом. Но все-таки придет
Возвратная волна, надежда, ностальгия.

Ты сбросишь свой халат казенный, ты стряхнешь
Опилки с головы в безудержном ударе
И, осушив стакан последний, перейдешь
Через убогий страх по битой стеклотаре.

Под окнами любви пройдешь ты молодым,
Тревожным навсегда, с усами золотыми,
И повернешь к реке по улицам пустым,
А если не пустым, то с женщинами злыми.

И в легкие твои войдут восторг и смерть
Химической воды, цилиндры нефтебазы
Размоет, а небес трепещущая твердь
Взамен обид и бед зажжет в глазах алмазы.

1987 г.

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА

1.

Прости, я нынче написать хочу про боль,
Которая сургучною печатью
Деревянит запекшиеся губы,
Громадной самкой паука-крестовика
Дрожит в засаде, в солнечном сплетеньи...
О, ты-то знаешь, как я благодарен
Знакомой боли, пожирающей все силы.
В часы такие я бываю верен
Одной тебе. Какое это счастье!
А так, в полубезумной толчее
Какой-нибудь столовой или в душных
Подземных залах, грешный, временами
Я сомневаться смел в существовании
Твоем, смотрел на чьи-то губы,
На щеки анемичные в румянах,
Белесые прически и чужие
Бесцветно-равнодушные глаза.
Но чувственное, властное касанье
Знакомой боли сразу возвращает
Меня к тебе, к твоим ночным ресницам
И волосам – чернее черной ночи.

2.

Когда царица-боль меня несет,
Лежащего в эмбриональной позе,
И кружится в горячке голова,
Я становлюсь слабей и невесомей –
И вижу, вижу зимние холмы.
Там, мимо лип кладбищенских, где ветер
Шуршит-позванивает в траурных венках,
Припорошенных снегом, мы с отцом
Идем на лыжах. Я одет в костюмчик

Потертый шерстяной, мне жутковато,
Что кладбище, что надо съехать с горки,
Мне стыдно, а отец уже съезжает
И падает, и в пышные сугробы
Роняет шапку, варежки, очки...
Я повторяю то же самое. О счастье
Полузабытой жизни до тебя!
Вон в сером финском свитере отец
Скрывается за новым поворотом.
Я вижу опустевшую лыжню.
Мы знаем и не знаем с ним друг друга.

3.

Сухую смуглую и тонкую ладонь
Твою я подношу к губам... Я помню,
Здоровье дарит нас надеждами, но вечно
Случается не то, о чем мечталось.
Но это ничего, мечтать важнее.
А вот с тобой наедине, в безбрежье
Хрустальной боли, набегающей волнами,
Я чувствую никчемность всех надежд.
Мне ничего не нужно. Только шум
И плеск, и головокружение над бездной.
А там, за болью, луг в зеркальном солнце
И белый сарафанчик на тесемках,
И руки, по которым я тоскую,
Рассеянно касаются растений,
И сыплются на землю семена.
А дальше снег и, пахнувший мазутом,
Бездомностью и дымом полустанок,
И перекличка поездов во мраке,
И мальчик на платформе – это я,
Еще не знающий тебя... Но ты придешь,
Не называя часа нашей встречи.

1987 г.

НОМО ПАТИЕНС*

И после двух таблеток радедорма все крутишься, все слышишь в темноте,
Как оттепель по трубам водосточным швыряет с грохотом и звоном бомбы льда –
То далеко, то где-то близко – взрывы, томительные паузы... Вода
Бесстрастно хлюпает за окнами, имея неиссякаемый источник в высоте.

Спать, спать! А сам пугаешься провалов и обмираний, будто бы не в сон
Ты западаешь на манер иголки, а в ледяную щель небытия...
Но вот, не успевая спохватиться, спишь все-таки. А голая твоя
Душа дрожащая, пугливая подкорка в сырую ночь выходит из пелён.

Там высятся угрюмые громады домов, и только мельком чей-то глаз –
Наверно, твой – увидеть успевает на жирном глянце русла серый струп
Архипелага льдин, скорлупки уток. А дальше, за невнятицею фраз,
Рассыпанных, как горстка бледных бусин, как причитанья малокровных губ

Беременной красотки сероглазой, сидящей одиноко у окна
В халатике своем полупрозрачном... О, сколько это было лет назад! –
Опять тоска. И рад бы ты проснуться, но мальчик за тобой идет – одна
Глухая ненависть, а ты на состраданье надеялся, ведь у него твой взгляд.

Вдруг сон на полуслове обрывает свой изощренный тягостный рефрен,
И ты уже стоишь среди текущих, бесследных, но бессмертно-плотных толп.
Последнее, о чем ты просишь, – жалость, не обещающая ничего взамен,
И время постепенно погружает тебя во тьму, как придорожный столб.

1988 г.

* *Человек страдающий, болеющий, претерпевающий – с латинского.*

Если рано, еще до рассвета очнусь от нелепого сна,
 От горячки фантомных объятий – услышу, как сердце колотится в горле.
 Пробежит по лицу мне, повеявший от окна,
 Сквознячок – как привет белокровной зимы, воцарившейся в городе.

Призрак старости, смерти ли, неопрятен, придурковат,
 Лысоват, рябоват, за окном промелькнет обреченно и нище.
 Я-то в чем виноват? В общежитьях столетье подряд
 Пахнет грубой тоской, теснотой и прокисшею пищей.

О, калифы на час, что вам грезится в душных углах?
 Хорошо, если за ночь немного рассеется дым и спадет возбужденье.
 Так на лестницах тихо, как будто на тихих крылах
 Опустилось сюда понимание и всепрощенье.

Я забуду совсем, что за год на дворе, что за век.
 Захочу – и во дворик любой забреду без опаски.
 И старуху-процентщицу, потому что она человек,
 Поцелую в мышинные красные подслеповатые глазки.

Хорошо и пустынно на улицах, будто и не было бед,
 И всего лишь какой-нибудь частный, почти фантастический случай
рассказан в романе.
 Только снег на решетках ажурных, на крышах и газовый свет,
 И одна бесполезная теплая двушка в кармане.

1988 г.

РОМАН БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Чем меньше мы знаем друг друга, тем легче любить...
Любить эти плечи покатые, веки, холодно-зеленый
Мерцающий взгляд. О, как я бы хотел удлиненный
Чужой, неприступный твой рот в поцелуе ловить!

Меня не пугает твое равнодушие. Пусть
Со мной ты жестока, насмешлива. Но не хочу я
Реестрик знакомых твоих, что окрест, саранчуя,
Шуршит и стрекочет, и пляшет, учить наизусть.

Какие-то даты, поездки, успехи, стихи
Какие-то жалкие, письма, звонки, именины,
Куда-то походы, романы, и кто-то тебе георгины
Все дарит, а кто-то – гвоздики...

Избавь же меня от тоски

Подобных открытий. Я в неотразимость твою
Без этого верю, без этого хлама, в котором
Давно задыхаюсь, и точно таким кредиторам
Сам должен всю жизнь. Я люблю тебя – я говорю.

И чем безответней, тем больше. Пусть не для меня
Волос твоих узел рассыплется – я принимаю
И это... Так солнце проходит по краю
Короткого зимнего неочевидного дня.

1988 г.

ЗИМНИЕ СВИДАНИЯ

Когда гудит в утробе арок зимний ветер
И корни легких ест, как газ, страшишься вздоха,
И так пустынно, что к зажженной сигарете
Скорее ангел подлетит, чем выпивоха,

Когда и в сны влывает мрачный город-камень,
Щербатый, сумрачный, сырой, в прожилках снега,
Когда нет смысла говорить, и между нами
Тень отчуждения опять легла с разбега,

Я слышу музыку... Над запустением мира,
Над белой площадью, над флагом исполкома,
Над серым идолом – из хаоса эфира –
Она доносится светло и незнакомо.

Но косных чувств моих и нищенских привычек
Она б не тронула, поскольку по неверью
Или по опыту ни разу без кавычек
Я слово «Бог» не произнес, ценя материю,

«Бог» и «Любовь»... Но тут, нащупывая жалкий,
Себя стесняющийся узелок в нейронном
Переплетении, в желеобразной свалке, –
Субстратом слизистым, бугристым, раздраженным

Я слышу музыку... И жутко мне в морозном
Жестоком мире типовых несоответствий
Знать, что зрачки твои следят за мной бесслёзно
Пустой бездонной чернотой своих отверстий.

1988 г.

Дымно и тёмно. Неведомый дух
Стал появляться, вселяя тревогу.
Каждую ночью крадется к порогу,
Вздохами, стонами мучая слух.

Или же вдруг на пустынной тропе
Возле лесного далекого знака
Из ниоткуда возникнет собака –
Вскрикнешь и дернешься, оторопев.

Кто это, иглы тревоги кроша,
Мечется там, в кристаллическом ветре,
Метит мне в душу? Всего в полуметре
Жала тоски пролетают, дрожа.

Боже, наметь в этом сумраке раннем
Грань меж безумием и волшебством,
Чтобы я не был напуган сродством
Так с этим холодом и умираньем.

1988 г.

Вижу простенькое детство
В примитивном окруженье
Малочисленных предметов...
Секретер и пианино,
Стулья, стол, диван потертый,
Шустрый дымчатый котенок,
Скучный путь из дома в школу,
Унизительный, постылый
Мир начально-серых классов,
С отбиранием монеток,
С маршировкой под павлиний
Вопль слюнявого горниста.
Слышу клятвы и речевки,
И урок литературы
Предо мною проплывает,
Искажаясь, как в кошмаре,
Где зануда Чернышевский
Нам советует, что делать,
И грозитя жирной двойкой.
Снова вижу телевизор
Черно-белый с КВНом
Из картона и фанеры,
Клея, ножниц, остроумья,
И опять мне в ноздри веют
Школьным уксусом чернила,
И фигурное катанье
Толстоного и упруго
О заморский лед скрежещет...
Неужели это раем
Называл и я когда-то,
Где любовью безответной,
Страстной, глупой, обреченной
Жизнь меня прельстить пыталась,
Голубыми огоньками,
Новогодней бедной елкой,
Первой выпивкой в подъезде,
Неумелым поцелуем
И цветущими садами,
И немым высоким небом,
И неведеньем блаженным,
Ожиданием напрасным?

1988 г.

ПРОВИНЦИЯ

Волга в заносах. Смеркается. Вьюжит. И скоро
Тьма, затвердев, убедит тебя в том, что конечны
Жизнь и пространство, и мысль. Дошагав до забора,
Ты повернешь. И останется серый, увечный

Этот забор огораживать дворик с сортиром
(А на воротах угрюмое – «Нет туалета!»).
В заплесневелом домишке мерцает сапфиром
Чье-то окно, да почти что не верится в это.

Свадьбы собачьи затеял февраль на задворках.
Вечер в провинции тянется, как застарелый
Насморк. Крыжовник зимует в саду на подпорках.
Звякает ведрами тело девахи дебелий.

Дело не в этом, ты скажешь, поскольку не вправе
Ни на деваху смотреть свысока мы и ни на
Пьяного дворника, что матерится в канаве,
Все-таки жизни прошла среди них половина.

Краски сгущая, добьемся мы лишь искаженья
Сути и судеб. Важнее любовь, чем такая
Правда. И, Боже, спаси нас от сна и забвенья,
Не обойди нас, спасая!

1989 г.

СКУКА

От эдакой скуки, наверное, сходят с ума.
Бродя по квартире, рассеянно книги листают.
И смотрят на окна, где бледная стынет зима,
Где ранние сумерки небо к земле пригнетают.

Измята подушка, не собран скрипучий диван,
И боль головная затверженным служит предложом.
И хлебные крошки, и пыль, и бубнящий экран,
И стул с барахлом, к батарее прибившийся боком.

Так повода ищут к скандалу, считают шаги
От стула к столу или тупо читают газету.
Никто не приходит. Никто не придет. Помоги
Стерпеть эту жизнь, перемочь неприкаянность эту!

Так муза неверная, пламенник свой погасив,
В кромешном быту оставляет слепую бездарность.
Так старость приходит и, может быть, так, разлюбив,
Уже не влюбляются больше. Со страхом коварность

Судьбы постигают, не верят еще, потому,
Что временно все, обойдется, и времени хватит.
Так скукой томятся попарно и по одному.
Покуда действительно горе за горло не схватит.

1989 г.

Вроде, «Чижика» кто-то фальшиво наигрывает в мутноватой,
Полуявной, не похожей на жизнь тишине. Не сойти бы с ума!
Кто там? Что за бессонный тупой музыкантик проклятый
Пальцем вялым на клавиши давит? Как будто сломал

Я, к несчастью, нормальный порядок в мозгу... Эти внешние звуки
Только кажутся внешними, как и судьба. Но причин
Больше внутренних для пустоты, маяты и разлуки...
С кем разлуки? Не знаю. Не помню разлуки в этой мелкой цепи годовщин.

Жить – достаточно закономерно, хотя, может быть, бесполезно.
Но нельзя не ценить даже слабые признаки жизни. Они
Не прием в пионеры, не съезд и не свадьба, а лишь затрапезно-
И засаленно-серый октябрь, пожирающий дни.

Ну и пусть. Что ж себя упрекать? До конца надо музычку эту
Чумовую додержать в голове. А о пользе судить надоест.
Устаешь? Ничего, не сбежишь. Вот и вещи вернулись к рассвету.
Стол на месте своем и диван, и часы – не покинули мест.

1988 г.

ПРЕДЗИМЬЕ I

Что ж тут поделаешь, когда так север сер!
Весь без остатка в сумраке предзимья
Я с лабиринтом уличным сольюсь.
Где я, где бойлерная, где разбитый сквер?
Как будто сквозь предметы просквозил я.
Ноябрь наносит снег сухой, как грусть.

Продли мне, Боже, даже эти дни.
Смягчись, линейкой отмерив притязанья.
Не воровство прощаешь – простоту.
Живу в провинции, брожу родной Казанью,
Вдыхая отчий дым и кислоту.

В очередях меня сотрут на нет.
Счастлив ли я, накрытый ночью Рима,
Блажен ли я на сумрачном пиру?
Нас приучала экономить свет
Седая серость странного режима,
С каким родился и, глядишь, помру.

Что делать мне, живя в такой стране?
Не пить, не есть, учиться и учиться?..
Как ненадежно наше бытие
И одиноко! В серой пелене
Ревет метель, сдирая черепицу,
Предвозвещающая царствие Твое.

1989 г.

ПОДДЕРЖАНИЕ ЖИЗНИ

Начиналась зимовка скота за горами Урала.
Бытовые подробности я принимал близко к сердцу.
Уж вот так уж. Подобные соли и перцу,
Дни стояли. Депрессия в душу вступала.

Жизнь, как сказано, штука подробная. Надо
Утром встать и, позавтракав бегло, тащиться на службу.
Так и было. Едва разоспишься, как уж будильник
звон поднимает. И нету спасенья от гада!

Да, о быт разбивались не только любовные лодки,
Но суда помасштабней, проекты такие, что страшно
Даже взглядом окинуть... Как в бой рукопашный,
Вовлекаешься в жизнь, растопыривши локти.

Как-то странно толкаться в трамвае с мечтой о высоком.
Было время, однако, и это вполне удавалось.
Не пугал дефицит, не копилась усталость,
Да и женщины брались наскоком.

Но теперь-то к чему это злое упрямство, с которым
Достаешь, например, алкоголь или ищешь бумагу,
Чтоб на белом листе, проявляя отвагу,
Откровеньем блеснуть – а на деле повтором?

1989 г.

Проснувшись ночью, я услышал звон
И шелест крови, протекающей в сосудах.
В незанавешанном окне горел фонарь,
И хлопья белые бесшумно залетали
В размытую светящуюся сферу
Его огня, как бабочки, и так же
Внезапно пропадали в темноте.
Я был напуган грузной тишиной.
Но я ничем не мог ее нарушить,
Как бы необоримая рука
Меня держала, сдавливая горло.
И в ужасе глаза переводя
С оконной крестовины на пустой
И темный потолок, я понимал,
Что даже шевельнуться не сумею.
И так лежал я, мыслящий мертвец,
И если бы у нас была душа,
Она б могла оставить оболочку
И, в законный перелившись мир,
Зажить далекой равнодушной жизнью...
Но тут я вздрогнул, словно от толчка,
И задышал, и шевельнул руками,
И скрытые до той поры предметы
Вдруг выступили все из темноты.
И просто ночью снова стала ночь.
Рассеялись пугающие чары,
Когда шагнул навстречу мне иной,
Привычный, тусклый ужас бытия,
Отечески раскрыв свои объятия.

1990 г.

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ

1. ВЫБОР

Елеонскую гору окутывал мрак.
 В Гефсимании тихо – ни лая собак,
 Ни мычанья в хлеву, ни случайного скрипа.
 У апостолов крепко закрыты глаза.
 Утомились и спят, и не капнет слеза,
 И не дернутся губы от всхлипа.

Звал Петра, Заведеевых двух сыновей,
 Но один ты остался со смертью своей,
 Как любой человек. Чаша ближе и ближе.
 О, как страшно стоять на горе одному,
 Заклиная немую бездонную тьму:
 «Если можно – спаси! Если хочешь – спаси же!»

Ради слов, ради жалких наивных чудес,
 Чтоб летаргик проснулся, как будто воскрес,
 Чтоб истерик хромой с костылями простился,
 Чтобы то, что давно у людей на устах,
 Что выковывал опыт, но сковывал страх,
 Стало истиной, ты горевал и молился.

И неведомо нам – то ли воля Отца,
 То ли жуткий расчет твой, но все до конца
 Шло логично и точно, как будто по нотам.
 Ибо сказано – смерть на миру лишь красна,
 Ибо истина людям тогда лишь ясна,
 Если смешана с кровью, слезами и потом.

Все теперь далеко от тебя. Ты один
 Среди шепчущих что-то угрюмых маслин.
 Ты пришел. Ты остался. Ты выбрал дорогу.
 Спят апостолы. Чу! Началось бы скорей!
 Голоса и растущая россыпь огней,
 И Иуда, снимающий с сердца тревогу.

II. УСТАЛОСТЬ

Всё устаёт. Все устают. Безмерная усталость –
Прочнее веры и тоски – войти в тебя б могла.
Что искушенья сатаны? Сильнее славы – старость.
Любовью любящих живи и малостью тепла.

Кумира хочет сотворить толпа, мыча и воя,
Кумира жаждет растоптать. Поверх ее голов
Усталость смотрит на тебя, желание покоя.
Ведь сказано – все суета. Твой замысел бредов.

Уста устанут говорить, глаза устанут видеть,
Устанут уши слышать плач, душа начнет неметь.
Подумаешь вот так – зачем? И ничего не выйдет.
Точнее, выйдет просто жизнь и выйдет просто смерть.

Где мать Мария, ветхий дом и запах свежих щепок,
Их старый плотник настрогал, чтобы разжечь огонь?
Как боль усталости сладка, настой ее столь крепок!
На лоб измученный легла прохладная ладонь.

Несовершенен мир – и что ж? Довольно дню заботы
Его пустой, а ты устал навеки, может быть.
И за тобою льется кровь невинная, и счеты
После тебя земная тварь не устает сводить.

Что толку их пугать судом последним, если жалость
Неведома к самим себе, не только что к другим.
Лицом к стене бы лечь, забыть про все... Одна усталость...
Но ты встаешь и говоришь, и ты уходишь к ним.

1990 г.

ДВОРНИК

Наступит зима. Но еще в ноябре повалит недолгий безжизненный снег.
И дворник возьмет инвентарь, в чулане спугнув неприязненно крыс.
О, труд, упоительный дар эволюции! Ты ли, дриопитек,
Спустился когда-то с копалкой невзрачною вниз?

А дворник почует глубинный, мечтательный запах рассвета, чулана, судьбы.
Его голова заболит от вчерашних, простительных в общем, грехов.
Но боль эту кротко он примет и только испустит клубы
Протяжного вздоха, задумчиво глядя на сумрачный пласт облаков.

И вот он с лопатой по первому снегу пойдет.
И плюнуть как будто слегка заробеет, куря на ходу «Беломор»...
А все кружевной, поглощающий звуки, полет,
Все этот стерильный, крахмально-скрипящий ковер.

Но если не будешь себя понукать, то за это возьмется другой.
Уж он, боевой, доведет до сознания светлую радость труда.
То песней взбодрит трудовой-строевой, то статьей огневой...
О, темных, ненастных, пленительных дней череда!

Всего-то и было пять-шесть типовых инстинктивных желаний, но, кажется, век
Прошел незаметно, невнятно, не только исполнить, понять ничего не сумел.
Вот разве что отпуск еще впереди, да не скоро. И валится снег –
Весь двор побелел,
 и дом побелел,
 и черный асфальт побелел.

1990 г.

Дай тем стихом, что уже на излете, уже, говорят, не в фаворе, свое отбрыцавшим,
Дай попрощаться – без музыки, без барабанов, словами.
Помнишь, еще были в шляпах широких, с тетрадами? Из опоздавших
Я, может быть, потому и стена между нами.

К ним, поправляя очки на носу, я шагнул бы, ведомый фонариком млечным,
К ним, раздвигая траву, за жуком-человечком. И голосом слабым
Стал окликать бы их то ли в лесу, то ли в поле, во встречном
Столбике пыли ища себе друга, хотя б собеседника, знака хотя бы...

Но и теперь, даже если не время и нет интереса, и стих на излете слабеет, –
Так, не вникая, вполслуха, сочтя это бредом, –
Дай мне проститься с тобой, как могу. По-другому уже не сумею..
Клинопись, сумерки, сумрак – и хватит об этом.

1990 г.

ОКНА НА СЕВЕР

Обои рваные. Засохший таракан.
Натеки облачные в окнах. И такой
Свой, захолустный, гниlostный покой
Стоит в каморке, что текущий кран
Или без умолку щебечущий бачок
Его не портят. В этой тишине
Невольно жду, что явится ко мне
Подружка Муза, но она – молчок.
Листва с деревьев облетела вся.
Не топят. Бесполезно в магазин
Идти. Живу как бы христианин,
Терпения у Боженьки прося.
Еще на кленах долго семена
«Присоленные снегом» проживут,
А я не знаю, задержусь ли тут.
Надвинулись такие времена,
Что к тупику приводит каждый день,
А с поисками выхода, увы,
Туманно всё. Никак из головы,
Не выкинуть всю эту дребедень.
И все же я пытаюсь. Ведь в конце
Концов, ко мне еще приходишь ты.
Еще приходишь. Паники черты
И на твоём читаются лице.

1990 г.

ПОПЫТКА ПОКАЯНИЯ

Чем ближе к смерти человек,
Тем он заметнее для Бога.
За окнами палаты снег,
Февраль, размытая дорога.

Душа расширилась, как ртуть,
Но не пересекла границы.
Лучится перед нею путь
Сквозь нищий кавардак больницы.

Невнятицею рваных фраз
Одышливого монолога
Наполнилась и напряглась,
Чтоб высветлиться хоть немного.

В преддверии глухого сна
Неправедность ее смущает,
И мучит, и саднит вина,
Прощения не обещает.

Но глуше и слабее бред
Бессмысленного самоедства.
Прощения, быть может, нет,
Забвение – ее наследство.

Все сбивчивее монолог,
Беспомощней к исходу суток,
И гасит, сострадавая, Бог
Прискучивший Ему рассудок.

1990 г.

Ты тяготишься мной, как жесткой ледяной
Шершавой коркой тяготятся воды.
Не медли же, не стой с закушенной губой,
Не бойся, не откладывай свободы.
Лед на поверку мертв, он только с виду тверд,
А приглядишься – трещины, пустоты.
Всего-то месяц-два – уж он шербат, потерт
И слаб... Ты не тоскуй, не унывай, ну что ты!
Пройдет немного лет, и тот кошмарный плен
Забудется. И ты, отдергивая руку
Во сне, как ото льда, очнешься среди стен
Других, уютных, чуть озябшая с испугу.
Что я сказать бы мог? Что создает нас Бог,
Но замысел Его мне лично не понятен...
Кого благодарить за скуку этих строк,
За тщетный монолог, за выпавший снежок,
За то, что я тяжел тебе и неприятен?

1990 г.

Какой печальный, мрачный март, какой сырой
И мощный ветер пронизал нагие кроны!
Оголодавшие хрипят в ветвях вороны,
Дурные новости пророча вперебой.
И млечный день течет куда-то, и в снегу
С улыбкой ласковою падаль обнажилась,
И время тянется, но жизнь остановилась,
И шестерни ее застыли на бегу.
Хотя есть звук, но миром правит немота,
Оцепенение. И с самой верхней точки
Перемещенья не видны уже, и строчки
Не засоряют больше мозга и листа.
Там что-то дергалось недавно, там текли,
Должно быть, чувства, ощущения... Не помню.
Все остановлено, как бы каменоломню
Свою забыли камнетесы и ушли.
Одна лишь видимость движенья. И ни жест,
Ни речь, ни внешность ничего не изменяют
По существу, так не однажды за меня тут
Легко сосчитан был другой, бродя окрест.
Устав, смотрю на этот мир со стороны,
Точнее, сверху, с равнодушием, но ниже
Неугомонный некий автор что-то пишет
Про это все и видит творческие сны.
Ему без толку объяснять, что жизнь прошла
Заблаговременно и кончилась, и, бедный,
Он в ней не понял ничего, рисуя бледный
Пейзаж в испарине оконного стекла.

1991 г.

В УБЕЖИЩЕ СНА

Все, что могло произойти, уже произошло.
Руины города видны сквозь мутное стекло.
На просквоженный смертью сон не налипают снег,
И сон выходит нагишом на сумеречный свет.

Он, как великодушный Бог, прощает сам себя,
А потому прощает всех и кается, любя.
Его не занимает мысль о суете земной,
Его не заслоняет мир, жестокий и больной.

По черным кратерам земли и лысынам песка
Ему навстречу сон другой идет издалека.
В одном убежище сойдясь, с огарками в руках,
Они забудут навсегда про свой сиротский страх.

Они увидят снежный двор под битым кирпичом.
И трупный яд, и сладкий газ им будут нипочем...
И пусть до этой ночи все, все в мире шло не так...
Ни мертвый флаг, чеканный шаг, ни истина, ни рак.

И если кто был всемогущ над ними и судил,
Безгрешен, неисповедим, тот внял и отступил.
А если только пустота, один вселенский мрак,
Над ними были, то они простили их и так.

И как в замедленном кино, кренился новый Рим
И падал, падал в грязный снег. И бледный серафим
Не мог в округе отыскать скрещения дорог
И сердце трепетное взять, рассекши грудь, не мог.

1991 г.

НОЧЬ

Сугробы сумрака нагромоздила ночь.
В глухом ее снегу зацепки нет для слуха.
Ночь будет в ступу сыпать и толочь
Беззвучный хлопок слов, шепотки сна и пуха.
Что нам ее нужда, жуть, нежить и разруха,
Как будто нет причин иных, чтоб изнемочь!..
Впадая в сон, шепчу: – Зазноба ты, присуха,
Смеси, своди с ума и голову морочь!

Как много слов чудных и странных. Я губами
Прильну к твоей груди. Сосок твой кареглаз.
Ночь стала тяжелей и бьет в окно когтями,
Скрежест и скребет, как будто ищет нас.
Как по стеклу алмаз, ведет она дорожку,
Тропинку в темноте безлюдной и скупой.
А я нашел впотьмах, как лодочку, ладошку
И мне не страшно плыть, мне весело с тобой.

Пусть мир жестокосерд, безумен и недужен,
Пусть у него на все есть зуб и свой аршин.
Кто загнан был в тупик и зубом тем надкушен,
Тому в такую ночь бояться нет причин.
Поскольку эта ночь ослепла и оглохла,
Не помнит ничего, забыла все слова,
Нас от ее когтей укроют даже стекла.
Она всего лишь ночь, пустая голова.

И если медленно перетекает час
В пространство комнаты, заполненной тенями,
Тот час из вечности и не пугает нас.
Пусть время без тревог для нас течет ночами.

1991 г.

И нечего больше сказать в оправданье себе.
Одна неприязнь к бестолково прошедшему дню.
И дождь, копошась в жестяной волокнистой листве,
Придвинулся ближе, как будто подкрался, к огню.

Землею раскисшею пахнет за окнами мрак.
И частые капли, сливаясь, бегут по стеклу.
Не то чтобы страшно, а как-то безрадостно так.
К домашнему, душному не приобщиться теплу –

Маяча в пространстве меж этим и завтрашним днем,
В спокойной апатии, не оправдав ни одной
Наивной надежды, дыша гниловатым дождем,
Стоящим прозрачной, легко проходимой стеной,

Под белым плафоном, холодным рябым потолком,
Под ржавую кровлей, под небом кромешно-пустым,
Уже не жалея, не помня уже ни о ком,
Сквозя и редая, легчая сознаньем, как дым,

Сочась через сети причин, огибая углы
Событий и следствий, руины прощаний и встреч,
Сливаясь с серебряной пылью клубящейся мглы,
Сводя очертанья на нет и рассудок, и речь,

Болезненной, жалкой любви паутину порвав,
Ни смысла, ни верности сердцем глухим не найдя,
Всего лишь невзрачной какой-нибудь, косвенной став
Деталью дождя.

1991 г.

* * *

Эта жизнь рассчитана на медленное умирание.
Грязноватый мучнистый снежок – ее выкормыш.
Не скажу почему, но в распаде есть странное обаяние,
Примирающий, расслабляющий проигрыш-выигрыш.

Эти кухни убогие с увядающими репродукциями –
Боттичелли, Руссо, Ренуар, засиженный мухами.
Тараканьи деньки ползут, будто впрямь крадутся они
Прямо в вечность – с глазами бесцветно-мутными.

Будто там, за чертой, есть признание всем гениям,
Болтунам, шизофреникам, графоманам, баловням
Молодежных редакций, их стихотворениям,
Удалым натюрмортам, похмельным жалобам.

Будто там им простятся любые выходки,
Обещанья зачтутся, авансы, обеты трезвости,
Будто там их поймут – на последнем выдохе –
Ах, какая трагичность, мол, в бесполезности!

Ах, какая отверженность, Боже мой, и непонятость!
Ах, какое геройство и нищее одиночество!..
Ни рисунка, ни строчки, ни имени не запомнилось.
Ни мольбы, ни иронии, ни пророчества...

Эти ночи помятые, циклодольно-аминозиновые,
Эти окна больничные, диссидентские диспуты.
Снег на клумбах, ноябрь, да кусты осинового,
И ремонт уж прошел – все щербинки закрасили, все знакомые выступления.

Алименты взысканы, изнасилованы жены, все дети выросли.
Все любимые замужем, ожиревшие.
Отчего же стишки еще? Может быть, от сырости –
Виновато-бледные, скучноватые, посветлевшие.

1992 г.

Я знаю, чем кончится это,
Как ящер, ползущее лето.
Обгложет его до скелета
Циклический холод земной.
И будет не лучше, не хуже.
Я лишь констатирую вчуже,
Что лето окончится стужей,
Могучей костистой зимой.

Есть прелесть в банальных открытиях,
Повторах, бесцветных событиях,
В тоскливых ночных чаепитиях,
В бессмысленности бытия.
Я знаю, чем кончится вскоре
Мое безутешное горе,
Кто правым окажется в споре,
Чем жизнь завершится моя.

Но будет ли страшно – не знаю,
Когда я пойму – умираю,
Из этой игры выбываю,
Уже бестелесен, лечу –
Туда, к отдаленному свету,
К прощению или ответу,
Оставив сумятицу эту,
Рассудок задув, как свечу.

1992 г.

И не пытайся увлечь, потрясти, восхитить...
Жалости даже не вызовешь – так заурядна
Жизни минувшей и длящейся скудная нить.
Исповедь слишком скучна и длинна, и нескладна.

Надо же было так долго носиться с собой,
Ждать и готовиться, верить и намереваться!..
Да успокойся, утешься и этой судьбой,
Не суетись, говорю, перестань унижаться.

Как хороша эта мрачность вечерняя, снег!
Неумолимость и медленность существования.
Тонет во тьме, в поворотах судьбы человек.
Но и в безвестности этой есть очарованье.

Запах предзимья над городом спящим плывет.
Все, что ни выпадет, надо встречать без испуга –
Скуку повторов, зиянье невнятных длиннот,
Замкнутый круг одиночества, вроде недуга.

Грозно встает над поверхностью голой земли
Мощной зимы торжество, отчужденья громада.
Были надежды – не понял и сам, как прошли.
Но все равно, говорю, суетиться не надо.

1993 г.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВИДЕНИЯ

I.

Город в темень химерой плывет. И замерзший сад
Безучастно дрейфует в тумане, как будто не дело рук
Человека цепочки статуй нагих и чугуна оград,
Будто город из некой субстанции выпал вдруг.
В отчужденье глухом безучастно плывут дома,
Без единого признака жизни животной, и если свет
Непогашенный где-то мигает, во тьме сама
Оживает лампа, не кто-то зажег, и след
Возникает рифленный на лестнице сам собой,
Как сама из крана, рыжая, бежит вода.
Голоса в казармах провыли себе отбой,
Захлебнувшись молчанием навсегда.
Телевизор сражался с бесами, словно Мафусаил,
Заклинал потоп и пророчествовал в ночи.
Но зачем горевал телевизор, о чем тужил?
Вся вода потопа замерзла уже. Ключи
Из дверей торчат одиноко, не зная, как
Открывать замки, поворачиваться, одичав.
Зеркала и ненужной мебели тусклый лак,
Словно шерстью, пылью оделись. И ледостав,
Не имея зрителей, грозно твердеет по всей реке,
Всем каналам – в отсутствие уток и воробьев.
Безработный ангел, маячащий вдалеке,
К комментариям не готов.

2.

Глина в череп набьется покойнику да песок,
А не весть благая влетит о шести крылах.
Постановка пьесы затянута, на восток
Отвернувшись, я тихо сижу впотьмах.
Постепенно уходят мысли, образы, тишина
Обрывает немолчный стрекот сознания, как будто вдруг
Порвалась кинолента во время сеанса: сначала на
Полсекунды, потом полминуты пропали и свет, и звук...
Но опять мне город мерещится, едкий дым,
Разъедающий контуры темных строений, мел
Или снег суховатый в щелях и пазах, засим
Чернота, из которой, как пузо лягушки, бел,
Женский торс выплывает, молочное ню с пупком
Посредине, пахучей куделью меж ног внизу.
И моллюск раскрывается розовый со щелчком
И глотает жемчужину, словно мою слезу.
Попадая в области сумрачных сфер, пара
Над пунктиром потемок, ищу мишень –
Озарение, чистую мысль! – только, видно, зря,
Потому что поймал в окуляры тень.
Гималаи любви не растут, громоздятся, вокруг.
Зеленеет один циферблата скупой кружок.
Шорох крови в ушах, систолический тихий стук...
Неизвестно откуда куда затяжной прыжок.

1993 г.

Тенетами дождь обволокло летаргический мир –
Все взаимосвязи предметов, явлений причинность.
И воздуха нет – только пар и косящий пунктир,
Мерцающих капель живых трудовая повинность.

По крышам осклизлым, по бревнам стучат коготки.
Вонзается в сердце дробящийся звук и дрожащий.
Но все силуэты и чувства так лживо легки,
Что лица темная кажется ненастоящей.

Гниющей листвы золотистый червивый ковер
Скрывает шагов разнобой, как греховную тайну.
И ноющий где-то во мгле переулков мотор
Все глуше звучит, одиноко катясь на окраину.

Не город, а морок, не жизнь, а навязчивый бред,
Не время, а глушь, немота сговорившихся пауз.
Мигает фонарь, но сдается и сходит на нет,
Как прячет в песок пучеглазую голову страус.

Не видеть, не слышать, из времени выпасть совсем,
Прорваться сквозь сон, как сквозь координатную сетку,
Минуя силки обстоятельств, ловушки систем,
Задев на прощанье крылом оголенную ветку.

1993 г.

* * *

Как легко согласиться, что ты неудачлив во всем и позорно слаб...
 Невесомость какая сразу, свобода от обязательств, поползновений!
 Ничего нет глупее славы на свете, коварней денег, практичней баб,
 Бездна надежнее бедности, бесполезнее сочинительства стихотворений.

Отдыхай – с ярлыком «ни на что не годен», со скромной пометкой «брак».
 Закури сигарету, выпей, что Бог послал, полистай газету.
 Все едино! Не сладко ль тебе, не тепло ль пропадать, дурак?..
 Можно выбиться в люди, конечно, заняться делом – охоты нету.

Суетливая хищная жизнь протекает за окнами... Ей плевать,
 Кто ты есть. Хорошо, в силу полной взаимности возврати этот жест небрежный.
 В симпатичной компании – стол, пара стульев, книги, торшер, кровать –
 Проведи весь день, как обычно бесхитростный, заурядный, почти безгрешный.

Ночь навалится липкая, в зарослях раскуражится соловей,
 Увлеченная пара котов развернет в темноте баталию,
 Где-то взвоят собаки, промчится скорая, поезд пройдет... Скорей
 Завернись в одеяло, усни, сновидение нежно обняв за талию.

О, июньские сны! Шестилапые бабочки, усики, мягкие хоботки,
 Волоски под брюшком, замирания, вздохи, полусогнутые колени.
 О, прогулки ночные, полеты, заплывы, стремительные гребки,
 Шелковисто-расплывчатые, округлые, удаляющиеся тени!

Будь себе одному благодарен за еще одно измерение, за полуночный мир,
 Где ты неуязвим для реальности с ее грубой правдой и будничною тоскою.
 Жизнь дневная похожа порой на зияние, на пустоту, пунктир –
 В промежутках меж собственно жизнью, бесплотною, непредсказуемою, ночьюю.

1993 г.

Кто видит нас из вечности самой,
Не прибегая к силе телескопа,
Тот видит мир, обложенный зимой,
В заношенной спецовке землекопа.

И белый снег на серых скатах крыш,
На голых ветках, в ямах и оврагах,
И лед реки, и высохший камыш,
И лес, и поле в заячьих зигзагах.

И видит он дома, мое окно,
Траншею, сквер, железную дорогу,
И время, и как движется оно
И нас перемещает понемногу.

Всевидящий, он знает наперед,
Чем каждое окончится событие,
Но тайну эту нам не выдает,
Даря всего лишь проблески наитья.

Не вмешиваясь, смотрит столько лет,
Что как бы сам уже не существует.
Ни прошлого, ни будущего нет
Для тех, кто с ним, покинув нас, кочует.

... А между тем снег залепил киоск,
Фонарный столб, как стеарин подсвечник.
И, может, лишь один гигантский мозг
Следит сейчас за тем, как человек

Один выходит – без поводья –
В ночь или в жизнь и, как слепой, блуждает
В сплошном снегу, хоть, честно говоря,
Куда идет и почему – не знает...

Деревья видит смутно, тени птиц –
Сквозь хлопья снега – голуби ль, сороки?..
По слепоте не узнавая лиц,
Перевирая правила и сроки.

1994 г.

Однажды смутили беспечную душу мою...
Я жил по привычке и смысла ни в чем не искал.
Вдруг что-то случилось – я вижу, но не узнаю
Знакомого мира – как в сложной системе зеркал.

Под мартовским солнцем на искристо-белом снегу
Стою, словно идол, не знающий счета часам,
И галочьих криков я слышать уже не могу,
И ноги озябли, и больно от света глазам.

За что я, скажите, бездельною дрожью плачу –
За ветер холодный, разреженный воздух небес,
За то, что в том ветре я голос расслышать хочу,
Без слов говорящий, за жалкую жажду чудес?

... За то, что я прожил, как прожил – других не умней,
Как мышь-землеройка, не смел показаться на свет,
За то, что мне в доме моем все равно не теплей,
За то, что и сами вы знаете – выхода нет.

1994 г.

Я не уеду никуда – останусь!
И стану тихим, как вода, – под старость.
Вода заросшего пруда, в оконцах,
Где только небо, облака и солнце,
Вода, в которую бесследно канет
И дождь, и пепел, и плевок, и камень,
Вода, подернутая льдом зимою,
Когда никто не знает, что со мною.

1994 г.

Какая-то тоска жила во мне всегда
И лишь по временам слегка ослабевала...
Была ль тому виной грозящая беда,
Несбыточность любви, потребность идеала?..

Не знаю до сих пор причину детских слез.
И вспомнить не могу, что давнею порою
Мне не давало спать – собачий лай в мороз,
Дождь или старый сад, колышущий листвою?..

Когда по потолку метался мотылек,
Или сверчок твердил бесхитростную фразу,
Я до утра заснуть от жалости не мог –
К ним или же к себе, ко всем живущим сразу?..

Что вызывало боль, какая мысль рвалась
В минуты той тоски в сознание достучаться?..
Пойми ее тогда, другим бы я сейчас
Был – ей бы не пришлось все время возвращаться.

То ночью наплывет, то подкрадется днем –
То тяжестью в груди, то странной пустотою...
Как я о ней забыть хотел бы на твоём,
Любимая, плече, прильнув к нему щекою!

Чужие города, скоротеченье лет,
Вокзалы, поезда, ревущие во мраке...
А мне, кроме тебя, другой надежды нет,
Как отыскавшей кров стареющей собаке.

1994 г.

Какой нынче ветер с утра!
И кровельной жестью гремит,
И пыль по дорогам метет.
И на море, видимо, шторм.
И солнце над миром встает
Такое, что больно глазам.
И мощно, как будто в грозу,
Деревья листвою кипят.
И вдруг появляется мысль:
Так будет, когда ты умрешь –
Ни сонма чумазных чертей,
Ни ангельских крыльев, ни рек
Подземных с тяжелой водой,
Ни робких бесплотных теней...
Один ослепительный свет,
Продутая ветром лазурь –
Вне координат и границ
Вневременная пустота.
... Смеркается. Стекла дрожат,
Как в бурю, и листья шумят,
И ветер нагнал облака.
И холодно так, и темно...
На море, наверное, дождь.

2000 г.

ЗАГАДКА СНА

С кем я долго прощался во сне,
Уходил и опять возвращался?
По своей, по чужой ли вине
Распроститься никак не решался?

Кем он был, тот чудной человек?
Что-то важное в жизни теряя,
Собираясь расстаться навек,
Как и я, он топтался у края.

Все подыскивал, мучась, слова,
Настороженно ждал объяснений,
Подступившись к развязке едва,
Приводил тут же ряд возражений.

Нашу близость единым рывком
Разорвать удалось бы едва ли.
Он со мной был не просто знаком,
Мы с рожденья с ним век вековали.

Столько прожито лет – а зачем?
Что сближало нас с ним? Непонятно!
Мир ночной был бесстрастен и нем,
Что-то рушилось в нем безвозвратно.

Нас покинутость, словно недуг,
Настигала, влекла и пугала.
И зловещая темень вокруг,
Отгоняя надежду, стояла.

... Я забыл бы тот морок ночной,
Но на сердце осадок остался.
Что же было той ночью со мной?
С кем так горько во сне я прощался?

2000 г.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

По небу жемчужное облачко движется медленно, медленно, еле заметно.
Как будто живое, одно на все небо, подсвечено сбоку луною.
Все крыши, все башни, все трубы, все кроны деревьев, все то, что предметно
И что беспредметно – окутано светом, расчерчено мраком, полно тишиною.
Магнитное поле Земли неподвижно, как зимнее поле, покрытое снегом.
Космический холод сжимает в прозрачных ладонях воздушную сферу.
Когда одержимы одним теплокровные твари – ночею и хлебом –
Тогда все незримое глазу, неслышное уху легко принимаешь на веру.
На улицах пусто. Однако присутствие жизни душа подмечает повсюду.
Разумно и холодно звезды взирают на одушевленные тени.
И стужа-колдунья легко уподобила парковый пруд изумруду
В колючей оправе сухих, серебристых, недвижимо спящих растений.
И что-то еще в этой ночи неявно присутствует, тоже как будто живое.
И облачко, тихо плывущее в лунном сиянии, кажется частью
Какого-то замысла бесчеловечно прекрасного. Слово любое
Робеет пред ним и не в силах уже отразить ощущение муки и счастья.
Не птицы, не звери, не люди как будто сейчас населяют пространство, а боги.
К заброшенным капищам духи слетаются древние, воя утробно,
И требуют жертвы. И призрак навстречу, качаясь, бредет по дороге...
И сердце в восторге и страхе стучит, откровению внять не способно.

2000 г.

ЗАКЛИНАНИЕ

Дождь, дождь, небесная вода,
 Не исчезай неведомо куда!
 Пускай звучит беспечно, наобум
 Твой сонный шелест, монотонный шум.

Уколы легких капель на лице
 И фонари в дымящемся венце,
 Коньки и ребра проржавевших крыш
 И желоба, в которых ты журчишь,

Листву, траву в предзимней нищете,
 Деревья в неприглядной наготе,
 Безумный мир, галдящий вразнобой,
 Скиталец-дождь, преобрази собой.

Дождь, дождь, не умолкавший днесь,
 Настанет час, и ты исчезнешь весь,
 Упав на землю с пасмурных высот,
 Пройдя сквозь почву до грунтовых вод.

Теки, струись, как слезы из-под век.
 Тебя заменит неизбежно снег,
 Но все ж, покуда живы мы, давай
 Накрапывай, шурши, не умолкай.

Мне как-то легче от того, что ты
 Летишь сюда с угрюмой высоты,
 Рассыпавшись на тысячи частиц,
 Летишь ко всем, не разбирая лиц,
 Не разбирая – куст или человек...
 Дождь, дождь,

жизнь – смерть,
 снег, снег.

2000 г.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Деревня огни погасила,
Уйдя в первобытные сны.
Незримо сгущается сила
Звонящей в ушах тишины.

Серебряный лунный щербатый
Сияет над крышами шар.
Слоистый и голубоватый
Над пастбищем стелется пар.

Какая простая свобода –
Брести от жилья наугад
Под синим шатром небосвода,
Где вечные звезды горят,

Где, криками полня окрестность,
Совиные тени снуют!..
Наверное, так бестелесность
При жизни еще познают...

Брести, как в раю невозможном,
Не веря и веря себе,
В сиротстве, восторге тревожном,
Навстречу случайной судьбе.

Брести, переполнившись страхом,
По пустошам, мимо теней,
Без сна над растительным прахом
Парящих в печали своей.

Сквозь призрачный мир темноликий,
Дорогу назад потеряв,
Сквозь трепет и шелест, и блики,
По морю бескрайнему трав.

2001 г.

ПРЕДЗИМЬЕ 2

Скрежет кровель и жалобы, и листвы шевеленье сплошное.
Искалечен морщинами мертвый лик почерневшей воды.
Широко над каналами распахнулось пространство ночное,
Ветер пахнет предзимьем, как будто предвестьем беды.

Город кажется кладбищем, совокупностью обособлений.
Окна зыблятся в сумраке, отражая ущербность Луны.
Никуда не впадающий, заливаает источник мгновений
Пустоту площадей – угрожающей величины.

Ночь нащупала полную неземной отчужденности меру.
Все нездешнее улицы, подворотни темней и страшней,
Вот бы тихо, бесхитростно кануть в неомраченную веру –
Побезлюдней, попроще, поискренней и подревней.

Чувства были бы скудными, тавтология невыносимой,
Но за тканью реальности, словно жесткий рентгеновский луч,
Что-то движется, кажется, кто-то реет, невообразимый,
Тенью – в россыпях звезд, светом – в темени туч.

2001 г.

ЗИМНИЙ РАССВЕТ

Разрешается ночь безучастным и тихим рассветом.
Серый зимний денек, как судьба, неизбежен уже.
От себя самого не спастись побасёнкой, секретом...
Тяжело на душе.

Нужно было молчать, нужно было себя сторониться,
Нужно было тайком, под какой-нибудь маской смешной
Промелькнуть через жизнь, как сова, как полночная птица,
Притворясь тишиной.

Перестуком часов отчуждается время. Но скоро ль
Разрешенье загадки, расплата, развилка, рубеж?
Снегопад за окном, как всегда, не боится повторов.
Он по-прежнему свеж.

Вялый шорох машин да размеренный скрежет лопаты,
Окна в доме напротив, суставы нагих тополей –
Вот и весь антураж на события шибко богатой,
Яркой жизни моей.

Честность – жалкий предлог, жидкий корень того мелкотемья,
Что растёт, как трава, как деревья в земле городской...
Только крыши да небо, да снег за деревьями теми
Различаю с тоской.

2001 г.

Когда твоя жизнь значит меньше, чем значит –
Ни славы, ни власти, ни денег не надо...
О чем в это время душа твоя плачет
Средь дыма и гула, средь грома и чада,
В слепой толчее человеческого стада?

Ей смысла – для всех очевидного – мало,
Скучна ей привычка, тесна ей квартира.
Наверное, помнит, как прежде сновала
По легким невидимым струнам эфира
Во все уголки необъятного мира.

Ты веришь, однажды откроется дверца?
Ты знаешь, все может еще измениться?
Из клетки грудной, из горячего сердца
Порхнет на свободу, раба и должника,
И вечно живущего неба частица.

Не кайся, не майся в напрасной обиде,
Пусть потом пропитана смертным рубаха...
Зачем же летунье свободной, сильфиде
Сомнения приговоренного праха,
Землистая маска животного страха?

2001 г.

Он знает то, чего не знаю я.
Он в качестве непрочного жилья
Однажды выбрал кровь мою и плоть
И дал взамен – пустых надежд щепоть.

Еще дал право – в утешенье мне –
Сгореть втихую на скупом огне
Служенья без поблажек и похвал.
Но для чего все это – не сказал.

Судьбу, как лампу медную потри –
Беде навстречу прянет изнутри.
Его стихия – горе и гроза.
Он в бездну смотрит сквозь мои глаза.

Когда болеет тело и сдает,
Он понимает все наоборот.
Пристанища не жаль ему ничуть,
Он начинает собираться в путь.

И что я знаю, в сущности, о нем,
Я – только глина, пепел, чернозем,
Мотив, подобранный по случаю, на слух?..
Я – человек,
 он – дух.

2001 г.

И этот дом я когда-то покину, как и всякий другой,
И пятна света не повторятся, лежащие на полу.
Лишь небеса каждодневно новые царственный свой покой
Сохраняют, равно приемля и славословие, и хулу.

Что великолепию неба до наших бессмысленных укоризн!
Оно богаче и глубже, и неизъяснимее, чем душа.
Однажды время иссякнет, отпущенное на жизнь,
И неважно, пуста ли она была, плоха или хороша.

А пока я смотрю вокруг и не скрываю печали своей.
Я вижу растенья, животных, вдыхаю запах земли.
И разговоры различные слышу, и знаю разных людей,
Но следы их перемешаются и пропадут в пыли.

Сказано, для страдания рождается человек,
И одна участь, одно дыхание у мудрого и глупца,
И смысла тогда нет сетовать, что короток чей-то век,
Не все ли равно, как долго фатального ждать конца?

Кого же любить и верить кому, на что надеяться, подскажи,
Немая и всетворящая, всеядная сила, любить ли одну тебя,
Любить больше жизни самой твои бесчинства и миражи,
Страшиться грома и молний, и мощи твоей, любя?

На ком, кроме нас самих, кровь невинных существ, ответь?
Сама-то мирволишь везучим, сильным, пристрастная высота.
Но и для них последним твоим подарком послужит смерть,
Ночное сияние тихое, неомраченная красота!

2002 г.

* * *

Не знал я примет и гаданий – по звездам, по дыму,
По пеплу, по воску, по снам, по бараньей лопатке...
И зренью, и слух наугад не вверял серафиму,
Постылым, бескрылым рассудком рискуя в остатке.

Обидно мне стало – была моя жизнь молчаливой,
Как будто стеклом от меня заслонялось пространство.
Скользил по верхам я – бесцельно и нетерпеливо –
И даже любил эту спешку и непостоянство.

На чудной земле, где тюремщиком каждому каждый,
В объятьях, как в клетке немой безразличной природы,
В раю, как в аду, суждено мне томиться от жажды,
Когда под ногами текут животворные воды.

И вот для меня пребывают немymi донныне
И недра, и горы, и кроткие души растений.
Как знаки, лишённые смысла, бегут по равнине
То пыльные вихри, то птиц треугольные тени.

А мог бы я слышать, как рыбы поют, словно трубы,
Губастых, морщинистых ртов разевая воронки,
А мог бы я знать, что бормочут грибы-тенелюбы,
Угрюмые камни, заложницы смерти-подёнки.

Но самое грустное – словно в немой киноленте,
Отснятой Бог знает когда и зачем в Голливуде,
Такие речистые, шумные в каждом фрагменте,
Меня окружают глухие счастливые люди.

О чем говорим мы друг с другом, не слыша ни слова,
Куда мы все время толкаем и тянем друг друга?..
Неужто в нас кто-нибудь верит и снова, и снова
Спасти уповаает, свести с обреченного круга?

2002 г.

*«Иона увлекается и рассказывает ей всё...»
А.П. Чехов, «Тоска»*

С полуночи еще тяжелый мокрый снег
Лениво, но всерьез и без побряжек валит.
И город целый день, не поднимая век,
Лежит, как неживой, холодным светом залит.

Советчики ль, врачи на лестницах стоят?
Глазами донных рыб буравят сумрак двери,
Вдруг самый тихий стук услышат, отворят,
Помогут и поймут?.. Никто уже не верит.

Кому бы рассказать, о том, что на душе,
Пробиться б, прокричать в заложенные уши
О том, о чем не раз все сказано уже?
Все сказано давно!.. Никто не хочет слушать.

Надеешься, тебе чуть больше повезет,
Однажды на тебя посмотрит благосклонно
Судьба, твоя душа к чужой душе прильнет
И ей расскажет все, как чеховский Иона?..

Надейся. Снова ночь, не зажигая звезд,
По кругу притечет из области соседней.
И будет путь сквозь ночь невыносимо прост,
Обычен. Ты такой не первый, не последний.

2002 г.

* * *

Не в темном шкафу, а во мне обитает скелет,
Я череп бугристый его осязаю рукой.
Он в плоть мою теплую только на время одет,
Как будто на время во мне поселился другой.

Откуда мне знать, что с ним будет, когда я уйду,
Оставив на всем белом свете его одного.
Я на руку руку ему машинально кладу –
Бездумно, беспечно, как будто и нету его.

А он поживет еще, если не будет сожжен.
А он полежит еще в тихой древесной глуши,
Когда разойдутся родные с моих похорон,
Когда не останется больше вокруг ни души.

Его, словно друга, корнями обнимут кусты,
Обступят деревья, зашепчется нежно трава,
И ветер ночной прогудит для него с высоты,
Ручей пробормочет неслышные ныне слова.

А может, растащит по норам лесное зверье –
И станет он, белый, любимой игрушкой волчат.
Не верит, не верит он в долгое счастье свое,
Опять его зубы от боли и страха стучат.

2002 г.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

*«Он и сам не знает – кто он,
что он значит для людей,
черный ангел, черный ворон».*
Н. Н. Беляев

Не зря я поселен во временах,
Как древний дух о вороных крылах,
Как дым, как ночь, как твой сиротский страх...
Я вездесущ и падалью пропах.

Я залетал, стальным пером одет,
Туда, куда тебе дороги нет,
Как черный ангел, поглощая свет
Остывших звезд и вымерших планет.

Я посещал твои ночные сны,
Как вещий житель дикой старины,
Как одинокий крик из глубины,
Но сны тебе бывали неясны.

Я пожиратель умерших сердец,
Последней жатвы я двужильный жнец,
Пристрастный твой и пристальный истец,
Я поражение твое, я твой конец.

Тебя поймут, но только не простят...
А ты б в одном хоть не был виноват,
Когда бы к цели шел не наугад
И, как пророк, был откровенно рад.

Тебе ни Бог, ни дьявол не указ...
Но распахнется вечность без прикрас.
Взгляни, отважься в свой последний час
В колодец мрака, в мой голодный глаз.

2003 г.

ДЕРЕВО

Мне снилось дерево. Казалось, что оно
До неба высится. В открытое окно
Я видел крону с оголенными ветвями
И мощный ствол, одетый жесткою корой,
С дуплом бездонным, словно с черною дырой,
Куда всосется все, куда мы канем сами.

И я подумал – дерзновенна нагота,
Как откровение – ни птицы, ни листа,
Величье мрачное, встающее из праха,
И небо серое, и ветер в вышине...
И приоткрылось что-то странное во мне
И что-то страшное, и что-то – глубже страха.

Весь опыт жизненный не стоит ни гроша,
Когда впустую расточается душа,
Не зная смысла своего и назначения.
Вползти б змеей вдоль по шершавому стволу
В хитросплетение корней, в слепую мглу,
В ту немоту, что и была до сотворенья.

Быть может, суть существования проста.
Кем бы ни мнил себя – ты только сирота,
Куда б ни влекся ты, а прошагаешь мимо.
И сколько скарба ни возьми – ты налегке,
И на каком ни говорил бы языке,
Косноязычие твое непоправимо.

2003 г.

Нет никакой справедливости в жизни земной,
Толки одни да мечты о защите чудесной...
Нищенка квелая входит в вагон на Сенной,
Братца болезного катит в коляске железной.

Сколько ни клянчит, ей мало народ подает,
Братец молчит, на людей выжидательно глядя.
Кто у них выручку вечером всю заберет,
Завтра канючить отправит опять «Христа ради»?

Где же их мамка, рассудок ли свой пропила,
Ей наплевать, или при смерти, или убили?
Что за метла их в подземный вертеп замела
И уподобила мусору, пыли и гнили?

Чем же я лучше, за что же любили меня
Мать и отец?.. И какая стояла погода
В детстве, как будто ненастного не было дня,
И расточала блаженство слепая природа!

Нищенка квелая входит в вагон на Сенной.
Вписан и я окончательно в хаос окрестный.
Что же ты сделаешь, Непостижимый, со мной?
Кем меня видишь из царственной глубы небесной?

2003 г.

Прислушайся к мраку, к наволгшей ночной тишине.
В ней странные звуки, как твари живые, снуют...
То шорох, то стук пробежит по шершавой стене,
То скрежет и скрип переключку впотьмах заведут.

Как будто без цели и смысла, без веских причин,
Лишенные права на жизнь среди белого дня,
Не в силах они удержать напряженных пружин,
И вот начинаются хлопоты и беготня.

Как неоднородна ворсистая ткань тишины!..
Хлопки и щелчки – будто пятнышек тающих ряд.
Мерцанье и трепет натянутой в высях струны,
Сферический треск, прямиком уносящийся в ад.

Замри и прислушайся – будь наконец терпелив! –
Тогда ты услышишь морской наплывающий шум
И скрежет древес, и кузнечика вязкий мотив,
Всю исповедь ночи, бубнящей вздохом, наобум.

Вращается ступица, шаркают тяжело шаги,
В оврагах и ямах спрессованный воздух звенит,
И ты здесь замечен, пусть даже не видно ни зги,
И ты был услышан и узнан, и ты не забыт.

2003 г.

После двухчасового наркоза в уме правит бал пустота,
Равнодушие к судьбе и цветные абстрактные пятна.
Может, вправду река протекает в пространстве – как будто черта.
Переплыл – и уже не захочешь вернуться обратно.

Мне не вспомнить, не вспомнить ее погруженных во мрак берегов,
Ивняком ли поросших, осокой, увязнувших в иле...
Только, кажется, мглистый накинув на память покров,
Две – три женщины тихо о чем-то со мной говорили.

Милосердная сизая мгла повела, потянула меня
Далеко за собой, по глухим, по извилистым штольням...
Правда, не было в нижнем, безветренном мире ни ночи, ни дня,
Ни ладьи, ни огня... Словом, душу мою не смутило ничто в нем.

И не пел в тех угрюмых и гиблых краях безутешный Орфей,
Быстроногий Гермес не служил никому провожатым.
В сером шорохе родственных, полупрозрачных теней
Не кружился растерянно сам я, как меченый атом.

И в который уж раз сокрушенно твержу – не дано, не дано!
Оглянувшись назад, только тьму вижу я без начала и смысла.
Пустота обнимает меня, и глядятся в ночное окно
Лишь чудовищных звезд бесконечные мертвые числа.

2003 г.

Тебе я не верил, а может, боялся тебя –
Чудовище, хищница, музыка, Муза, мираж! –
Ты слишком ревнива, задушишь, задавишь, любя,
А чуть охладеешь, и голоса вновь не подашь.

Неужто нет дела теперь до меня никому –
Ни тихим оврагам, ни сизым холмам, ни луне?..
Неужто я речи древесной уже не пойму,
И птичий язык никогда не откроется мне?

И кто же глухому подскажет, как вызвать из тьмы,
Из мрака сырого, из мглы подсознания слова,
Как вызволить душу из тесной телесной тюрьмы,
Чтоб мог ощутить я, жива она или мертва?

Сиротство, юродство, покинутость мне суждены?..
Один навсегда или в скопище полых людей –
Трухою шуршу в голове и бескрылые сны
Держу взаперти по ночам у закрытых дверей.

И зимнего города дымный пейзаж угловат,
И фары машин чертят петли, качаясь, во мгле,
И лепит на окнах зачем-то божков снегопад,
И я еще есть, где-то там, в темноте, на земле.

2004 г.

За что себя жалеть?.. За то, что ты один,
И океан небес в неомраченном блеске
Навис над чернотой полуночных равнин,
Парящих в пустоте, а поделиться не с кем.
Пройдет и сам восторг, с которым ты глядишь
На складчатость земли, в распахнутые дали...
Уже не воссоздать потом такую тишь
И запахи травы, и остроту печали.
И кажется, что жизнь проходит стороной,
Той мерой полноты тебя не одаряя,
Которая и есть весь смысл ее простой,
Подарок божества и обещанье рая.
А время, как гравер, работает резцом –
Наносит письмена и знаки расставанья.
И ты стоишь впотьмах с потерянным лицом
Под сонмищами звезд,
один среди Мирозданья.

2004 г.

На снежном поле потолка
Какая-то чернеет точка,
Щербинка – вроде человечка...
Из-за него в душе тоска.

Куда он по полю бредет,
По грудь в сугробах увязая?
Какая надобность пустая
Ему покоя не дает?

Он будто тянется душой
К неведомой, далекой цели.
А сам уж виден еле-еле,
Упрямый и всему чужой.

Как постарел за много лет
Седой пустыни житель мелкий!
И скоро уж метель побелки
Совсем сотрет его на нет...

Прощай, убогий неуют!
Все перекрасят, поменяют.
И без него и без меня тут
Другую жизнью заживут.

2004 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег, ты ложишься еще на живую траву,
Беззаветно и щедро играя привычную роль.
Я давно перестал понимать, для чего я живу...
Обмани, убаюкай, утешь, обезболъ!

Размывай меня, снег, растворяй, пролетая во мне,
Свежей стужею вечности в мозг обнаженный дыши.
Пусть рассеется взгляд мой в текучей твоей пелене,
Пусть рассыплются стены, разрушатся все рубежи.

И когда потеряют значение и силу слова –
Ничего-то не скажешь уже про белесый мираж.
И размерность, и мерность, и время утратят права,
Ты, спасая, холодную белую руку подашь.

Перестать бы цепляться за жизнь, уходя за тобой.
Уходя – уходить в шевелящуюся круговерть,
В темноту – за свободной, за воющей волчьей трубой,
Через мост заметенный и лес, через поле и смерть.

2004 г.

ЯВЛЕНИЕ ДРЕВНЕГО БОГА

Он вышел из леса, таинственный, ветвисторогий,
Одетый листвою истлевшей, когда-то багряной.
Добрая лицом, ему кошками терлись о ноги
Мздоимцы и воры, и пьяницы, и наркоманы.

Как птицы воркуя, слетались сквальжные бабки,
Щипали из рук божества черемшу и малину.
Пришельцы-бомжи разрывали зловонные тряпки
И падали ниц покаянно в холодную глину.

Дошло и до нас, возгордившихся. С криком «давно бы!»,
Отбросив неверие, прянули мы из укрытий
И освободились от зависти тайной и злобы,
И объединились вокруг необычных событий.

И брел древний бог-исполин меж людьми, осторожно.
Примолкли фанатики, стихли, смутясь, изуверы –
И стало им лгать не с руки, соблазнять невозможно
Всех тех простодушных, кто им доверялся без меры.

И не было бури, а шел тихий дождь незаметный.
Сосуды небесные сонно на землю сочились,
Пока заполнял я фантазией старозаветной
Безумное время, достойно прожить его силясь.

2004 г.

*«Я спрятался среди вас,
О, вечные звезды!»
Египетская Книга Мертвых*

Ушедшие в царство видений
Не знают ни страха, ни страсти,
Не бьются в тенетах сомнений,
Не жаждут ни славы, ни власти.

Как будто бы в новую местность,
В деталях ее познавая,
Вступают в самую неизвестность,
В простор одичалый без края.

А там ювенильное море
Недовоплощенных явлений,
И счастье похоже на горе,
И мечутся смутные тени.

И чья-то холодная воля
По эллипсам гонит светила,
И гнется незримое поле,
И космос молчит, как могила.

Сжимается в точку сознание,
Куда-то летит ошалело,
И темная ночь Мирозданья
Глокает безродное тело.

Что тело – пустая морока!
Привязанность им не знакома...
Уже не вернется дорога
К порогу родимого дома.

2005 г.

Прозрачны заросли и просеки пусты.
Покинут нежитью и Богом не любим,
Ноябрьский лес стоит, суров и нелюдим,
Как будто старческой стесняясь наготы.

Он стал враждебен, недоверчив и угрюм.
В тревожном сумраке – угроза и упрек:
– Ну, что уставился, чужак, и как ты мог
Прийти сюда?.. В чащобе скрежеты и шум.

Так умирает одинокий человек
И ветер кроны мнет, одышлив и тяжел.
Гниющий папоротник рыж, осинник гол.
Еще темно, еще не лег надежный снег.

Лес угасает, как живое существо.
Дрожат в агонии костлявые кусты...
И ни величия в том нет, ни красоты,
А только времени и смерти торжество.

2005 г.

ХОЛОДНАЯ ЗИМА

В сползающей в пропасть стране
Гудит первобытная вьюга...
Здесь жалость к своим не в цене,
И люди не любят друг друга.

Здесь многие смотрят, как в ад,
В убогую нищую старость.
Мошною трясет плутократ,
Клюют холоуи, что осталось.

Из красной кремлевской стены,
Из пепла грозят комиссары
И новой гражданской войны
Угрюмо пророчат пожары.

Во всю евразийскую ширь,
Красуясь манишкой кровавой,
Как флейта, скликает Снегирь
В поход за военною славой.

Но скифских холодных ночей
Могущество невозвратимо,
И поезд по корке степей
Проносится станции мимо.

Забытые идолы спят
В безлюдных предгорьях Урала,
И ели да сосны молчат,
Качая ветвями устало.

2006 г.

СВЕРЧКИ

Сверчки в подвалах психбольницы,
На нижних мрачных этажах,
Когда больница спать ложится,
Перекликаются впотьмах.

Они боятся всех на свете,
Они не верят никому
И, как испуганные дети,
Тревожат жалобами тьму.

Зачем, скажите, духи леса,
Жильцы заброшенных аллей
Пришли сюда – из интереса
К душевным странностям людей?..

Нет, здесь несуетно и сыро,
Тепло и летом и зимой,
Тут сквозняки большого мира
Устало приглушают вой.

Здесь капли киселя и супа
Блестят на кафельных полах...
И задаваться просто глупо,
Когда белеет снег в полях.

Замри хотя бы на мгновенье,
Прислушайся, не шевелись –
Сверчков бесхитростное пенье
Восславит жизнь.

2006 г.

Каким слепые видят мир во сне?..
Лежат они, во мраке, в тишине,
Закрыв глаза, и мертвенный такой
Царит у них под веками покой.

Ни днем, ни ночью зренье им не лжет.
Шестое чувство больше бережет
Слепых, чем тех, кому дано судьбой
Мерцанье бездны видеть над собой.

Незрячих ночь качает на руках,
Их кто-то гладит, тянет за рукав,
Они дыханье чувуют у щеки
И слышат рядом легкие шаги.

Их мир ночной вполне одушевлен,
Он ближе к ним и гуще населен,
Чем зрячий мир, в котором большинство
Забыло про таинственность его.

Слепые не боятся пустоты.
Незримый ангел, сторож темноты,
Не сводит глаз с беспечного лица,
Оберегая спящего слепца.

2006 г.

Фактически в снах человека
Присутствует смерть, но она
Как будто не смерть, а поездка,
Пространство в проеме окна.

Там, в серо-жемчужном покое,
Дорога бежит за холмы,
Нагие деревья по склонам,
Дыхание близкой зимы.

Как смутное воспоминанье –
Кирпичных домов череда,
Безветрие, клочья тумана,
Растресканных лужиц слюда.

И в левом нагрудном кармане
Заботливо спрятан билет.
И есть новизны предвкушенье,
А страха и жалости нет.

И смотрит на путь предстоящий
Спокойно во сне человек,
Предчувствуя – как настоящий –
Нетающий снег.

2006 г.

Снег – это символ забвения.
Белыми за полчаса
Стали поля и селения,
Люди, дороги, леса.

Смотришь – как будто из поезда...
Видишь, как небытием
Мир постепенно становится,
Однообразен и нем.

Только, казалось бы, высыпал
Снег, а уж всюду бело!..
Явь эту, схожую с вымыслом,
Будет забыть тяжело.

Но исчезает из памяти
Жизнь, даже та, что сейчас –
В пепельном мареве, замети –
Рядом, почти что у глаз.

Теплая тяжесть телесная,
Запахи, сны, голоса –
Все сохранилось бы, если бы,
Если бы не начался

Этот буран, эти белые
Хлопья, густые, как дым,
Не повалили бы, делая
Все в этом мире чужим.

2007 г.

ПРИСУТВИЕ ДУХА

Тусклым лучом по дороге ночной,
Недостоволен и шаток,
Двигается дух у меня за спиной –
Чей-то посмертный остаток.

Или при полном безветрии, вдруг
Вихрем с зеленых окраин
В дом проникает, вселяя испуг,
Леса ревнивый хозяин.

Может быть, смысл допотопных миров,
След архаичных преданий,
Нынешних дней разрывая покров,
Ищет себе оправданий?

Древности дикой исчадие, ключ
К нечеловеческим безднам
Смутным знамением реет меж туч,
Знаком торчит бесполезным.

Я-то уже затерялся в толпе,
Стал ее частью послушной,
В окаменевшей засох скорлупе,
С маскою сросся бездушной.

Только в прозрачно-мерцающем сне
Косность и лень мою судит
Чье-то присутствие, будто во мне
Память врожденную будит.

Просит рассудком унылым рискнуть,
Встать, несмотря на сомненья,
На ненадежный вневременный путь,
Соединяющий звенья.

2007 г.

ОН УМЕР, НО...

Он умер, но еще не зная
О том, снует под фонарем,
Летит, как бабочка ночная,
В окна светящийся проем,
Домой пытается вернуться,
В земной привычный уют,
Прижаться хочет, прикоснуться...
Но здесь его не узнают,
Не слышат и не отвечают,
Сидят, о чем-то говорят,
Как будто праздник отмечают
И сквозь него на ночь глядят.
...Не понимая, где он, что он
И почему так одинок,
Он больше тяжестью не скован,
Ни рук не чувствует, ни ног.
Теперь он – чистое сознание,
И держат на земле его
Чужие сны да поминанья –
И все,
и больше ничего.

2007 г.

Что делает реальной эту ночь? –
Ничто. В ней нет ни веса, ни размера.
И разума всяядная химера
Не может с доказательством помочь.

Границы смысла растворила тьма.
И даже сны, идущие на помощь,
Никак не растолкуешь, не запомнишь –
В глаза глядит бессмысленность сама.

И ты не знаешь, спишь или не спишь.
Сквозь время пропускаешь понемногу
Пустую непонятную тревогу,
Пружинами, ворочаясь, скрипишь.

Воронка мрака, головная боль,
Проход в глухие дебри полусмерти...
И все скользишь куда-то, что-то вертит
Тобой, чего-то двигаешься вдоль.

Порою чувствуешь, что рядом кто-то есть –
В мешке пространства, душном и глубоком.
Стоит – ни слова! – повернувшись боком.
Зачем пришел, как оказался здесь?

Вот состояние – без правил и личин.
Бывают случаи – без твердых оснований,
Провалы оглушенных расстояний,
Ночь безутешная – без перечня причин.

2007 г.

КРИК

Иллюзия твердых предметов нас держит в плену,
Мираж постижимой реальности, правильных мнений.
Какая-то птица в ночную вплыла тишину
И с криком отчаянья канула в море растений.

Шатался и множился вопль ее в черных лесах.
Да это не птица была, а сгустившийся ужас,
Как будто у ночи запутался он в волосах,
Не понят никем, не распознан, не принят, не нужен.

Химера рассудка – вот что нас всегда предает
И самонадеянность губит. Ведь это не птица
По вязкому воздуху крыльями яростно бьет –
Безумие в душу соблазном свободы стучится.

Какая-то жалкая вера в гармонию, страх
Нас путами вяжут, мелеющее постоянство...
Но сколько же силы в гортанных ночных голосах,
В безмысленном крике, раздвинувшем разом пространство!

Нет, это не птица – а мощный, неистовый зов,
Мир ночи, идущий на скаредный разум войною,
Всей сыростью ветра, зловещим молчаньем лесов...
Так Бог проявляется темной своей стороною.

2007 г.

КАМНИ

И плодородие тьмы, и величие света,
Чувств неосознанных разноголосый космос,
Мыслей течение и вещество предмета –
Поделено будет все без пощады на «до» и «после».

Эту черту не стереть ни живым, ни мертвым...
С благоговеньем ладони кладу на камни –
Вот в ком смирение и тишина, чей твердым
Я бы назвал характер. Не так пустота страшна мне

Рядом с рябыми подкидышами плейстоцена,
Окаменевшими заживо, любящими молчанье.
Точат их ветер и дождь, лижут волна и пена,
Но в обреченности этой нет моего отчаянья.

Идолы смерти с неслышными нам сердцами,
Полными временем, словно сгущенной кровью,
Где бы я ни был, полями ли шел, лесами –
Лбы ваши круглые гладил всегда с любовью.

Будете вы различимы мне с той стороны – оттуда,
Где все не так, все иначе, забуду ли ваш рисунок,
Пятна, прожилки, оспины? Серая ваша груда
Будет ли на меже видеться мне сквозь сумрак?

2007 г.

– Двери, деревья, дороги, дома, зеркала... –
Как заклинание я повторял, засыпая.
Магия мне в этом чудилась, тайна большая.
Воля чужая меня за собою вела.

...Двери, которые я не решился открыть,
Страхи, мешавшие грозным прийти переменам,
Полуподвалы, пропахшие гнилью и тленом,
Все, что не смог я доньше принять, пережить,

Все визитеры, которых к себе не впустил,
Все безымянные вестники, знаки тревоги,
Странно-пустынные, темные тропы, дороги,
Все закоулки, которыми я не бродил,

Купы деревьев, чернеющие на холмах,
Шепот их вкрадчивый, душу щемящие скрипы,
Все разговоры, шаги, перебранки и всхлипы
В полуразрушенных ненаселенных домах,

Все зеркала, отразившие – как пустоту –
Нижнего мира жильцов, обитателей слоя
Верхнего неба, властителей царства покоя,
Не снизошедших в мою слепоту и тщету...

– Двери, деревья, дороги... – упрямо твердил,
Словно молитву, на что-то надеясь неясно,
В сон погружаясь, – ...дома, зеркала... не напрасно!..
Улицы, лестницы, голуби, всполохи крыл...

2007 г.

Может быть, следует ждать, затаясь,
Неторопливо, смиренно? –
Между вещами незримая связь
Выявится постепенно.

Отдых давая усталым плечам,
В чутком глубоком покое
Слушать сквозь собственное по ночам –
Сердцебиенье земное.

Может быть, надо внимательно ждать,
Силе подспудной доверясь,
Сны заносить ежедневно в тетрадь,
Все их безумство и ересь?

Вооружиться звериным чутьем,
С рыбьим молчаньем сродниться,
Слиться с дорожною пылью, с дождем,
Птицей ночной обратиться.

Может, не стоит в тревоге просить
Определенности в мире,
Планов не строить, вещей не копить,
Жить, как на съемной квартире?

Жить от бездумной толпы в стороне,
Верить в забытое всеми,
Тихо таиться в сырой глубине
И прорасти, словно семя.

И доверять, как себе самому,
Неочевидным приметам,
И отступать шаг за шагом во тьму,
Не сожалея об этом.

2007 г.

НОЧНОЕ ЗРЕНИЕ

Ночное зрение, уставясь в темноту,
Отображает, как рентген, не только ту
Реальность внешнюю, которая и днем
И ночью давит и талдычит о своем.
Ночное зрение выстраивает мост,
Который связывает прямо мрак и мозг,
Когда меж внутренним и внешним нет границ,
И обе бездны делит только взмах ресниц.
Как тьма текучая страшна и хороша,
И как осмысленны штрихи карандаша,
Который держит цепкий Бог, рисуя мрак,
Когда не прячется за краску, за пустяк!
Впотьмах неспешный разговор идет всерьез.
Плачь, плачь – никто твоих не видит слез!
Скрывать от Бога – все равно что от себя,
Он, говорят, нас даже мучает, любя.
Спасибо тьме, спасибо боли и тоске,
Спасибо дням, когда висит на волоске
Жизнь! Полновесны эти дни и тяжелы,
Воловьей поступью бредущие из мглы.
Сгниет и дерево и обратится в прах,
Вернется снова все и сгинет второпях,
И солнца всех разоблачит кровавый глаз,
Лишь тьма, однажды поглотив, не выдаст нас.

2007 г.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

В лугах за деревней я сжег свой врачебный халат,
Пропахший тоской, безнадежностью душевных палат.
Источник сомнений, причину бессонниц, тревог
Я полночью сжег.

Химеру всезнанья, всевластья спалил на огне,
Могущества позу, претившую издавна мне,
Бездушную заумь, наскучившую болтовню
Я предал огню.

Свою несвободу, усталость, прилипчивый страх
Я пеплом развевал в сентябрьских пустынных лугах.
Как будто всю жизнь за надменной маской жреца
Таил я лжеца.

Не стал мне известен рецепт полноты бытия,
Причину страданий и боли не выяснил я.
А ночь шелестела, пугала, дышала, звала
И правды ждала.

Я каялся в том, что не смог всех надежд оправдать,
Что мне к ремеслу возвращаться придется опять.
А в угольном небе тянулась, мерцаая, сквозая,
Иная стезя,

Текла величавой белесой туманной рекой,
Неся в своих водах космически чистый покой –
Над темной равниной, где тоже светился, как мог,
И мой костерок.

2007 г.

ТРЕВОЖНОЕ НЕСООТВЕТСТВИЕ

Не отворачивайся – это тоже ты,
Смотри, не закрывай глаза и слушай...
Там, в зоне сумерек, в провалах темноты
Инаковость ворочается тушей.
Неразличимы там добро и зло,
Там слово «цель» утратило значенье,
И там привязанностей жалкое тепло
Иссякло без надежды на спасенье.
Там ждет сочувствия твой одинокий страх,
Ожесточение бессильно скалит зубы,
Там сны, которые ты прячешь второпях
От самого себя за нрав их грубый.
Там мысли о тщете любых забот,
О смехотворности побед и достижений,
Там, как аскет, без благ земных живет
Ненужной правды отрешенный гений.
Там напряженная белеет нагота,
И совместимы сразу все желанья,
И пустота, убийственная пустота
Впадающего в смерть существованья.

2007 г.

ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Я все еще здесь, и голодные птицы
Ни яблоч, ни ягод в саду доклевать
Не могут никак, опасаясь садиться –
То прочь улетят, то вернуться опять.

Я все еще есть. Разве это не странно?
Как будто все видится со стороны:
В рассеянной измороси туманной
Мне контуры собственные видны.

Я все еще я?.. Среди мокрых деревьев
Брожу по гниющей сентябрьской траве,
Плыву по течению судьбы, по деревне,
Пространства иные держа в голове.

Я так достоверно следы оставляю
Рифленных подошв на суглинке сыром,
Как будто свой сговор и впрямь подтверждаю
С реальностью, вырубленной топором.

Закрою глаза и открою – все та же
Картина – заборы, участки, дома...
И мир очевидности замер на страже,
И птицы голодные сходят с ума.

2007 г.

ЗАСНЕЖЕННЫЕ ЛУГА

Заснеженные луга – архипелаги покоя.
Среди перелесков, дорог, поселений, морщинистых волн пейзажа –
Пространство недвижимое, пустое
Издерганный ум обрел, не надеясь на это даже.

Ворон в крошащемся хлопьями небе распластан,
Тяжелый, медлительный, смутный, жуткий.
И ветер скребет, пролетая над настом,
Следы прошагавшей куда-то жизни –
проплешины дерна, зиянья, провалы – за сутками сутки.

Мир то приближается к самым глазам,
Увеличиваясь, то отдаляется – обреченно, сиро.
И ворон, похоже, не знает сам,
Куда повернуть, чтоб удержаться в пространстве такого мира.

Все может исчезнуть разом, облететь растресканной шелухой –
С поверхности пустоты, маячащей за вещами.
Заснеженные луга просто показывают, какой
Возможен покой, когда ты свободен от призрачных обещаний.

Но как же он сладок, простор – сам сосущий душу, как леденец –
С мятным привкусом нереальности, холодным оттенком краха!
Улетит ли когда-нибудь этот ворон, исчезнет ли наконец –
Лишь пробужденный узнает, освободясь от страха.

2007 г.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ ВРЕМЯ

Предрассветное время, обуза тревоги,
Пробуждения ранние, зябкая мгла.
И, как будто прося у кого-то подмоги,
Дребезжат прямо в черепе колокола.

Не буди никого. Никому не понятна
Эта тяжесть. Словами ее не поднять.
Под закрытыми веками плавают пятна,
Исчезают, рождаются, тают опять.

Час тоскливых предчувствий и воспоминаний,
Разговоры с умершими и пересчет
Прегрешений и промахов, и оправданий,
И прозрений незначащих круговорот.

Тело чувствует опасность. Несчастное тело
Неприятный рассудку бубнит монолог,
Все-то ноет, как будто бы жизнь надоела,
Улетела, как бабочка, под потолок.

Что ж ты, тело, не спишь? С прямою очевидца
Ты не хочешь довериться грубой судьбе,
Будто вправду душа никогда, как жилица,
Не покинет тебя, привязавшись к тебе.

Как ни ляжешь сейчас, а однажды на спину
Перекатят, и если не станешь золой,
Тьма сомнет тебя, словно безликую глину
И смешает со всем, что ни есть под землей.

2008 г.

Однажды ты останешься один,
Без путеводных маяков и знаков,
Кроимый мраком на иной аршин,
Где смысл существования инаков.

Однажды это все произойдет –
В кошмарном сне, в смердящей богадельне –
Дела серьезный примут оборот,
Дохнув непоправимостью смертельной.

И верткий ум не выручит тебя,
И в кротости уже не будет толку,
И вступишь ты, придушенно хрипя,
В сраженье с предстоящим втихомолку.

Прошепчешь в потолок: – Не выбирал
Я ни любви, ни стен, ни лиц, ни улиц,
Я в жизнь вошел, как в темный кинозал,
Где кадры сами по себе тянулись.

За что теперь цепляться мне, какой
Защиты ждать, зачем воспоминаний
Обшаривать труху и перегной,
Давясь слюной напрасных причитаний?

Я главному не научился здесь!
И вот я в одиночестве глубоком
Плыву куда-то, исчезаю весь,
Влекомый уносящимся потоком.

2008 г.

* * *

Снится сон божеству, что оно родилось человеком –
На отшибе галактики, на одинокой Земле,
И оно не бессмертно, зато поклоняется рекам,
Валунам и деревьям, и духам в полуночной мгле.

И оно не всеведуще, не всемогуще, а все же
Вопреки всем страданиям тщится продлить эти дни,
И оно на двуногих других как две капли похоже,
И в своей уязвимости всяческой твари сродни.

И оно небеса вопрошает в унынье – зачем я?
И оно безутешность своей ощущает судьбы,
И решает в итоге, что жизнь не имеет значенья,
Ибо небо не слышит ни сетований, ни мольбы.

Божеству говорит незнакомец: – Не бойся, мирянин,
Это сон, это все есть иллюзия, морок, дурман,
Ты же спишь, тебя нет, ты же пуст, в смысле, непостоянен,
Отражение в зеркале, видимость, эхо, обман.

В то же время ты есть, и мученья твои не бесплодны.
Как иначе ты смог бы почувствовать боль и печаль,
Как иначе ты смог бы понять, что мы все не свободны?..
И во сне божеству

всех становится жаль.

2008 г.

Я в темноте пошевелил руками,
Поднес к лицу ладони и увидел
Не сгустки тьмы чернильной, а свечение,
Голубовато-серый абрис пальцев,
Живую плоть – беспечный вызов смерти.

Я начал обживать ее когда-то,
Плоть – как вместилище,
Стремился к совпадению,
Приняв ее тепло и уязвимость,
Все приноравливался к свойствам и пределам.
Я вызубрил ее – и растворился
В ней, позабыв свою отдельность.
Я стал буквально плотью, принял страхи
Ее – взамен покоя и свободы.

Меня вдавила в тело чья-то сила
И долго берегла единство это...
И вот она намеренье меняет,
И говорит: пришла пора прощаться,
И успокаивает: можно подождать,
Еще есть время... Как его потратишь?

А я не знаю, как его потратить...
Жить, как обычно, торопить бездумно
Минуты, дни, откладывая на завтра
Все начинанья важные и слышать,
И чувствовать растерянно, как сила,
Та самая, во мне, напоминает –
Сквозь боль и тяжесть – что выходят сроки?..

И этот шум еще, что, засыпая,
Я слышу иногда – как будто ветер
Меня влечет куда-то сквозь потемки
Все дальше, все стремительней – к границе
Невидимой, едва ли ощутимой,
И никаких деталей – шум и ветер.

2008 г.

Как снег, поглощаемый морем, как снег,
Отдельные мысли пожрет темнота...
И ум, как бездомный, обрел бы ночлег,
Но дверь в темноту заперта.

Глубокая полная тьма и покой
Столь недостижимы, как будто стена
Тебя отделяет от них, и рукой
Почти ощутима она.

Никак не попасть в то пространство, никак.
Чем ломишься злее, тем крепче засов.
И топчется ум, словно жалкий дурак,
Мусолит мякину из слов.

Весь дом полон звуков – как будто грозит
Расправой, потерями, страшным судом.
И детство, как тень, по углам шелестит
С прикрытым ладошкой ртом.

Неведомо чем громыхает впотьмах
Рассерженный ветер, как пальцы, стучат
По стеклам снежинки, и мир второпях
Как будто бы рушится в ад.

Оставь все, как есть, не надейся, не ной,
А просто расслабься, уставься во мрак.
Пусть жизнь мимо цели пройдет стороной,
Ты все потеряешь и так.

И роскошь какая – иссякнуть в тщете,
В неведение полно отдать тому,
Что самодержавно царит в темноте
И непостижимо уму.

2008 г.

ПРИБЛИЖЕНИЕ. ВОЗМОЖНОСТЬ

Как будто мягкие и негустые люди,
А также очень тонкий наблюдатель
Присутствуют в пределах помещенья.
Никто из них не делает упора
На форме тел, величине предметов,
На освещении, на звуках. Душновато.
Но это не принципиально, как и всё,
Да, всё – нет смысла множить список.
И тем не менее за окнами метель.
Темнеет. Все хранят молчанье.
Ничто ни с чем не обещает сходства.
Не надо больше к выводам стремиться.
И только снег, тяжелый, рыхлый, вязкий...
В дальнейшем – вновь загустеванье мыслей,
Цеплянье, косность, поиск пониманья,
Сентиментальный важный разговор
И две бутылки молодецкой водки.
Мы в этой карусели столько лет,
Тысячелетий – в поклоненьях Богу,
В заискиваньях, жертвоприношеньях!
Друг другу причиняем столько боли
Лишь для того, чтоб чувствовать живыми
Себя и ощутимыми других –
Через убийства, слезы, секс, касанья.
... Ты этим все испортишь, дорогая!
Нельзя ли по-другому?.. – Нет, нельзя!

2008 г.

КАМЕННАЯ БАБА

Ты рождена, чтобы наполнить мир
Соперничеством, чтоб разбил я лоб
О стену смутных, беспокойных мыслей.
Ты для того, чтоб обеспечить смерть
Всем тем, что для нее необходимо –
Тоской, отчаяньем, иллюзией разлуки,
Дрожащим миражом освобожденья.
Рожая, ты здесь все овеществляешь
И напрягаешь вымышленным смыслом.
Ты мигом расщепляешь целый свет,
Лишаешь сна, смирения, покоя.
Не ищешь истины, твердишь – любовь, любовь! –
Заглатывая время ртом и лоном.
Мы все сюда пришли через тебя,
И ты же нас куда-то провожаешь.
Я обнимаю круглый твой живот,
Отвислые, растресканные груди,
Колени статуи, не знающей сомнений,
И говорю, раздавленный: – Помилуй,
Я виноват, поскольку существую!..
Где нет тебя, там нет добра и зла.

2008 г.

* * *

Среда, среда, середина недели, среда, зима.
Два чудовищно долгих дня впереди, но уж виден в конце просвет.
Толкотня в метро, хорошо бы сесть и закрыть глаза. Кутерьма, тюрьма.
Уклониться б, думаешь, обесточиться, раствориться, сойти на нет,

Капитулировать, помешаться, улетучиться или, став
Неодушевленной вещью, под спудом лежать в пыли.
Ошибаешься ты, однако, тебе говорят, не имеешь права, иной устав
У ревнителей этой холодной, суровой, скупой земли.

Вставай, вставай, поднимайся, не спи – и вперед, в снегопад, на лед,
И до победы, до коматозной, безоговорочной, ровной, слепой черты!
Не горюй, возрадуйся, говорят, не увиливай, все пройдет –
Неуловимо, обыденно и бездумно – до тошноты.

А еще, говорят, бесстрашие, непривязанность ни к чему выручают тех,
Кто решил избавиться от отчаянья и надежды, то есть оптом от всех проблем,
Кто свободен сердцем, легок и сух, как пустой орех,
Не боится смерти, не плачется, не нудит – «почему?», «зачем?»

Открываются двери, закрываются... Осторожно! Осторожничать смысла нет.
И цепляться не за что. Эскалатор, улица, полутьма, дома.
День глумливо, скаредно, начиная с серого, не меняет цвет.
Посредине вечности – все еще среда, бубнишь, все еще зима.

2009 г.

ЧЕРНОТА НОЯБРЯ

Чернота ноября порождает необходимость пристально вглядываться вперед.
После пяти вечера, особенно в непогоду, преобладают оттенки, но не цвета...
Между тем, все равно не заглянешь в будущее, каждый следующий поворот
Повторяет однажды пройденный – по-видимому, неспроста.

Лишь уставясь угрюмо под ноги, чувствуешь, что, пожалуй, идешь...
В остальном движение больше похоже на плавание во сне.
Если что и сеется с неба, то не манна, не благодать – безразличный дождь,
Если что и сбудется из прогнозов – так это снег.

Ощущаешь при этом спину как-то явственнее остальных частей
Тела, ибо нечто, покуда невнятное, шевелится сзади всей своей широтой.
Так боец, не заметив потери отряда, вышедши из гостей,
Словно дух, навсегда сливается с гиблюю темнотой.

Третий глаз позволяет видеть моментами то, что скрывает мгла –
Стены, окна, стены, окна, призраки – а более никого.
Птичий крик, зародившись в дереве, долетает медленно до угла
И потом исчезает, сворачивая за него.

И твои шаги свернут в отвесную емкую черноту.
Дай-то бог за границей скупого света остаться самим собой
Да еще почувствовать благодарность – за щедрость и доброту
И за то, что кто-то нажал наконец «отбой».

2009 г.

На движущейся Земле,
В той области, где зима,
Неоновый цедают свет
Полночные полустанки.

Неуравновешен мир.
Не все пассажиры спят.
Не знает почти никто,
Зачем наступает завтра.

Все тени бегут назад.
Унылы зимой поля.
Черны и пусты леса.
Ничто не стоит на месте.

Лишь мертвые сходят в ночь
На станциях – навсегда.
Дальнейшая их судьба
Величественна, невнятна.

Не слышал я ничего
Нежнее, чем голос твой,
Когда ты, прикрыв глаза,
Рассказываешь мне сон свой.

Твой голос так мягок, тих
И легок – под стук колес,
Под скрежет земной оси –
Прозрачное утешенье.

2009 г.

В каменноугольном бассейне бытия
Зажжет цепочки фонарей ночная смена.
В колодец тьмы скользнет порожняя бадья.
Уйдет внимание из тела, как из плена.

Когда неспящих меньшинство, я к большинству
Принадлежать хочу, иначе здесь свободу
Не обрести. Здесь только сон, по существу,
Приблизить может и к земле, и к небосводу.

Сосредоточенность и честность сохранить
На протяжении всей ночи – вот задача.
Легко осознанности путается нить
В чащобе похоти, тревоги или плача.

Скользить среди призраков, среди образов – таких,
Каких не знает соглашение дневное,
В чудной компании, среди масок шутовских,
Бродить с вопросами «куда мы?», «кто мы?», «кто я?»...

Ценю я эти похождения. Они
На смерть похожи, но покуда обратимы..
Пространства мглистые, зовущие огни,
Приветы вакуума, игры пантомимы.

Мне интересно там – в пустыне, где песок
Шуршит впотьмах, как исполнение обряда,
И ночь блестит, как отколовшийся кусок
Небытия, став проницаемой для взгляда.

2009 г.

Свободное от этой жизни время
Я мог бы провести, перемещаясь
От одного очерченного мира
К другому ограниченному миру,
А то и вовсе – в мире без границ.
Однако это стало б испытаньем
Для восприятия. Пока приноровишься
К ничем не обусловленной свободе,
То про себя, пожалуй, позабудешь...
Утратил форму – крышка содержанью!

Ну а пока мое вниманье скачет,
Как крыса, по нажористым помойкам,
Пирует, глядя на листву гнилую,
На сучья голые, на грязь, на комья снега...
Как все определено и весомо!
Трехмерная орет вверху ворона,
Детальная бранит судьбу старуха.
Ей жить-то остается, может, с месяц,
Но как она проявлена здесь четко!

Здесь можно все понюхать и потрогать,
Взять в руки, взвесить, осмотреть, измерить,
Купить, продать, приговорить к расстрелу,
Назвать причиной, следствием, ошибкой,
Установить периодичность. Боже,
Какие чудеса излишеств, мнений,
Соотношений, рамок и контекстов!
Пир очевидности! Роенье насекомых!
Здесь все шевелится и всем чего-то надо!

И все наводится на маленькую точку
Какой-то безусловной с виду цели,
Как телескоп – на черную дыру
Жерло свое расчетливо наводит.
Спаси, помилуй, черная дыра!..

2009 г.

СУМЕРКИ В ЛЕСУ

В климактерическом лесу сгустилась мгла.
Здесь птица Исподволь молчит о чем-то важном,
И кто-то кажущийся смотрит из угла
И отражается в глазу – буквально каждым.

Напоминая человека чем-то, ждешь
Не то наития, не то рукоприкладства,
Пожухлых листьев шевеление и дрожь
Содержат признаки угрозы и злорадства.

Что ждет нас в будущем? Так просто не сказать.
Все, вроде, катится к известному финалу.
Но лесу, видимо, на это наплевать,
Как железнодорожному вокзалу.

Гудки старинные кочующих зверей,
Птиц безымянных литургическое пенье
Не открывает все равно туда дверей,
Где не кладбище ожидает, а спасенье.

Чем здесь утешиться, чем успокоить мозг,
Как колба школьная, инстинктами кипящий?
Здесь, как и в городе, так далеко до звезд,
Светло и мертвенно мерцающих над чащей!

2009 г.

С чего начинал, к тому и вернешься, видно.
Вспоминаю себя ребенком,
одиноким сидящим на подоконнике
у окна, за которым ливень.
«Зачем я здесь?..»
Те же мысли и нынче,
а прошло уж почти полвека.
Только некого стало ждать –
так мучительно, так наивно.
Очевидно, никто не придет с ответом.

2009 г.

Маленький знак беды, слабый сигнал
В сон проникает – кажется, он внезапен.
С виду бездомный ребенок.
В землистом лице недоверие, яд,
Таинственное соседство
Непримиримости и бессилья.
Оцепенение. Немота...
Вдруг неожиданный стук за спиной,
Но нельзя обернуться,
Глядя в глаза отверженного волчонка...
Освободиться от прошлого не по силам.
Отгородиться от будущего невозможно.
Не по своей же воле приходит вестник.

2010 г.

* * *

Начиная движенье к себе, сам не знаешь, когда
Ты закончишь его, погрузившись в безвестность...
Вдоль проселка столбы, раздраженно гудят провода,
Тепловозный гудок напрягает окрестность.

Там, за лесом, на север течет, скрежеща, товарняк,
Бесконечный, как смерть, безучастный, как старость.
Не боясь опоздать, перейду на размеренный шаг –
Нет резона спешить, сколько б там ни осталось.

Ничего не берусь утверждать относительно звезд.
Не умею по ним узнавать направленье.
Мой подход к навигации в этой реальности прост:
Не морочь сам себя – вот и все наставленье.

Впрочем, если в пути я увижу какой-нибудь знак,
Он, конечно же, должен быть правильно понят...
То ли желтый овраг, то ли белый больничный барак,
То ли кроткий погост, где меня похоронят.

Добираясь до смысла судьбы и входя в темноту,
Среди гула пространства не слыша ни слова,
Оглянусь на действительность полубезумную ту –
Чтоб не встретиться снова!

2010 г.

ВСТРЕЧАЮЩИЙ АНГЕЛ

Милосердный встречающий Ангел не лжет,
Он стоит, спецодеждой светясь,
Из толпы выделяет меня, узнает,
Подтверждает незримую связь.

Как встречающий Ангел – никто никогда
Так не ждал меня, так не любил!
Утечет этой суетной жизни вода,
Обнажатся коряги да ил.

И как раз потому, что я вновь предложить
Не смогу никому ничего,
Он приблизится, чтобы принять и простить,
Не оставит меня одного.

Он любви простодушной откроет секрет,
Он поделится тайной своей –
Тем, чего в бытовании сумрачном нет
Среди сильных, живучих людей.

Я забуду любые обиды, тщету
Механической скучной борьбы,
Поднимусь в разреженную ту высоту,
Где колышутся света столбы.

И встречающий Ангел обнимет меня,
Совершая старинный обряд –
Над завесой неведенья, злобою дня,
Чтоб и я был крылат.

2010 г.

АНГЕЛУ – ХРАНИТЕЛЮ

Что скажешь, Ангел, – пролетели мы
Обочь грозы, чумы, тюрьмы, сумы?..
Проходят годы. Надо бы домой
Сворачивать, похоже, ангел мой.

Пространство смерти – родина для нас.
Спой мантру мне в глухой буддийский час.
Когда устанешь долгий «Ом» тянуть,
Мы оттолкнемся от земли – и в путь.

Жизнь прожита. Не чисто. В суете.
Не то что там, у вас, на высоте.
Мне в этом теле не прожить другой.
Прости меня за все, мой дорогой.

Добро и зло, и блеск, и темнота,
Восторг и боль, любовь и тошнота... –
Все люди одинаковы, и я
Не избежал соблазнов бытия.

Какую веру я б не выбрал здесь,
Хотел бы знать, что ты, мой Ангел, есть.
Ты некто больший, сведущий во всем,
Толкал меня и подпирал плечом.

Я потому хотел уразуметь,
Зачем мне жизнь и для чего мне смерть,
Что был одним из множества существ,
Кто помаячил здесь и вновь исчез.

2010 г.

По ложному следу лукавого смысла любви
Я влекся – на запах, на голос, на локон и жест,
Как гончая тянет по терпкой и липкой крови
Сквозь хвою и сучья, и листьев зазубренных жечь.

Кто слышал залиvistый тенор того гончака,
Кто видел пружинистый, резкий, упрямый галоп,
Тот молодость вспомнит угрюмую наверняка,
Тяжелые сны ее, бледный, нахмуренный лоб.

И все же мне нравилось легкие воздухом жечь –
Лесным, голубым – и твой запах звериный был люб,
Твоя шелестящая, мятно-невнятная речь,
Твой скользкий язык между тонких бесчувственных губ.

Но ты полу-сухой и полу-волчицей была.
Кудель золотистую гладил я нежно рукой,
В пустые глаза твои падал, где дым и зола,
Как нынче – другой.

2010 г.

Эта радость доступна не многим...
Зябкость сумерек, дождь со снежком.
Стать собой – значит стать одиноким
И уже не нуждаться ни в ком.

Остается принять со смиреньем,
Что природа безмерно сложна,
Но к надеждам твоим и прозреньям
Не совсем равнодушна она.

В уменьшающемся промежутке
Между жизнью и смертью – секрет,
И на убыль идущие сутки
Оставляют во времени след.

И пустая, как прочерк, минута,
Ничего не меняя в судьбе,
Все равно сообщает кому-то
Еле слышную весть о тебе.

И еще есть возможность восторга
Перед миром, сгустившимся в шар –
Безо всяких условий и торга –
Обретенным как дар.

2010 г.

НЕВЗАИМНО ВЛЮБЛЕННЫЕ

Невзаимно влюбленные принадлежат пустоте,
Полнотой становящейся, не ограниченной телом –
Как зима, бесконечной, как рельсы холодные те,
Параллельные линии, изображенные мелом.

Наше право заслужено – не пересечься ни с кем,
Отступая в спокойствие, освобождаясь от масок.
Мир лесов обнажившихся самодостаточен, нем,
Погружен в полутьму и без ярких обходится красок.

Разве птица случайности перелетит тишину,
Разве проблеск сознания выхватит пятнышко боли,
Разве солнце остывшее, тихо сползая ко дну
Затяжного предзимья, принудит вздохнуть поневоле.

Ни надежды, ни ревности, ни уводящих в кошмар
Сумасшедших тропинок... Просвеченный новой луною,
Мир все больше бездонен и тих, и безлюден, и стар,
Поделенный невидимой, неодолимой стеною.

В то же время он целостен – будто бы выпав из рук,
Мерзлым яблоком катится под снегопадом неспешно.
Разделенность печалит, пока не спохватишься вдруг –
Как все пусто зимой, как светло, безмятежно!

2010 г.

СТЕНА

Эта глухая, глухая стена, эта плотная кладка,
Струпья цемента, щербатые камни – пример постоянства...
Если проникну за стену, отсюда уйду без остатка,
Форма моя – превратится в пространство.

Я оглянусь на простую, короткую жизнь за спиною,
Жадную, жалкую, зыбкую, светлую – всполохи, пятна...
Если я все же продлюсь, если я не прервусь за стеною,
Буду ль скучать и стремиться обратно?

Камни мой лоб остужают и холодно пахнет известкой,
Сладкой водой из ручьев ледяных, утекающих в бездну...
Если я что-то сумею понять в этой жизни неброской –
Может, совсем за стеной не исчезну?

Эта стена никогда не услышит ни просьбы, ни плача;
Только молчание тянется вдоль, доставая до неба...
Если разумно устроено все, значит, срок мне назначен,
Кто бы я ни был и где бы я не был.

Мох на стене да лишайник поглажу, прижмусь к ним щекою.
Поле за мною, дорога, деревья, знакомая местность...
А впереди – за стеною и дальше, во мгле за рекою –
Лишь неизвестность.

2010 г.

НЕВЕРОЯТНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Незатвердевшие, мягкие слезы зимы.
Бессобытийные, темные дни декабря.
Окоченевшая, серая кожа земли.
Нежный – на грани любви – полумрак пустыря.

Нечему сопротивляться, оставим как есть
Все, что случается. Медленно падает вниз
Снег, словно добрая, но бесполезная весть,
И погружается в сумрак земной парадиз.

Если вернусь в этот мир, будет снежный декабрь
Или ноябрь на пороге больших холодов,
Встанет во мгле обнаженный, как будто дикарь,
Тополь, к зиме, словно к битве последней, готов.

Буду ли знать, для чего приходил я сюда,
Вспомню ли всю предсказуемость черных ночей,
Как замерзает расколотых лужиц слюда,
Как составляется жизнь из простых мелочей?

2010 г.

КАЗАНЬ

Когда-то этот город содержал
Достаточное для интимной связи
Количество причин, и я дышал
С ним горечью одной без неприязни.

Я в нем себя не чувствовал чужим
И, полный ожиданий уязвимых,
Гордился, будто был незаменим
И будто состоял в числе любимых.

Тот город обмелевшая река
Пересекает. Изобилье снега
Не в силах компенсировать пока,
Увы, ее убогого разбега.

Там с минарета трели муэдзин,
Торжественно гнусава, шлет к Аллаху,
И рвет за магазином магазин
Широким жестом до пупа рубаху.

В том городе грибницы мертвецов
На кладбищах растут, уж половина
Знакомцев перешла в пространство снов –
Ведь время посильней, чем медицина.

Нас что-то разделило – может, снег,
Кипевший над татарскою столицей,
В котором я бродил, как человек,
Ненужный там, хотя и круглолицый.

2010 г.

ТОСТ

За тех, кому нет места на земле,
Лишенных звезд и пуговиц мундира,
За незаметных в равнодушной мгле,
В анналах царств, висевших на сопле,
Между людьми поверхностного мира.

За тех, кого не любят, не клянут.
За позабытых навсегда и всеми,
За ничего не совершивших тут,
Продлавших свой бесполезный труд
Существования. Да поглотит их время!

За тех, кто шел беспомощно ко дну
И был обглодан до костей сиротством,
За их ущербность, слабость и вину,
За злую гробовую тишину,
За неприметность, схожую с уродством.

За то, что мы пополним их ряды,
Не затесавшись в гении, в тираны.
За навсегда изъятых из среды
Живых – без компенсации и mzды,
Мелькнувших мимо ада и nirваны.

2011 г.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТРУПА

За пределами трупа – все та же реальность. Зима.
Люди с их разговорами и слепотой, и цветами.
Но под маской застывшей покоится тайна сама,
Расставанье с контекстом изжитым, с пустыми мечтами.

Эта традиционная скорбь – ни о ком, ни о чём.
В общем, жалость к себе и фантазии да суеверья...
Все же ангел, допустим, проводит по лицам лучом,
Расправляя холодные, жесткие, белые перья.

Если так, то разлука весьма относительна. Что ж,
Провожают тебя навсегда лишь деревья да зданья.
Остальным остающимся ты, уходя, намекнешь,
Что прощаться не следует, лучше сказать – до свиданья.

Созерцатель, молчальник. Прозренья меняет черты!
Прегрешенья забыты – со всей рецептурой несложной.
Поднимаясь над нами, ты видишь весь мир с высоты –
С толчеей кольцевой и развязкой железнодорожной.

2011 г.

МОНСТРЫ БЛИЗОСТИ

Есть монстры близости – с глазами насекомых,
С кровососущими кривыми хоботками,
На легких крылышках, на лапках пустяковых,
С брюшками нежными и цепкими крючками.

Они упругие, подвижные, их много.
Они изветливо шуршат и лезут в душу,
То между рамами трепещут кособоко,
То целой тучей вырываются наружу.

И нет преград, и нет границ, и нет защиты
От их ощупываний мягких и касаний.
Они свивают серых куколок обиды,
Плодят безумных, жалких бабочек желаний.

Они ветвистые каналцы прогрызают
В сердечной сумке и гнездятся меж извилин,
И в снах участвуют, и в явь перебегают.
Их душный мир неистребим, любвеобилен.

Они зимой кружатся хлопьями, не тая,
Они слюдою серой сыплются на реки.
И в темноте кромешной, мозг переполняя,
Огнем предательства подсвечивают веки.

2011 г.

Там, вдалеке, на пустынном поле,
среди редких тяжелых птиц, виден незлой человек.
Но его растворяет сумрак осенней ночи.
И только два глаза
кроваво-красными огоньками мерцают в потемках,
в густом и серьезном воздухе октября.
Даже если он что-то крикнет –
сквозь осенний воздух
я все равно ничего не расслышу.

2011 г.

ФИГУРЫ УМОЛЧАНИЯ

Фигуры умолчания сложны –
По форме и по содержанию. Темный
Какой-то смысл с обратной стороны
В них прячется, недобрый, вероломный.

Во времени ненаступившем ночь,
И маются в ней странные созданья,
Их не утешить, им и не помочь,
Они – твои фигуры умолчанья.

Их вкрадчивые хищные шаги
Тебя, как будто жертву, окружают,
Причудливые петли и круги
Выписывают, прятки затевают.

Потерянной ты видишься мне – в том
Пространстве неразвешанного праха,
Где прячутся, как тени за углом,
Фигуры недоверия и страха.

Омрачена ты ими столько лет,
Как будто обещанием унылым.
И снег метет, и сумеречный свет
Течет по запорошенным могилам.

Они расплатой будто бы грозят
И требуют разрыва и разлуки.
И, обреченно поглядев назад,
Ты вновь мои отталкиваешь руки.

2011 г.

На сердце твое набежавшая тень
Тревогу во мне пробуждает и страх,
Ненастьем твоим омрачается день,
И ветер бежит по дороге в слезах.

Твой голос становится жестким стеклом,
Холодным и плоским, в размывах дождя.
И я прижимаюсь к прошедшему лбом,
За двориком нищим бесцельно следя.

Ко мне возвращается дождь затяжной
И детство убогое в доме пустом.
Лишь сумрак сырой остается со мной,
Цветет жестяным одичалым кустом.

Мне кажется, будто я где-то не здесь,
А в шорохах выцветших, стершихся лет,
Оставлен под тяжестью серых небес
В доме, из которого выхода нет.

И там я часами сижу у окна,
Смотрю, как растения мокрой листвой
Кольшут, кольшут, и бродит одна
Душа моя в долгой разлуке с тобой.

И холодно мне в нежилой пустоте
Безлюдного мира, как в гулкой трубе...
Но тело белеет твое в темноте,
И я прикасаюсь к тебе!

2011 г.

Все не мое и все не навсегда...
Но разве это новость или горе –
Стать словно воздух, звук или вода
И раствориться в небе или в море?

Стать окликом, без сожаленья в шум
Впадающим, без боли, без остатка...
Забвеньем стать, освободившим ум
Хоть чей-нибудь от мертвого осадка.

Стать площадью, с которой все ушли.
Уход – всегда и следствие, и повод.
Стать ветром, поднимающим с земли
Пыль, теребящим монотонно провод.

Стать запахом гниющих новостей,
Травы, компоста, преющих опилок.
Стать горсткой желтых пористых костей.
Стать тем, кто дышит сам себе в затылок.

Стать увяданьем собственно, тоской
Осенней, опустевшей паутиной,
Крошащейся соломенной трухой,
Кембрийской голубой глубинной глиной.

Стать существом, умеющим терять,
При этом не впадающим в тревогу.
Не понимать, а все же доверять –
За неимением иного смысла – Богу.

2011 г.

Зачем я горький воздух пью,
В затылок темноту целую
И тусклую печаль ночную
На блюде треснувшее лью?

Подрагивая телом, дом
Плывет куда-то в неизвестность,
И наших жалоб бесполезность
Слоями оседает в нем.

Твоя ладошка так нежна,
Так беззащитно-невесома!
Ты сквозь декабрьский дождь несомы –
Судьбе неведомой нужна.

Тебя тоскою одарил
Последний, хриплый выдох года –
И мгла, и мрак, и непогода,
И холод лестничных перил.

Короткие, скупые дни
Мир мокрым снегом украшают,
И нас, как могут, утешают
Подслеповатые огни.

2011 г.

ПОВСЮДУ ГЛАЗА

На лодке, на лодке, по черной тяжелой воде,
Сквозь шорохи, всплески, в тумане – везде и нигде...
И рыбы мерцают, как лампы, в глуби смоляной,
И с берега пахнет осенним покоем, землей,
И с берега веет пустыми полями, большим
Холодным простором и дымом печальным над ним,
И падает ветер, и кожу речную знобит,
И птица за мною, как медленный оклик, летит...
Вот так бы и плыть мне, вplывая в текучую тьму,
Вот так бы мне таять и таять в ночи одному,
Но я закрываю глаза и я вижу глаза,
И светится в них ожиданье, мерцает слеза,
Но я открываю глаза – среди стыни ночной
Все те же глаза неотступно стоят предо мной,
И словно за тихим свеченьем, в бездонных зрачках,
Не эта реальность, а луг в суматошных сверчках,
В кузнечиках, бабочках, несуществующий дом –
И все поцелуи, и все обещания в нем.

2011 г.

БЕССОННИЦА

Вновь облегченья не приносит ночь!
И в это утро, словно в утро казни,
Опять нести обузу неприязни
К себе, опять помочь себе не мочь.

Веригами смиряет плоть монах.
Больной в тисках болезни затихает.
И ревность обессиленно сникает
И плачет на своих похоронах.

Покинутый ребенок лег ничком
И смолк, судьбе измученно сдаваясь, –
У тьмы для сирот нежные слова есть, –
Он слезы вытрет грязным кулачком.

А я не сплю, я слышу, как спешат
Часы, пустой обидой отрезая
Меня от этой жизни, и глаза я
Закрыл, и замерла моя душа.

Ей грезится все то же – бег луны
Сквозь тучи, в окнах тени и потеки,
И ветер ищет, злой и одинокий,
В осеннем холоде – любви и тишины.

2012 г.

Не забывай совсем-то уж меня!
Совсем-то уж меня не забывай!
Мне одиноко посредине дня,
Грызущего свой черствый каравай.

Мне одиноко ночью, поутру,
Бывает одиноко и в обед –
От этого я точно не умру,
А все-таки пошли мне свой привет.

В утробе этой жизни, у окна,
Глядящего на темно-серый дождь,
Стою и понимаю, как нужна
Мне весточка. А ты ее не шлешь.

Пришли мне эсэмэску, что жива
Вселенная еще, и ты в ней есть –
Какие-нибудь теплые слова,
Какую-нибудь радостную весть.

Не оставляй меня на берегу
Младенческой тревоги и тоски,
Как будто я родиться не могу,
Как будто мы с тобою не близки.

Пошли улыбку, рожицу, пустяк,
Цветочек или солнечный кружок –
Случайно, мимоходом, просто так –
Мол, я тебя люблю еще, дружок!

2012 г.

Кабинеты мертвеют, сгущается тьма,
Завершается подвиг недели,
И тюрьма открывает ворота сама,
И в больнице пустеют постели.

Так ступай же куда-то туда, на восток,
Возвращайся к забытой свободе,
Раздувая мерцающий сладкий восторг,
Словно призрачный свет в переходе.

Отправляйся на ощупь – сквозь каменный лес –
По кирпичным трущобам и трупам,
Дотянись до скрещенья железных небес,
Достучись по заржавленным трубам.

Домолчись, доупорствуй до той высоты,
Поднимись к ней мерцающим шаром,
Чтоб увидеть оттуда мосты и кресты,
И всю жизнь, что тянулась не даром.

2012 г.

И голубь мертвый ясен у дороги,
И выгорели маки, отцвели,
А свет на землю сходит без тревоги,
Не замечая горестей земли.

И оптикой лучистой играя,
Как на предметном крошечном стекле,
Он видит и меня почти у края
Того, что держит вещи на земле.

Я в поезде прозрачном долго еду.
В нем имя забывается мое.
Одерживает медленно победу
Уменьшенное время-бытие.

Теряются и ранят очертанья
Доверчивых намерений моих,
Как пустотой разрушенные зданья
На безымянных станциях ночных.

Оставь мне хоть какую-то надежду
В любовной безразмерности своей,
Размыто пролетающему между
Людей неясных, призрачных полей.

2012 г.

ИОВ

*«В этих страшных и нищих стадах
ты уже уходящий...»
В. Соснора*

Спрессованный временем Иов устал
Быть поводом к смуте в душе.
Страдальца засыпан песком пьедестал,
И сам он не Иов уже.

Покинут навек насекомым янтарь,
И след его тельца простыл.
И где-то в барханах потерян бунтарь,
Он Бога простил и забыл.

За лепрой, за пеплом, за всей суетой,
За чересполосицей бед –
Он больше не праведник и не святой,
Его даже в вечности нет.

Как было там в нищих и страшных стадах?
Неведомо! Что вспоминать?
Куда возвратятся, как дети в слезах,
Верблюды и овцы опять?

И жалко себя-то, как жалко! Ну что ж,
Иного, видать, не дано.
Зачем громоздить кривотолки да ложь,
Когда все исчезли давно?

2013 г.

МРАЧНЫЕ НЕБЕСА

Люди – это еще не самые страшные формы жизни.
Каждый смертен по крайней мере
и лишь до поры до времени мнит себя всемогущим.
В конечном итоге каждый исполнен страха –
и на вершине власти, и на вершине славы.
Словно через портал – в реальность просовывается рука,
изымая великих, внушавших массовке ужас.
Миг – и рухнули все декорации. Расходитесь, спектакль окончен!
Влекутся мертвые честолюбцы коридорами мрака.
Кто же стирает их грим, сдирает костюмы, кожу,
разбрасывает реквизит по тоннелям смерти –
в целом непредставимо, непредсказуемо безграничной?..
Кто наблюдает за всеми, неуязвимый, недостижимый,
кто наблюдает, подкидывая как бы случайные совпадения
в закрома страдания, набитые человечинной?
Я просыпаюсь под утро, как будто бы от толчка,
но день еще даже не начинался!
Кто включает сигнал тревоги в извилинах,
и что за крыса слепо мечется в их лабиринте?

2013 г.

По осени поздней я ехал вдоль бурых лесов,
Вдоль вяло-зеленых и желто-неряшливых склонов,
Тягучие будни вращали свое колесо,
Торговцы бродили внутри полусонных вагонов.
В окно запотевшее лился безжизненный свет,
Торговцы кричали, хотели отчаянно денег.
А раньше я думал, что смысла тревожиться нет,
А раньше я верил, меня это все не заденет.
Мне было бы плохо, ну невыносимо совсем,
И я ни любви бы не чувствовал и ни печали,
Но серое небо простерлось над миром затем,
Чтоб мы его в самые горькие дни замечали.
И вот я увидел, насколько прекрасен октябрь
И сколь глубока, неизбежна пора увяданья,
Как будто от пристани жизни отходит корабль
И страсти уносит и страхи, людей и желанья.
Незримую ось обвивая, змеится спираль
Смертельного времени, тянется без возвращенья.
А сколько тепла было, помнишь, листвы было?.. Жаль,
Что вся эта роскошь теряет, теряет значенье.

2013 г

БЕЗУМИЕ

Безумие проникает повсюду – не в явь, так в сон,
Разбрасывает небрежно, как сор, артефакты ада,
Выдавливает наружу из легких предсмертный стон,
Мелькает в дверях и прячется, неузнанное, от взгляда.

Безумие не чурается фактически никого,
Не пренебрегает грешниками, бомжами и богачами.
Защищены ли праведники пожизненно от него –
Или покуда молятся, крестятся, бдят ночами?

Безумие, вероятно, обширней, чем строгий рай,
Терпимее к разношерстности, к особенностям, оттенкам.
Не так очевиден глазу его полустертый край
И легче приноровиться к дырявым его застенкам.

Безумие не обещает вечности. – Всё обман! –
Оно говорит бессовестно, беспечно и беспричинно.
Трясется и завывает безумия балаган,
Покуда святая набожность держится благочинно.

Жизнь, я бы сказал, безумна, гневлива и голодна,
Блудлива, жадна, уныла, завистлива и печальна,
К тому же она конечна, к тому же она одна
И как бы обречена безумной быть изначально.

Безумием окруженный, кто скажет, что защищен?
Не ведаешь, с чем столкнешься, как только прикроешь веки.
Ты слышишь, как плачет ангел, безумием потрясен –
В нормальном, но беззащитном, естественном человеке?

2013 г.

Я долго лежу, не вставая,
Как будто бы утренний свет,
Объятя свои раскрывая,
Сведет меня вскоре на нет.

Уже не отсрочить начало
Настойчиво ждущего дня,
Как будто осталось так мало –
Почти ничего – от меня.

Но веки прикрыты покуда,
И сумрак под ними дрожит,
Мне кажется, будто бы чудо
За гранью сознания лежит –

Тот самый покой и свобода,
И даже причастность к мечте,
И мира иная природа
Скрываются там, в темноте.

2013 г.

С неслышимостью голоса любви,
С невидимостью убыли душевной,
С прохладной отстраненностью в крови
Я прожил бы, с прозрачностью безгневной.

Прошел бы, отстраненный, мимо всех
Двусмысленно мерцающих значений.
Неведом был бы мне пьянящий грех
И совести не знал бы я мучений.

Проста и одинока высота
И строг полет надмирный идеала...
Но женщин приземленных доброта
Меня в печали дней сопровождала.

Я плыл по морю зла и нечистот,
И лунных фаз следил чередованье,
И круглый, как беременной живот,
Стон плоти слышал и ее урчанье.

Я вынырнул между древесных ног,
Испачканный в земной пахучей прели...
И мой позор презрел всесильный Бог,
А женщины участливо смотрели.

2014 г.

ТОЛЬКО СТИХИ

Некогда думалось, как на маяк,
Надо держать в суете направленье,
Самое важное – стихотворенье,
Не адаптация. Вышло не так!

Некогда верилось, главное честь,
Неподчиненье известным пределам,
Сытости, страхам, замкам заржавелым...
Да тяжело в это верится днесь!

Мнилось тогда, плодородным дождем
В мир проливается женщина, музой.
Опыт скорей оказался обузой
И отрезвлением в сердце моем.

Разоблаченные смыслы тихи,
В шуме людском растворились стыдливо...
Но остаются шуршать сиротливо
Серой стернею на поле стихи.

Что ж, оглянусь, в пустоту уходя –
Там, за спиной, потерпев поражение,
Стойко щетинятся стихотворенья,
В хлопьях бурана, в нахлестах дождя.

2014 г.

За утешением к ангелу я бы обратился –
 Бог-то повсюду и нигде, ничем не очерчен, кроме воображения –
 За утешением к ангелу, с просьбой о надежде и покое,
 Ну или хотя бы о покое, о мире в душе, уж хотя бы ночью...
 Да ангелов как будто бы нету... Или все-таки есть?
 За всю жизнь ни одного не встретил!
 А может, встретил, да не узнал.

Что ж, за утешением к воздуху я обращаюсь,
 К прохладному воздуху, с запахом листьев, травы, дождя.
 К воздуху, что в форточку проникает, подобно Святому Духу,
 Среди молчания ночи.

Бесы одни мне встречались, довольно часто причем –
 Внутри и снаружи,
 Ангелы – вряд ли! Даже во сне – лишь бесы да люди!
 И разница между ними порою неуловима.
 А воздух – вот он, струится, лица моего касаясь
 Так, словно бы гладит, и я додумываю остальное –
 И ангелов, и Бога, и смыслы судьбы, и ландшафты смерти.

Почему же ангелы-то меня обходят вниманием?
 Или я их не замечаю?
 Суетен, вероятно, и языка их не знаю,
 И зрение обыкновенное.

Точнее, подслеповатым, рассеянным уродился.
 Ангелы же в той части спектра, видать, обретаются,
 Что мне недоступна.
 И слух мой на ангелов не настроен!

Слышу лишь редких прохожих, автомобили,
 Что растворяются, удаляясь, в пространстве ночи.
 Вижу мерцание слабое за занавеской и темный,
 Подобный колодцу мутному, потолок.
 Поверхность его колышется едва уловимо –
 Это и развлекает блуждающее внимание.

Звезда в нем не плавает никакая,
 Лишь перебегают тени,
 А то, бывает, застынут,
 И лишь по пульсации мозга догадываешься,
 Что жизнь, лишённая ангелов, продолжается,
 Странная, непонятная, к неизвестной текущая цели.

2014 г.

И музыка вся бесполезна,
И безблагодатны стихи,
Когда разверзается бездна
Мистически темной тоски.

Как будто в ином измереньи
Абсурда – с полсотней сторон! –
В безвременьи и омраченьи
Безвыходно ты заточен.

И выглядит зло, непонятно
Весь мир – мышелов, лицедей,
И нету дороги обратно
Сквозь чередованье дверей.

И кто ты, зачем ты, куда ты
Ползешь по колючим ходам,
По недрам земли тридевятой,
Глухой, ледяной, комковатой,
По старым слезам и следам?

2014 г.

СУМАСШЕДШИЙ ДОМ У ЛАВРЫ

Сколько скопилось людей в этой старой больнице!
Сколько сердец раздавили в ней страха тиски!
В сколько окон смотрит череп луны бледнолицей!
Под потолками высокими сколько тоски!

Рядом же сад! С виду кажется, сад безмятежный!
В нем нарисованы жизнью жасмин и сирень.
Бог справедливый, всеведущий, тихий и нежный,
Счастлив твой сад, но черна Твоя жуткая тень.

Рядом же храм! Там горят нескончаемо свечи,
Неисчислимо! Как только потухнет одна,
Тут же другую зажгут, но утешиться нечем
Тем, кто безумье свое испивает до дна.

Умалишенному чем от Тебя защититься,
Оборониться от воли неясной Твоей?
Вот он и кружит и квохчет, как страшная птица,
Вот он и топчется все у закрытых дверей.

Он ощущает себя, как кого-то чужого...
Разум его может воду лишь в ступе толочь!
Но он не может сказать в оправданье ни слова
И покаяньем Тебе в правосудье помочь.

2014 г.

ПРОХОЖИЙ

Февральский дождь. Гнилые бревна.
Приговоренный темный снег.
Размыто, дергано, неровно
Бредет по снегу человек.

Душой он где-то пребывает,
На четверть смысла явлен здесь.
Лишь в глубине его мерцает
Сознания зыблемая взвесь.

Он дня не смог прожить без фальши,
И расстояние растет
Меж ним и вечностью. Все дальше
От цели круг его забот.

Он одиночеством окутан,
И слышит вой над пустотой,
И плеском резких фар напуган,
Загружен памятью густой.

Окаменели в нем недели,
Все дни, в которые он был
Собою понят еле-еле,
Собою узнан в меру сил.

Сбоит его воображенье,
Он лишь фантомами томим,
Он вызывает раздраженье
Однообразием своим.

Его следы в потемках тают.
А капли гуще, холодней.
И вот уже они летают
Одни в сумятице огней.

2015 г.

Посмотри, какая улица –
Захолустье, ни души!
Только нищенкою курица
Ворошит в пыли шиши.

Ничего не получается!
И заборы все вразброд.
Кобели да суки лаются,
И полынь с тоски цветет.

Меж обмылками, ошурками,
Благодушен, рыжеват,
Кот хромой пугает жмурками
Народившихся мышат.

Худоватым жидким неводом
Облака плывут сюда
Из дали, которой не было
И не будет никогда.

Поделюсь неброской радостью!
Разве не с кем? Разве я
Не люблю с тоской и сладостью
Пить напиток бытия?

2015 г.

Пусть будут сны про смерть исполнены покоя,
И тот, кто нас лепил, сам подтвердит слова,
Что после жизни есть рождение второе,
И тьма населена, и вечность не мертва.

А кто растерян был и в зеркалах не видел
Себя среди живых, и думал, что исчез,
Не будет позабыт, в отчаянье, в обиде,
Вожатого найдет на ярусах небес.

А кто был всем чужим и вышел вон как лишний
В неведомую ширь – за ним закрыли дверь –
Он лишний не везде, его обступит вышний
Неугасимый свет, родной ему теперь.

Весь многомерный мир одно живое чудо!
Пунктирные следы на глине и песке
Видны во все концы – отсюда и оттуда –
И выходы видны в безвыходной тоске.

И голоса камней те, кто умеет слышать,
Услышат, и земля высоко так звенит,
На кладбищах ветра в сквозистых кронах дышат
И шепчут, и страшат, и бьются о гранит.

Ненужных Богу нет! Пронизывают птицы
Глубинные леса – всему своя стезя! –
То там видны, то здесь... И нет такой границы,
Какую пересечь хотя б во сне нельзя.

2015 г.

* * *

«Приедается всё...»

Б. Л. Пастернак, «Морской мятеж»

Над промзоною снег, над коленьями трубопровода,
Над хребтами заборов, гнилою травой пустырей...
И такая над всем этим серого неба свобода,
Ах, какая свобода! Я в жизни не видел серей!

И по рельсам бежит, как собака бесцельно, дрезина,
Заготовки штампует в цеху неумный станок.
И Господь отдает на съеденье любимого сына,
Говорит, потерпи, так задумано было, сынок!

Повторяется все! Только нам не дано повториться.
Дни проходят. Следы остаются на грязном полу.
Кто-то сводит на нет все усилья светилен, и бриться
По уграм нету сил, не убрать стеклотару в углу.

Для чего это все?.. Я причину вопроса не помню.
Помню эхо в складских помещениях и духоту.
И нелепый ответ камнем катится в каменоломню,
Лишь белесую пыль поднимая одну на лету.

И над ржавой водой виадук так мучительно выгнут,
И строительный кран так молитвенно к небу воздет...
Все расходится врозь и по-своему воеет и гибнет,
Без борьбы не сдается, а все-таки сходит на нет.

2015 г.

СОН ПРО АРСКОЕ ПОЛЕ

Перекресток ночной – возле кладбища, парка, больницы –
Вновь завлек меня в сон, в лабиринты татарской столицы,
В одиночество, в глушь, в мертвецами обжитое поле,
Где плыву я сквозь тьму по какой-то неведомой воле...

Вот отец мой бредет по кладбищенской черной аллее,
Вот мой умерший друг!.. Безнадежнее чтоб и больнее
Стало мне в этом сне, в знобком трепете зыбкого мрака,
Подбегает ко мне и скулит, как живая, собака.

Здесь я жил, здесь я был, и надеждой обманут, и славой,
Но свое ремесло не считал ни ярмом, ни забавой.
Здесь, как реки, слились две враждующих исстари крови,
И взошли семена безответной тяжелой любви.

Здесь домой – значит вспять, значит в прошлое, в сумерки детства,
В дебри предков, в их бред, в их обиды и счеты, в сто бед, в сто
Безымянных колен и славянских, и тюркских, в ту землю,
Что, тоскуя, зовет меня – но я страшусь и не вмешаю!..

Боже, как широко это черное мертвое царство,
Этот воздух сырой, эта горькая ночь, как лекарство –
От гордыни, тщеты, искони обреченных усилий!..
Только шорох во тьме ветряных исполинских воскрылий.

С разрешенья ль Мухаммеда, с благоволенья Аллаха,
По примеру Иисуса, Иакова – в логово страха! –
Я спускаюсь в свой сон, по ступеням тоски и печали,
В морок вечного поля – такого ж в конце, как в начале...

Пусть прабабка моя сочиняла когда-то байты,
Пусть она, и стихи, и все жившие прежде – забыты,
Что скорбеть? Спой мне, смерть, спой на русском и спой на татарском,
Как ты, кроткая, ждешь вне времен меня во поле Арском.

2015 г.

СТАРЕЦ

Вот ростовщик, старец сребролюбивый, правящий миром, слышит – «состарившийся в злых днях! ныне обнаружались грехи твои...» – и не верит, что смерть подступает и ужасом дышит в лицо ему, и мечутся по спине его холодные муравьи.

И зовет он врачей. Те новые молодые сердца предлагают ему на выбор, но в красных склерах его слезы скапливаются от досады на эту жизнь, потому что она кончается, а он из нее безвозвратно выбыл. Всего и осталось – желчь, страх, смрад стариковский, горечь и слизь.

Зависть к убогим, к пресмыкающимся, молодым и бедным, морочит его, и, увешанный трубками, как химический чёрт, он находит что-то правильным, необходимым, а что-то вредным для всех остающихся и заветы секретарям речёт:

– Этых стереть в порошок, тех числом поубавить, а тех оставить, вознаградить за рвение. На остальных – попросту наплевать!.. И величие его замыслов загромождает историю, засоряет память... Отдав распоряжения, старец валится, обессиленный, на кровать.

Что мерещится ему ночами? Ледяные сжимающиеся кольца Сатурна, нагая Сусанна в безлюдном саду, зачумленные ручейки его родины, потемневшей от времени?.. Или он в рубище богомольца и в перстнях предстает перед лодочником у реки?

2015 г.

ПУСТЫННЫЕ СНЫ

Спасибо за пустынный сон,
Прибежище в давящие будней.
Я в нем укрыт и сохранен.
Чем жестче явь, тем сон безлюдней.

В том сне меня почти что нет.
Как персонаж второстепенный,
Я зыбок, виден на просвет,
Охрану обманувший пленный.

Мои нечеткие следы
Теряются в глуши окраин.
Я серой дождевой воды
Попутчик, шорохов хозяин.

Во сне не в силах я толкнуть
Тяжелой двери и сюжета.
И рвется на клочки мой путь,
Как отсыревшая газета.

Я даже имя не всегда
Свое прилипчивое помню.
Гудят в потемках провода...
А имя, имя здесь на что мне?

Ландшафт вокруг не городской,
Не деревенский, не богатый,
Не бедный... С примесью морской
Стрекочет дождь подслеповатый...

Нельзя от тяжести спасти
Живых, от казни заземленья!
Я, словно крест, готов нести
Себя с момента пробужденья.

Но есть мерцающий провал,
Размытый мраком промежуток,
Куда я скрытно совершал
Побег из каземата суток.

2015 г.

*«у нас все хорошо мы кутили говядину»
sms*

о чем говорить?.. над Невой отчужденное небо!
ну, небо и небо! и немекает язык.
полену ожившему хватит три корочки хлеба.
ветшая, и я от излишеств как будто отвык!
столетний сверчок проскрипит из угла комнатухи,
но азбучных истин до нас не доходят слова,
ах бедные сказки, душистые, мягкие стружки,
и радость случайна – и Бог с ней! – и жизнь не нова.
едва ли расскажешь о чем-то. и не с кем делиться
ни воздухом этим, свершившим морской перелет,
ни тем, что скупая, холодная прячет столица
в сырых казематах, ни тем, что нас в будущем ждет.
Басё – не Басё, но, свернувши с пути самурая,
под люстрой, как будто под пальмой, беспечно сию,
и мысли куда-то плывут, потухая, мерцающая,
и обозначают меж мной и не мною между.
и все хорошо у кого-то, говядины хватит
на суп, на гуляш! и случайные дуют ветра,
и кто-то все знает про нас и за все нам заплатит,
утешит, полюбит, поймет... но еще не пора!

2016 г.

МОЙКА 12*

Когда ни славы, ни оваций,
Ни женщин рядом, ни друзей,
Пойду на Мойку, дом двенадцать,
Как на причастие, в музей.

Пока бесстрастная природа
Гудит в метельную трубу,
Журчит рассказ экскурсовода
Про дар случайный и судьбу.

И мнится, помнят раритеты
Прикосновенья чьих-то рук,
И слышат мертвые поэты
Людей, толпящихся вокруг.

А я, собою удрученный,
И тем, что смысла в жизни нет,
Смотрю задумчиво на черный
Дуэльный пушкинский жилет.

По окровавленному следу
Иду я мысленно опять,
Чтоб пораженья от победы
Уже совсем не отличать.

2016 г.

** Адрес единственной в Петербурге
мемориальной квартиры А. С. Пушкина,
в которой он проживал с семьей последний
период своей жизни с сентября 1836 года
по 29 января (10 февраля по новому стилю)
1837 года.*

АПРЕЛЬ В ДЕРЕВНЕ

На всю деревню ни коровы,
Ни лошади, ни петуха...
В мои убогие хоромы
С дороги веется труха.

Борщевиком покрыто поле,
И сад крапивою зарос,
Но что-то зреет поневоле
Здесь, замышляется всерьез.

И, словно бы перед войною,
Над пустошами тишина
Предчувствием беды, виною,
Невероятностью полна.

И в этой серой, деревянной,
Еще безлиственной глуши
Какой-то звук непостоянный
Едва касается души.

Быть может, бабочка сухая,
Уснувшая перед зимой
На бревнах ветхого сарая,
Сквозь смерть общается со мной.

Как в дни прощанья и распада,
Все кажется вдвойне родным –
И шорох сумрачного сада,
И горький, беспокойный дым.

2016 г.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Над красным болтом водокачки
Бесслезно моргает звезда.
Мои бесполезные строчки
Не тронут тебя никогда.

Мои большелобые мысли
Пройдут от тебя в стороне.
Мои стихотворные мышцы
Состарятся в тщетной войне.

Уйдут легендарные гунны,
Забыв, где Арал, где Байкал.
– Молчите, проклятые струны!
Заткнитесь уже! – я сказал.

Из гроба встает барабанщик,
Но палочек в рук не берет.
И зря в красном галстуке мальчик
Его стережет у ворот.

Одна лишь метель завывает
В двенадцать часов по ночам.
И сердце не помнит, не знает,
К каким обращаться врачам.

И бедная литература,
Изябнув на зимнем ветру,
Канючит и воет, как дура,
И бродит с сумой по двору.

Бездомная тень Окуджавы
Над родиной спящей плывет,
И вьюга, ломая суставы,
О вечности песню поет.

2016 г.

На разоренные дома
И на распавшиеся семьи
Нисходит милосердно тьма
И снов набрасывает сети.

Лишенцы, беженцы, бомжи
И разведенные, и вдовы
Пересекают рубежи
Реальности своей суровой.

Пока не распалился день,
Лежат, судьбы своей не зная,
Островитяне деревень,
И жизнь их дремлет гужевая.

Насельник и насильник спят,
В разлуке с миром и собою,
И только ангелы твердят
Им еле слышно: «Бог с тобою!»

Спят в коммунальных закутах,
В пентхаусах, квартирах съемных –
У одиночества в руках,
Неумолимых и огромных.

Сиротство каждого во сне
Так очевидно, как за гробом.
Оно шевелится во мне
Систематически, подробно!

И примиряюще стучит
Над вечностью один будильник,
Поскольку мозг в глухой ночи
Сознания выключил рубильник.

2016 г.

Холодно в старых домах.
Из дому в дом по ночам
Чеховский черный монах
Носит сиротства печаль,

Ходит – не помнит к кому,
Хочет – не знает чего...
Может, и в нашем доме
Кто-нибудь видит его.

Выдохлась дня беготня.
Верхний не слышен жилец.
Господи, слышишь меня
В тихом биенье сердец?

Третью уж тысячу лет
Нечем гордиться – уныл
Путь в никуда, Твой Завет
Времени не изменил.

Дремлет расколотый мир,
Трещины всюду видны.
В утлых объемах квартир
Плавают пятна Луны.

И электрический свет
Где-то снаружи стоит –
Жизнью земной не согрет,
Вечности ветру открыт.

Снег шебуршит о стекло.
Стынут, сутулясь, дома.
За ночь дворы замело,
О подоконник крыло
Ранняя ранит зима.

2016 г.

*«Всё, что было, срок отслужило.
Да и в книге домово́й стерто
Имя-отчество старожила.»
Павел Антокольский,
«Петербургсеи, начала века»*

Вот я и остался один –
Всё как-то легко исчезает! –
И новых снегов кофеин
Кристаллами в ночь оседает.

Кружит надо мной в темноте
Какой-то пропажи тревога,
И голос глухой в высоте,
И чувство пустого итога.

Домовых свидетельство книг
Одно всем живущим пророчит:
Две даты в строке – между них
Короткий бесхитростный прочерк.

Заполни его суетой,
Надеждой, чем хочешь, стихами,
Какой-нибудь жизнью не той,
Витающей под облаками,

Любовью, тяжелым трудом,
Большой героической целью...
Доходный приёмистый дом
Заносит бескоробной метелью.

Чашоб городских граждан,
Невидимый житель Вселенной,
Бредущий сквозь ночь паладин,
Привыкни же к доле смиренной,

К тоске бесполезной борьбы...
Смиряется ветер над Мойкой.
И свет незаметной судьбы,
Как облако, тает над койкой.

2016 г.

ГИПОТЕНЗИВНЫЕ ТРАВЫ

Друг мой пустырьник, плебей пустырей
И пустоты именинник,
Сделай смиренней меня и добрей,
Чтобы я стал, как пустынный,

Кроток, с любовью смотрел на коров,
Стал бы курей почитатель,
Тихий насельник столетних дворов,
Нищим собакам приятель!

Давит и давит неволящий мир...
Как обрести равновесье,
Вызволить душу из съемных квартир?
Сделался сумрачным здесь я.

Ангел боярышник, дай мне покой!
Ты страдаешь болящим.
Шелестом мягким над зрелой тоской
Плаваешь – над настоящим.

Пусть черноплодной рябины плоды
Свяжут постылые страхи
Сладостью летней, как будто сады
С пеньем обходят монахи.

И у смородины есть для меня
Нежности пряные жмени.
Нас от несчастий и бедствий хранят
Чистые души растений.

Чтобы совсем уже нам не пропасть
В хаосе жизни лукавой,
Есть одно старое средство – упасть
В гипотензивные травы.

2016 г.

«Найден мертвым, убит, застрелился, погиб, удавился...» –
Словно идол, Эвтерпа обмазана жертвенной кровью.
До небес достучался, допрыгался, договорился –
Стихотворец-пророк, пустоту заполнявший любовью.

Он духовную жажду вином утолял из стакана
И язык свой лукавый доверил когтям серафима,
Как шальная вакханка, пред ним его муза скакала...
А тем временем люди и годы прошли себе мимо.

Ну зачем, для чего он гнилыми кружил пустырями
И беду накликал, как собака, носился по скверам?
За блаженными шел, за незрячими поводырями,
Принимая потемки свои за спасенье и веру?

Почему он был к женщинам так безнадежно привязан
И на жалость давил, и тянул за собою в страданье,
Будто кто-то его понимать был и слушать обязан,
И тонуть вместе с ним, погружаться в его беснованье?

Я встречал его раньше в базарной крикливой Казани,
Я в кафе с ним сидел в аутичном глухом Петербурге.
Он смотрел ошалело нездешними злыми глазами,
Словно что-то узнал о создавшем наш мир Демиурге.

2016 г.

ДОЖДЬ

Мне не вернуться больше в этот дождь,
Я окажусь от мира в стороне,
Но буду верить – только ты войдешь
В похожий дождь, как вспомнишь обо мне.

По адресам, где жили мы, нас нет,
Другие там, прижавшись в темноте,
Плывут в дождливый, пасмурный рассвет,
Закрыв глаза, в невинной нагоде.

Протяжный звук сирены на реке,
Густой туман и смутные дома...
И на невнятном шепчет языке
В деревьях смерть, бессмертная сама.

Всех вычитает смерть небытиём,
Но мы вдвоём, как створки у дверей,
И входит в нас туманом и дождём
Все, что важней нас, больше и древней.

О что за дождь за стенами квартир!
За жизнью – смерть, за смертью – немота.
Пропитан влагой был ненастный мир
И он сгустился в слезы неспроста!

2017 г.

СТАРЕЦ ВОКЗАЛОВ

Господь не дает мне сигналов,
Не знаю, куда мне идти.
Ветшающий старец вокзалов
Стоит у меня на пути.
Он пахнет несчастьем и пленом,
Гниением тела и тьмой,
Карболкой, лекарствами, тленом
И страшной дорогой домой.
Безлико снуют эскулапы –
Их бдением старец храним,
И люминесцентные лампы
Гудят монотонно над ним.
Слюнявый сосатель поилок,
Обтерханный мафусаил,
Зачем этот жалкий обмылок
Куда-то по жизни скользил?
Зачем эта жизнь так похожа
На зал ожидания и бред?
Бомжа синеватая кожа –
Ни смысла, ни имени нет!
Зачем же мне, Бог его знает,
Так тупо и долго смотреть,
Как старца к руками прибирает
Глухая, ленивая смерть?

2017 г.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО

Настает петербургское утро,
Вынуждая потемки любить.
Жизнь затеплилась хмуро, немудро,
Ариадны задергалась нить.

Я скажу себе: – Что Ариадна,
Вход завален листвою давно!
Вся квартира безлюдна, прохладна,
Еле дышит рассветом окно.

И еще я подумаю: – Вот что,
Значит, скоро уже, стало быть?..
Прилетит голубиная почта,
Да не сможет окно долбить.

Не шлифуя, спрошу, неумело:
– Значит, всё, притупилось чутьё?
Неужели и жизнь отшумела,
Постарела, как тело твоё? -

... Потому что она убывает
И уже невесома почти,
Потому что она убывает
И любовно сжимает в горсти.

2017 г.

Нельзя тебя будить! Спи, обитая в теле,
Спи, обратившись тем, что можно осязать.
И смыслов нет иных – о чем я в самом деле?
Сумятицы в душе мне не пересказать.

Не усложняй основ, спи – посреди желаний
Несбывшейся любви, недостижимых нег...
Снаружи на хребты мостов и туши зданий
Летит из пустоты приговоренный снег.

Бессонные умы, подобно ветру, хлопьям,
Пусть мечутся впотьмах и воют от тоски,
И на недужный мир пусть смотрят исподлобья...
Ты эту жизнь, как сон, легко пересеки.

Как волосы твои рассыпаны, как плечи
Белеют в темноте, как беззащитна грудь!..
Зачем я здесь? Ведь мне и оправдаться нечем,
И жить не вмоготу, и рядом не уснуть.

Ты лучше спи! Забудь во сне свою досаду.
Пока ты спишь, и я от роли отдохну
Обидчика, врага, с которым нету сладу...
Дыхание дождя наполнит тишину.

2017 г.

Н.Д.

Ты умерла довольно молодой...
А в эмпиреях люди не стареют,
И годы биографией седой
Там дотянуться до тебя не смеют.

Болезни предвещая и беду,
Ты сны мои тревожила упорно
И намекала, что и я сойду
Когда-нибудь за вестника, что спорно...

Зачем-то не хотела позабыть
Меня и даже помощи просила...
Не обещал живую я любить.
А мертвая сама меня простила.

Что рассказать про здешние дела?
Бессмысленную делая работу,
Я не виню себя. Когда б жила,
И ты б имела схожую заботу.

Нас юность обманула, но теперь
Мне легче с этим стало примириться.
Жизнь состоит во многом из потерь,
Не замечая выбывшего, – длится.

Мне жаль тебя! – хотел бы я сказать,
Когда бы знал, что ты и там в убытке.
Кому из нас безрадостней, как знать!..
Все выяснится с первой же попытки.

2017 г.

Не смерть страшна, а умирание,
Больничный скучный коридор,
Дежурных лампочек мерцание
И слабосилия позор,
И взгляд испуганный, затравленный,
И безразличия стена,
И койки, набело заправленной,
Пустующая тишина,
Теряющее смыслы прошлое
И настоящего тупик,
И сетованье это пошлое,
И жалкий в зеркале двойник,
И то, что в страхе и страдании,
Один по зданию брожу –
И ни любви в огромном здании,
Ни жалости не нахожу.
Скажи мне, спящая красавица
На углу сестринском посту,
Как скоро смерть со мной управится,
И я отбуду в темноту?
Кто вытолкнет мою походную
Каталку в космос из дверей,
Молитву тихую отходную
Прошепчет немощи моей?..
Ответа, претерпев, не требую,
Да и прощенья не прошу,
Тоску напрасную и трезвую
К плафонам тусклым возношу.
И, вроде бы, над крышей видится, –
Глаза прикрою, – Млечный Путь,
Существ бесплотных место жительства...
А далее – не заглянуть.

2017 г.

* * *

Какие-то лица чудные он видел, куда б ни глядел –
На стенах щербатых, на досках, на сером песке.
Когда оставался один, то как будто за темный предел
Заглядывал в тихой, отдельной, безлюдной тоске.

Какие-то фразы он слышал – шипела в них зависть и злость,
Он слышал мольбы, причитанья, признанья в любви.
Ревущее стадо машин по бессонным дорогам несло,
И рушились храмы и снова росли на крови.

Был снег в городах, выли хищные ветры в степи, и луна,
Как скорбная маска, пылала меж туч над землей.
Он видел войну – и была величаво бесстыжей она,
И духи наживы роились над ней толчейей.

Еще он как будто бы помнил о чем-то, неясно скучал,
И зыбкое имя плутало в потемках души,
И ветер его в равнодушном просторе качал,
А сердце по ком-то томилось в телесной глуши.

Он что-то искал, он стремился к теплу в колебании дней,
И ночь утверждала над миром свое торжество,
У встречных он спрашивал снова и снова о цели своей,
Но только живые не слышали больше его.

2017 г.

СНЕГ В ГОРОДСКОМ САДУ

Шел первый снег в туннельном мраке сада,
Как странник, возвратившийся домой,
Неплотный, словно зыбкая преграда
Меж осенью и близкою зимой.

На крылья голубей, на спины уток,
На воду темнокожего пруда
Ложился он – в короткий промежуток
Между сейчас и больше никогда.

За дозой шли два быстрых наркомана,
За смертью шли, смеялись на ходу.
Пруда дымилась резаная рана,
И отражались призраки в пруду.

Шла околотком городская стража
И обходила пафосных бомжей.
Им все равно, им умереть не страшно –
Среди аллей, помоек, гаражей.

Я не постиг ни мудрости, ни силы,
Уже не ждал поддержки и похвал.
Протяжный звук, тоскливый и осиплый,
Со дна существования вставал.

Стоял старик морщинистый у входа,
Качал седой клокастой бородой
И повторял поверх голов народа:
– О космос мой, о бедный космос мой!

2017 г.

МЕДЛЕННЫЙ СОН

Во сне, не поврежденном ни судьбой,
Ни старостью с тоской и страхом тленья,
Как в городе, затопленном водой,
Все замерло в покое запустенья.

Все доводы исчерпаны. Темно
Над пепельными донными песками,
И все уже закончилось давно,
И жизнь уже не клацает клыками.

Все ясно там и сводится к нулю –
Заброшенность и страх, и разделённость,
Без отклика повисшее «молю»,
«Люблю» и прочих чувств ожесточённость.

Там худшее уже произошло
И не на что надеяться отныне,
И памяти потухшее тепло
Не греет, словно солнце на картине.

Раскаиваться не в чем, не течет
Там время ни вперед и не по кругу,
Обидам и мечтам окончен счет –
И не влечет ни к ворогу, ни к другу.

Лишь мысли там стоят на темном дне,
Бессвязные, с поплывшими чертами,
В том самом сне, в полнейшей тишине,
Как рыбы, забирая воду ртами.

2017 г.

ОСЕННИЕ СЛОНЫ

Слоны под холодным казанским дождем
 На улице Волкова возле больницы,
 И серые, серые, серые лица,
 И осень с холодным двуствольным ружьем.

Какие слоны, если это октябрь,

А то и ноябрь в ожидании снега?
 И слезы слоновьи не трогают неба,
 И только больные сидят взаперти.
 Им не с чем и незачем к миру идти.

Там прошлое ждёт со стеклянным лицом,
 С литической смесью и верным шприцом.
 И врач наблюдает в окошко слонов,
 Их много идёт в непогоду из снов.

И там медицинский стоит институт,
 И нежными манят студентки ногами,
 И мама снуёт вдалеке с пирогами,
 И ели, посажены мною, растут.

Хотелось бы смысла от этих слонов,
 А то одиноко уж очень и сирю.
 Иного не выдумать прошлого мира,
 И нынешний, кажется, тоже не нов.

Верните меня как-нибудь на луга,
 Под солнце далекого бедного детства.
 Устал я терпеть это все людоедство.
 А в детстве уж сено собрали в стога.

А в детстве-то кролики да беготня,
 Ерши да уклеики, чехонь да сорожка.
 И снегу, бывало, насыплет в окошко,
 И кошка с собакой любили меня.

А нынче все дождь, да слоны и слоны..
 Какие-то серые скучные будни.
 И солнце ползёт мимо глаз пополудни,
 И все разговоры про близость войны.

Куда же всё катится – вот в чем вопрос?
 Куда-то летит, всех слонов подминая,
 Участья и смысла, и цели не зная,
 Дожди проливая, летит под откос.

2017 г.

* * *

Да что же за темень такая стоит в декабре!
На улицу выйти, как в черную воду ступить.
Не то при Советах живем, а не то при царе.
И все же не надо ненастные дни торопить!

Ты думал, что время отдельно течет от тебя?
А время, как тральщик, волочит весь мир за собой.
И локоть отводит горнист постаревший, трубя
То зорю во мраке, то в тех же потёмках отбой.

И гелевый воздух дрожит и гудит в темноте.
Сутулясь, соседствуют в анабиозе дома.
Распято столетье, как головорез, на кресте.
Нас всех не отпустит, пока не измучит, зима.

У Нарвской заставы когда-то стреляли в народ.
Советские бани ветшают на черных ветрах.
И поступью тяжкой грядет восемнадцатый год,
И непостижимый во тьме просыпается страх.

И что б ты ни сделал, ах что ты ни делал уже –
Но лишь приближался к тому, что и так суждено.
Пускай не свобода, не воля – покой на душе
И неторопливость пребудут, куда темно.

2017 г.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Я часть того, что так враждебно мне,
Часть отменяющего жизнь круговорота,
Я сам губитель свой, во мне идет работа
Смертельная – и въяве, и во сне.

Я позабыл себя, едва закрыв
Глаза и вытянувшись телом вдоль потёмок.
И кто я в сущности – еще живой обломок,
Небытия стихающий мотив.

Напившись темноты, я растворюсь
В неразличимости, от мира отколотившись.
Исчезновение – закон, а не оплошность,
Хочу я этого или боюсь.

Как водомерка, оставлял я след
Зеркально тающий над симметричной бездной,
Такой же суетный, как все, и бесполезный,
Лишенный выдающихся примет.

Сухое тельце мелочных забот
Пронес ноябрь в ладонях ранней стужи,
Играя холодом внутри или снаружи
И птичьи души взявши в оборот.

Кристаллы нежные составят снег.
С исчезновением смешает эту осень
Теченье времени. Меня оно не спросит:
– Ну где же ты? Вот только был – и нет!

2017 г.

ОДНАЖДЫ В ПРОВИНЦИИ

Однажды в женственной провинции,
Чужой, заснеженной, печальной
Я пообщался с ясновидцами
И был обследован врачами,

И оказался в окружении
Тревог бессвязных, бесполезных,
И стал нуждаться в утешении –
Но не людей, а сил небесных.

Перста судьбы я стал избранником,
Почти библейским страстотерпцем,
И мир предстал мне многогранником
С безумным материнским сердцем.

В ловушке этой геометрии,
Среди мистических намеков
Мне захотелось, для симметрии,
Сбежать – как школьнику с уроков.

Куда сбежишь от этой бедственной
Судьбы, от пагубы, мороки,
Чудаковатости наследственной,
Не зная смысла и дороги?

И, побывавши в храме, свечи я
Подле икон суровых ставил,
Такой же, как и все, доверчивый,
Уже юродивый местами.

2017 г.

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Живешь бездумно, одиноко,
Какой-то жизнью безлюбивой...
А эта зимняя дорога
Бежит стезей своей неровной.

Все время мелкие поломки,
Как перед крупной катастрофой.
Надеешься, тебе соломки
Подстелет Бог перед Голгофой.

Несуществующая Нина,
Куда нас музыка торопит?
Ведь эта зимняя картина
Печалью скоро всё затопит.

Ушла почтовая карета,
И ни огня, ни черной хаты,
И только музыкой согрета
Тоска луны одутловатой.

Цепные псы не спят в деревне,
И зябнет на юру шарманщик,
И эти голые деревья...
И бесполезный дар-обманщик!..

Усталый Шуберт еле слышен,
Как черная вода под спудом.
Когда ты в путь по снегу вышел,
Зима ещё казалась чудом.

2017 г.

ЗЕМЛЯ

Ты все растворила, что было,
В мучнистый сваяла подзол,
И кончилась всякая сила,
Один только дождик пошёл.

Ни счастья тому, ни покоя,
Кто мучился, к цели идя...
Одна только мокрая хвоя
И росчерки капель дождя.

Ветвится людская грибница
На севере сером, над ней
Висит бесприютная птица
Вневременной ночи ночней.

Какая любовь, обещанья,
Цыганский батист и шелка?!
Мы встретились все для прощанья,
И всякая жизнь коротка.

А слов-то придумали тоже,
Чтоб страх человеческий унять!
Но Ты научи меня, Боже,
Исчезнуть и горя не знать.

Мягутся тревожные тени,
Толкуются в слепой суете,
Им кроткие души растений
Сочувствуют в их нищете.

2018 г.

Я лежу неподвижно, без сна,
Уязвимо, почти в слепоте.
На Балтийском вокзале одна
Электричка кричит в темноте.

Держит тело моё среди всех,
Как и я, постаревших мужчин,
И летящий за окнами снег,
И тенёта туманных причин...

Запахнулся в метельный халат
Мрачный неоклассический дом,
Морозильный колосс-комбинат
Ловит непогоду каменным ртом.

Мимо старых доходных домов
Проплывает по улице свет
Одиноких машин, из углов
Смотрят те, кто сошел здесь на нет.

Святой Боже, бессмертье Твоё
Несомненно, чего не сказать –
Ни про утлое наше жильё,
Ни про жизнь и ни про благодать...

Мне бы плыть без обид и потерь
По зловещей реке перемен,
Восхищеньем бы жить и теперь,
Среди тёмных обветренных стен.

2018 г.

Прикрепленный к себе самому,
Я на озеро светлое вышел.
Вечер тихо катился во тьму,
И луна поднималась всё выше.

Рядом хутор молчал, как пустой,
В нём избёнка трубою дымила.
И бабуля меня на постой
Просто так, ни за что пригласила.

Кот и кошка, да куры в хлеву
Подле бабушки той обитали.
Да на грядках осенних ботву
Кабаны ковырять забредали.

Ей девятый десяток, она
Здесь живет и зимой одиноко.
И повсюду стоит тишина.
Только смерть дожидается срока.

Одиночеством пахнут леса,
Запустением дышит крапива.
И небесного скрип колеса
Над землею плывет сиротливо.

До ближайшей деревни идти
Два часа по хорошей погоде.
И не видно иного пути,
Кроме тления, в здешней природе.

... А чего, говорила, живи,
Накормлю, напою, не стесняйся!
Никому не откажет в любви
Бог, и ты навсегда оставайся!..

Вряд ли бабушка эта жива.
Тускло светятся звёздные сети.
И покрыли дожди и трава
Все следы её жизни на свете.

2018 г.

В молочном зимнем воздухе звучат
Вороньи голоса, и почему-то
Спокойнее от них, и день покат,
И как-то легче тянется минута.

Угрюмое чудовище толпы
Видавшим виды птицам не в новинку.
Вороньи дни суровы и скупы
И жмутся ближе к свалке, праху, рынку.

Вороне Бог послал не сыр, но дар
Смотреть на вещи пристально и трезво,
Любить базар, амбар и гомон свар
И от расправы сматываться резво.

Пускай надежды нет и смысла нет,
Резонов нет и сил для обороны,
Но есть промозглый, медленный рассвет,
И в пустоту кричащие вороны.

2018 г.

ПРОДАВЩИЦЫ

Я, подобно кочевнику, столько пристанищ сменил –
и уже позабыл! – сто дворов и тьму тьмушую лиц!
Но с особой любовью и нежностью, где бы ни жил,
в магазинах окрестных ценил продавщиц!

В двадцати четырех бесконечных часах, на посту,
эти женщины мне улыбались, без всяких причин.
А потом я опять уходил в пустоту, в темноту,
среди тысяч таких же безвестных мужчин.

Я прощал бытовой демонизм, вековечный простой,
сам себе – ведь меня узнавали и ждали почти! –
всем прощал, и банальным вопросом, какой-нибудь фразой простой
был утешен на долгом, невнятном и темном пути.

Эти женщины, с круглыми формами, – как-то бесхитростно, вдруг! –
привечали меня, и не хлеб и кефир мне спешили продать,
а спешили сойти за чудесных, чудных, небывалых подруг,
что умеют любить, узнавать, улыбаться и ждать.

2018 г.

В БОЛЬНИЦЕ

Как ветер в больничной палате гудит,
Как будто в степи или в поле!
И дождь безутешный о стекла стучит,
И холодно ночью на воле.

Старухи ль судьбу, засыпая, прядут
И путают сослепу нити.
А все ж не случайно собрались мы тут,
И некого в этом винити.

Себя не найдёт малахольный апрель,
Такой неуют во вселенной!
Огромное здание село на мель,
И сгинул в нем каждый, как пленный.

Вот здесь и узнаешь, что значит попасть
Удильщику в цепкие руки,
Крючок на губе и безличную власть,
Да Иова дерзкого муки.

Младенец заброшен, старик позабыт,
Кобель подвывает бездомный.
И космос тяжелый на крышах лежит,
Бессмысленный, тусклый, огромный.

Под веками плавает то ли пятно,
А то ли желание света,
Как будто заглянет сквозь сон и окно
Благой серафим Интернета.

2018 г.

ВОЗРАСТ ДОЖИТИЯ

*«Здравствуй, племя...»
А. С. Пушкин*

Облачный возраст дожития,
Медленный путь в небеса.
Чудные чукче наития
Шепчут ветров голоса.

Тундра покрыта скелетами,
Мертвые – тихий народ.
Делится время секретами
С теми, кто долго живёт.

Гнус мельтешит в нетерпении –
Крови попив, умереть.
Мимо проходят олени и
Жизни последняя треть.

Древний обряд эвтаназии,
Начат обратный отсчёт.
Небо Европы и Азии
По-над костями течёт!

Милая (если ты милая),
Яду мне что ли налей.
Буду лежать без могилы я
В тундре, как белый олень.

Буду клубиться с туманами
И подлетать к городам.
Шкуру с пустыми карманами
Родине бедной отдам.

2018 г.

СИМВОЛИКА ЗАПАДА

Теперь мы уходим на запад,
Где духи печали и тьмы.
Нас древние ждут египтяне
В предбаннике вечной зимы,

Сухая китайская осень
И белый холодный металл,
Индийские тяжкие громы,
Пустынный Московский вокзал.

Там бог с головой ястребиной
Бредет по садам Гесперид.
Там тупо бубнит телевизор
И Ельцин поддавший мычит.

Там Будда Намах Амитабха
Без тапочек рыщет впотьмах,
С укором взирают иконы,
Мерца в медвежьих углах.

И там принимается правда
Слепого земного пути
И можно смеяться и плакать -
И смысла ни в чем не найти.

2018 г.

ЗДЕШНИЕ ПРИМЕТЫ

«Да, и такой, моя Россия...»

А. А. Блок

Здесь много баб с пустыми ведрами,
И птицы в окна залетают,
И псы с поломанными ребрами
Подворья воем оглашают.

Здесь соль на скатерть просыпается,
И возвратившись с полдороги,
Ты видишь, как в углу кривляется
Бесёнок хитрый колченогий.

Здесь бабочка на подоконнике,
Слепая пленница несчастья,
Приносит вести о покойнике,
И даже моль в шкафу отчасти.

Здесь по тринадцать собираются,
Одежду носят наизнанку,
И зеркала здесь разбиваются,
Пугая треском христианку.

Кого здесь только не изранили
Грехи с настойчивостью грубой.
Здесь на кровати, на диване ли
Целуют и кусают в губы.

Здесь держиморды с мироедами
Пьют кровь народа разведенную.
И стиховеды со скинхедами
Тоску таят неизреченную.

И что здесь только не случается,
Когда приходит время смуте –
Здесь всё решительно меняется.
Но не меняется по сути.

2018 г.

В СЕРОЙ ЗОНЕ

*«Бог есть Бог терпения и утешения»
(Рим. 15:5)*

Словно дряхлым животным болезным,
Хоронящимся в темных углах,
Сострадать старикам бесполезным
Будет ангел на тихих крылах.

Может быть, за незримым порогом
Только холод, отсутствие, тьма...
Им терпенье завещано Богом,
И не внове тюрьма да сума,

И не будет при жизни расплаты,
Люди то равнодушны, то злы,
И никто не окликнет «куда ты?»
В серой зоне вневременной мглы.

Старых кошек и старых собачек,
Ветхой утвари нищенский срам,
Душный запах лекарств и болячек
Выметает ликующий хам.

Брезжит день сквозь пергамент дырявый,
Никакого спасения нет...
И мигает над хищной державой
Неземной, неестественный свет.

2018 г.

ПАМЯТИ БЛОКА

Ненадобность пришла, как приговор.
От мира в стороне, в немыслимом раю
Поёт глухонемых церковный хор
Про молодость наивную твою.

Над городом ещё гудят ветра,
Но взвизги скрипок полупьяных не слышны...
Бог времени пришёл, сказал «пора»,
И вот мы глухотой заражены...

Нам не о чем тревожиться. Иной
Отсюда видится мятежная судьба.
Так тихо за невидимой стеной!
Всё тлен и тлен – ни гроба, ни горба.

Ветшают петербургские дворы,
И повалились на кладбищах дерева.
И что осталось с той возвышенной поры?
Былая музыка надрывная мертва.

Сквозь черноту обманчивого дня
Бог одиночества не пропускает свет.
И с облегчением доходит до меня:
Для умершего смерти больше нет.

2018 г.

СНЫ О СТАРОСТИ

В маленьком городке,
Там, где всегда темно,
Сны обживают местность –
Где-то горит окно,
Дождь, обложив окрестность,
Мается в тупике.

Как ни заснешь – дожди,
Темень, телят Макар
Гонит куда-то в нети...
Это, быть может, дар –
Вовремя умереть и
Кануть дождя среди.

Старость, пожалуй, гуж
Тот ещё! Долгий срок
Жизни – как наказание.
Ежели одинок,
Ветх, аки то сказанье,
Взмолишься – хватит уж!

Сырость, слепая взвесь
Капель, куда шагнуть
Дальше – уже не знаешь.
Кончился чем-то путь
Странным, соображаешь,
Как очутился здесь.

Ветрено, ни души!..
Слышится вой собак,
Дождь, нищета окраин,
Пустоши, волглый мрак...
Ночью отпет-отлаян,
Тонешь к херам в глуши.

2018 г.

НОЧЕРНЕЕ ЧАЕПИТИЕ

Кто расточает ночью сны,
В глаза горстями засевая
Изымышам большой страны
Скупые зернышки из рая?

Так мальчик спит на Рождество
И смотрит на чужую ёлку,
И будущая жизнь его
Затягивает в перемолку,

Так милосердие мороз
К торчкам и пьяным проявляет,
Уводит их в прогалы грёз
И к психоделике склоняет...

Так сладко засыпает тот,
Кто выше или ниже слоя
Пустых, томительных забот
И ближе к области покоя.

Не понимая, утонуть
Во сне, забыть его условность,
И вынырнуть куда-нибудь,
И вымолиться в невиновность –

Вот все поблажки, все дары,
Которые неравномерно
Распределяет до поры
Тот, кто мудрее нас уж верно.

А я таращусь в монитор
И посты длинные глотаю,
И с Интернетом разговор
Веду опять с за чашкой чаю.

А если б и уснул, то вновь
Сукно тумана, свет аптеки –
Не жизнь, не слёзы, не любовь –
Мои зашторили бы веки.

2018 г.

МЕСТО

Мне нравится эта сырая,
Тяжелая шкура зимы,
Мелькание снега вдоль края
Некруглой, конечной земли.

Близки мне ночные картины –
И смутные тени в глазах,
И долгий Обводный пустынный,
И окна в холодных слезах,

И шёпот забытых пророчеств,
И лестниц спиральных полёт,
И глушь городских одиночеств,
И пагуба хмурых широт.

Как сумрачный гений предместий,
Где сирый застыл долгострой,
В буране всклокоченном вести
Приносит мне ветер морской.

И чайка кричит возле бака,
Как будто кого-то зовёт,
И валяются хлопья из мрака
На грязный растресканный лёд.

Я словно молитву читаю,
Я словно за кем-то бреду,
Дома вдоль каналов считаю,
Считаю, как будто в бреду.

И лёгок, и тяжек мой крест, но
Скажи, серой Балтики ширь,
Зачем я пришёл в это место
И кто у меня поводырь?

2018 г.

ЗИМА

Зима, как страна, широка, бесполезна
И цели не знает.
И память о ней не должна бы исчезнуть,
А вот – исчезает.

Качаясь, плывут, как шершавые льдины,
Несметные зимы.
И в них растворяются простолюдины,
Никем не любимы.

Смотри веселей и не думай об этом,
Скользи по теченью
Шугою, щепкою, сквозным силуэтом,
Изломанной тенью.

Блокада, война ли, тюрьма ли, больница,
Приют сумасшедших...
Прости, никому не запомнились лица –
Так много ушедших!

Возьмет нас зима восходящим движеньем
На звездные хоры.
И прошлое наше утратит значенье –
Одни разговоры!

Кудрявая, бойкая, что ж ты не рада
Гудкам и сиренам?
Неужто победных стволов канонада
Закончилась пленом?

Куда мы спешили – а нынче и слов нет! –
За песней, за славой?..
И песня о встречном однажды заглохнет
За Нарвской заставой.

2019 г.

ВОСЬМАЯ МАРТА

*«Он лады проверит нежно,
Щель невучую продует...»
Э. Багрицкий*

Ты станешь крысой, где-то на Сенной
Ты будешь бегать улицей ночной
И воду пить из лужи у канала,
А Дидель будет зябликом скакать...
Тогда вы и не встретитесь опять,
И так вас эта встреча доконала!
Молись и кайся! Уж в который раз
Рок в качестве двуногих сводит вас,
Чего-то ждет, склоняя к просветленью...
Да не дождетя. Этот раз восьмой
Восьмая Марта встретила зимой
Того же птицелова. К сожаленью.
Вновь будут сети, щели и силки,
Писклявые бузинные манки
Бедняжку соблазнять сермяжным свистом...
Восьмая Марта, а ведь ты б могла
Не знать, не ведать этого щегла,
Но саранчой носиться в поле чистом
(Иль замужем быть, но за финансистом).
Так ты ж смекни, вступая то в одно,
То в некое другое, всё равно
Ты движешься по замкнутому кругу.
Давай кончай такой метемпсихоз!
Сойди в мир пасюков или стрекоз –
Не в эту побекрень и центрифугу.

2019 г.

МАРТ

Ветер гладит по шерсти,
И мягка полутьма.
Равносильная смерти,
Завершилась зима.
Утро было холодным –
Завтра будет теплей.
Над угрюмым Обводным
Небеса всё ясней.
Снег пойдет запоздало –
Как прощальный привет.
Жизнь как будто устала,
Только роздыху нет.
Застучит по привычке
Дождь и вновь замолчит,
И гудок электрички
Просигналит в ночи.
Ничего не нарушив,
Поднимает со дна
Наши тёмные души
По привычке весна.
Время перемешает
Эту легкую взвесь,
И никто не узнает,
Что мы делали здесь.

2019 г.

ВЕТЕР В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Не порежься о край платформы!
Смерть, текущая в проводах,
Наполняет объёмы, формы
Исчезания в холодах.
Ветер, воющий в подземелье,
Натыкается в слепоте
На себя самого – веселье
Сумасшедшего в пустоте.
В двери бункеров бьются волны
Нетерпенья, но вот вдали
Пропадает, уже безмолвный,
Обитатель пустот земли.
По заброшенным бродит штольням
Одиночество. Расскажи,
Что за город снаружи, что в нём?..
Только тени да миражи.
Маслянистая под мостами
Обтекает быки вода...
А стенания нарастанье
Не оставило и следа.

2019 г.

Куда пропали воробьи
С вокзалов, пустырей?
Исчезли линии любви
С ладоней площадей.
Везде чернеют этажи
И окна, и сквозь них
Летят умершие бомжи
На крыльях слюдяных.
Чужая музыка у нас
И толки не о том,
И шёпот в самый поздний час,
И разорённый дом.
Уже мне слава не нужна,
Уменьшусь я, как те
Виденья зыбкие из сна
И капли в темноте,
Как птицы тихнут в небесах,
Во мгле воздушных ям...
Так мне судьбу переписал,
Но промахнулся ямб.

2019 г.

ЗЕРКАЛО

Смотришь долго в зеркало в темноте –
Кто и что живет у тебя внутри?..
Голубок сидит на косом кресте,
Ржавый нож торчит из кривой двери.
Пилигрим ползёт по сети дорог,
Но ему прибежища нет нигде –
Среди плясок, виселиц да сорок.
И круги расходятся по воде.
Камень всё никак не коснётся дна.
Сквознячок течёт, вьёт беспечно пыль,
И гора угля вдалеке видна,
И в подгнившем сене лежит костыль.
Негативом вздрагивает в реке
Отраженье дерева и столба,
И бредёт с осколком стекла в руке,
Улыбаясь нагло, твоя судьба.
Наугад и ты улыбнись в ответ,
Не уйти от встречи – ведь вы одно!
Если больше с ней разногласий нет,
Камень мягко ткнется в речное дно.
И пойдёт, как первый, последний снег,
Берега забелит, леса с лихвой,
Снег повалит щедро на всё, на всех
И тебя приветит – пока живой.

2019 г.

Как дотянешь до тех областей,
Где рассудок земной не живёт,
Как дотлеешь до серых костей –
Пережжённого Бог пережжёт.
Сквозь помехи в эфире, сквозь шум,
Копошась меж молекул в золе,
Зачерпнёт разорившийся ум
Неуклюжую мысль о Земле.
Аскетичный пустой кабинет,
Запылённые ярусы книг,
Старый сад, где тебя уже нет,
Догоревший в печи черновик –
Всё далёко и всё под рукой,
Продолжает неспешный распад,
Уплывает в безвидный покой
И не может вернуться назад.
Долго длилось – да быстро прошло,
Прошумело в вершинах, и вот
Так черёмуха щедро цветёт,
Так безлюдно кругом и светло.
И пустынно у наших ворот.

2019 г.

В ДЕРЕВНЕ

Порой оглянешься – такая пустота!
Чужими сделались, как с лунных фотографий –
Фантомы прошлого и прежние места.
И свет забвения протёк на мокрый гравий.

Теперь ты знаешь, что об этом рассказать
Не сможешь – некому, всё тонет в сером шуме,
И только дождь – конца и края не видать! –
Шуршит, колыхается – всё глуше, всё угрюмей...

Дождь не обманывает – он сотрёт следы,
Не торопясь, размочит всё – песок и глину.
Шумят, раскачиваясь, мглистые сады.
Ненастный вечер, уходя, сутулит спину.

В ночном тумане на лугах вскричит дергач,
И утечёт во тьму грунтовая дорога.
И ветер времени измаётся, незряч,
В напрасных поисках участливого Бога.

Уже не детством пахнут травы и листва,
Уже не помнят никого гнилые брёвна,
Лишь как скорбящие живые существа,
Здесь жутко воют провода – по мертвым словно.

2019 г.

ТЕМНО НА ДВОРЕ

Земля смешное место и печальное –
Со всех сторон неведомая тьма.
Дорога дальняя и сутолочь вокзальная,
Немного опыта и толика ума -

Запоминай! Как будто будут важными
Житьесказания и жалобы твои,
Свидетельствами заручись бумажными,
Семь раз отмерь и только раз скрой.

Ах да, и всё-таки не выходи из комнаты!..
С какого-то момента всё равно,
В каком зеркале, зеркале и в ком бы ты
Ни отразился – на дворе темно.

В небытие шумят деревья кронами,
Висит в снях тяжелое пальто,
Перекликаясь в темноте с воронами,
Из ничего ползёт на свет ничто.

Будь частью тьмы, будь тем, кого стесняются –
Не замечая пустоты в себе...
Пусть стены, оживая, раздвигаются,
Галлюцинации гуляют по избе.

С той стороны окна, на запотевшее,
Согретое дыханием стекло
Глядит лицо чужое, безутешное...
Оно туда давно перетекло.

2019 г.

ПОДЗЕМНАЯ РЕКА

Под домом у меня подземная река,
Я слышу смутный гул глубокими ночами.
Грунтовых бремя вод несет издалека
Она и шелестит холодными ключами.

Какая часть меня уже причастна к той
Невидимой воде, текущей мимо света,
Чтобы понять, что там таится под землёй –
Проходит через пыл и преизбыток лета?

Не мачехою ночь губами шевелит.
На языке чужом и всё-таки знакомом
Она к той глубине прислушаться велит,
К щербатым полостям и трещинам под домом.

Колодцы во дворах, как окна в черноту –
Там, в иномирье, всё полезное забыто.
Косматый скотий бог ныряет налету
В слоистые грунты, дождями лето смыто.

Шалеют что ни ночь голодные сверчки.
Подземная вода не достигает яви.
Мой ненадежный слух течение реки
Уносит, да и я противиться не в праве.

2019 г.

КОГДА?..

Когда догнивают во влажной листве
Червивые яблоки лета,
Когда с одиночеством кротким в родстве
Все звуки и стороны света,

Когда ты не нужен уже никому,
И только растут расстоянья,
И август в тумане и горьком дыму
Пророчит одни расставанья,

Когда ты уже никому не знаком,
Когда и себе ты неведом,
И дом обветшалый стоит под замком,
Готовясь к потерям и бедам,

Когда ты торопишь прийти холода,
Как будто разгадку секрета,
И шепчешь: – Когда же, когда?..
– Никогда!..
И снова не слышишь ответа.

2019 г.

По первому робкому снегу,
По черным ночам ноября
Небесный извозчик телегу
Ведёт, сам с собой говоря.

Пускай всё меняется в мире,
Без удержу хлопает дверь,
Он смотрит рассеянной, шире
На чередование потерь.

Сломался по ходу декодер,
И правый не слышен канал,
Басовых заржавленных вёдер
Нас грохот пугать перестал.

Извечные метаморфозы!
Лошадка храпит на рыси.
Придут чередой морозы,
Приедет мигрант на такси.

По Первой по Красноармейской
Пройдет прокуратор в плаще.
Халдейский язык арамейский
Ему неприятен вообще.

Утрачено что-то! Тревога
Стучит в перепонках слегка.
И смолк мой ямщик. А дорога?..
Ну да, далека, далека.

2019 г.

Мне снился снег. Мне снилось много снега.
В его рябой, белесой пелене
Тонуло всё – и сумерки ночлега,
И улица в холодной глубине.

Снег засыпал все распри и мытарства,
Все толпища, все сонмища тревог,
Летел с небес, как щедрое лекарство,
Выравнивал колдобины дорог.

Я ничего не делал, отрешённо
Стоял впотьмах у тёмного окна,
В безвременье со всеми помещён, но
Мне в хаосе земном была слышна

Беззвучная мелодия, глухое,
Немое обещание, намёк
На область бесконечного покоя,
Которую во сне я пересёк.

Снег шёл и перестал, и не нарушил
Безлюдной, мягкой, серой тишины,
Которую не слышат наши души,
Покуда мы другим поглощены.

2020 г.

ПОСЁЛОК

Псалма девятого суровость
В отсутствие земных чудес –
Не откровение, не новость,
А только дальний гул с небес.

Нет очевидных доказательств,
Какие получил Давид,
И жизнь течёт без обязательств,
Среди нескладиц и обид.

От веку заданная скудность,
Посёлок на краю болот,
И нелюдимость, и безлюдность,
И безразличие высот.

По крыше ветер шарит ночью,
Железом кровельным гремя,
И в темноту уходит волчью,
Стучит культями четырьмя.

И неуютно в этом мире,
И никого не позовёшь.
И как жилец в чужой квартире,
С тревогой выселенья ждёшь.

Но красоты не омрачает –
Да что такое красота? –
Ни отблеск фонарей печальный,
Ни изморось, ни темнота.

И поутру, как ляжет иней,
Поверх убытков и скорбей,
В избитости сюжетных линий
Не различишь уже своей.

2020 г.

ПОДСОЛНУХИ ЗИМОЙ

Стоят шеренгами подсолнухи в полях,
Склоняя шеи, обреченно догнивая, –
Чернеют остовы от края и до края.
Лежит под ними снег, заледенелый прах.

Оставлены они после поры дождей
Под снегопадами, в жестокосердые стужи.
Внутри них тишина, когда буран снаружи,
Такая кроткая – не то что у людей.

Когда-то в семенах надежду накопив,
Подсолнухи весь день вращали головами –
И потерпели крах, и всё же сплеховали,
Солнцепоклонники, тоски земной испив.

С поверхностью земли сравнив заподлицо,
Запашут их тела, чужую жизнь итожа.
И с наших черепов однажды слезет кожа,
А без неё и мы все на одно лицо.

Подсолнухи бредут шеренгами в пургу
Среди останков трав безличных, незнакомых...
Названия всех птиц, растений, насекомых
Я, сколько ни учу, запомнить не могу.

2020 г.

*«Я написать о Вяземском хотел...»
А. Кушнер*

Не хочет Муза жить в посёлке –
Для ней обыденность – обуза.
Собачий лай, осины, ёлки,
Ломти последнего арбуза.
А если в сны ещё приходит
В каком-то будничном наряде,
Слов утешенья не находит,
И нет сочувствия во взгляде.
Помилуйте, какая Ницца?!
Леса гнилые да болота!
Метан под ними шевелится,
Над ними осени зевота.
Успенья гений белокрылый
Унёсся в лето без оглядки...
И первый утренник остылый
Посеребрил пустые грядки.
Велосипед закрыт в чулане,
Мячи заброшены в прихожей,
Грубеет на сердечной ране
Рубец, на женщину похожий.
Под старость память убывает
И неизбежному сдаётся,
Огонь желаний задувает.
И ничего не остаётся.
Ну и прощай уже, не мучай,
Возьми обратно обещанья.
Нам ближе сумрак неминуемый,
Туман забвенья и молчанья.

2020 г.

Анне Карениной

Как монах удаляется в схиму,
И пустыня теперь ему дом,
Так и мы погружаемся в зиму,
Покрываясь игольчатым льдом.
До июня попрятались змеи,
Улетели с болот кулики,
Только мы здесь прижиться сумели
И с ума не сойти от тоски.
Бытия ненадёжна опора,
И грозит из потёмок Ничто,
Снег однако повалится скоро
Сквозь небесных слоёв решето.
Мы под снег этот выйдем из мрака
В неказистую длительность дня.
С нами весело выйдет собака,
Никого и ни в чём не вина.
Нашей жизни занудная повесть
Не любовь порождает, а грусть.
Мы не бросимся всё же под поезд –
Нас удержит сомнения груз.
Вдоль столбов побредем и заборов
И как только упремся в шоссе,
Повернем, не дойдя до укоров,
Даже если б нас бросили все.

2020 г.

Когда умирает эпоха,
В прощальные трубы трубя,
Пустая кипит суматоха,
И люди не помнят себя.

Их одолевают вопросы –
Куда мы? Зачем? Почему?..
Их возгласы многоголосы,
Их скопом относит во тьму.

И время большими шагами
Уходит куда-то вперёд,
И грозно гремит рычагами,
И лишних с собой не берёт.

И что вообще остаётся,
Ну что остаётся от тех,
Кто плачет сейчас и смеётся,
Кто верит в судьбу и успех?..

Как будто без смысла и славы
В огромной растёт тишине
Толпа у речной переправы -
И меркнет в темнеющем сне.

2020 г.

Медленно, медленно, медленно,
Медленно тает свеча...
Каждому время отмеряно.
Звать бесполезно врача.
Всё в этом мире меняется,
Но неизменно одно –
И коридор сокращается,
И за дверями темно.
Изморозь выбелит вялую
Полуживую траву.
В долгую тьму небывалую
Сам я себя позову.
Тут наконец и откроется
Смысл, ускользавший всегда.
Стоит ли так беспокоиться?..
Пусть утечёт, как вода,
Всё, что имело значение
Лишь для меня одного.
Тёмное небо вечернее
Стало мне ближе всего.
Выводы эти банальные,
Однообразные дни,
Дороги мне, как печальные,
Слабые в поле огни,
Эта пустынность осенняя,
Жёлтые окна в домах
И как замена спасения –
Исчезновение в потьмах.

2020 г.

На грани слуха музыка слышна –
Из области догадок возникая,
Она плывет, неясная, глухая,
Неведомо к кому обращена.
Как бы мерцает слабо за стеклом,
Расплывчато, и капли дождевые
На языке невнятном, водяном
Ей подпевают тихо не впервые.
Деревья с облетевшею листвою,
Кустарники, раздетые до прутьев,
Пронизаны штриховкой звуковой
И сшиты из растрепанных лоскутьев.
Иллюзией высокой, сквозь туман,
Она сочится, дальняя, чужая,
Похожая на правду и обман,
Сочувствие с тоской перемежая.
И если в одиночестве, в бреду,
В отчаянье услышишь чье-то пенье –
Та музыка пришла в твою беду,
Последнее, быть может, утешенье.

2020 г.

Я не знаю, куда я вернусь,
Но в какое-то странное место...
Где оно угадать не берусь,
Да и вряд ли кому интересно –
То ли в штольнях глухих под землёй,
То ли на неизвестной планете,
Озарённой холодной звездой
Проплывающей в дымчатом свете.
Оттолкнётся от жизни сюжет,
Засбоит, но потянется дальше...
Безымянный цветок сухоцвет
Простоит в пыльной вазочке дольше.
У заброшенной ТЭЦ меня ждать
Будет нервный небритый Вергилий,
Кинет гайку, чтоб путь указать,
И поднимется облачко пыли.
И забытый язык волшебства,
Сладкий морок былых откровений
Мне напомнит знакомый едва,
Непонятный, юродивый гений.

2020 г.

ПЕРЕХОД СИЛЫ НА СТОРОНУ ЗИМЫ

Ноябрьских пустошей сухая желтизна
Покорна времени. В полях осиротелых
Стоит холодная большая тишина,
И ветер в быльниках шуршит заиндевелых.
Вся сила осени свершает переход
Уже на сторону зимы и умиранья.
Иссякнет медленно и этот хищный год,
Но не закончится игра на выбыванье.
Темнеет рано – раньше бледных фонарей,
Не поспевающих за уменьшеньем света.
Дымы над крышами и ровный гул печей
Похолодания надежная примета.
Ценю устойчивость, согласие погод
И ось симметрии меж суетой и тем, что
Всё очевидней и настойчивей влечёт,
И послушание напоминает чем-то.
Кому поведаю, бродя среди пустых
Предзимних пажитей, затоптанных стадами,
Что не расслышать среди мертвых и живых
Слов утешения, любви и состраданья?
Пусть мягче слов тогда врачует белизна,
И ранним снегом раны осени бинтуя,
Проводником моим является она,
Когда за ней не знаю сам куда иду я.

2020 г.

НОЯБРЬСКИЙ ЛЕС

Перед зимой темнеет рано.
Чернобород вечерний лес,
Он хмуро смотрит из тумана,
Держа копьё наперевес.
Из прошлого в любого целит,
За каждым мстительно следит.
Он смерть всего превыше ценит
Ей служит и принадлежит.
Ты хочешь знать что неизменно,
Тогда в безлистый лес войди.
А неизменно всё, что тленно,
Все листопады и дожди.
Уговори его причины
Для неприязни позабыть.
Его безлюдные руины
Тебе поверят, может быть...
И вот ты сам уж начал таять,
Просвечивать, потом исчез.
И вот одна пустая память
Плывёт сквозь тихий, тёмный лес.

2020 г.

НЕЖНОСТЬ К ПРОШЕДШЕЙ ЖИЗНИ

На поверхности предметов
Лёг мучнисто-бледный свет.
У прошедшего секретов
От меня как будто нет.
В нежилой уже квартире
Вижу прежних чувств следы –
Как цепочку волн в эфире,
Рябь на плоскости воды.
Выключателя не трону.
Освещенные луной,
В полумраке вещи тонут
И прощаются со мной.
Странно! Жалко даже кружев
Изморози на стекле,
Жалко даже пары кружек
Позабывтых на столе.
Невозвратно – ну и ладно! –
Прежнее житьё-бытьё,
Заунывно, заурядно,
Только всё-таки моё.
Как почти глазами бога
Кто б смотрел на свет и тьму,
Я смотрю на всё с порога
И сочувствую всему.

2020 г.

ЗИМНИЙ ГОЛОС

*«Великому жизнь обреклась запустенью,
И ждал обездоленный мир...»
Иван Коневской, «Зимний голос»*

Может быть, всё закончится тихо?
Миротворен белесый туман.
Без обмана зима-сторожиха
Наполняет забвеньем стакан.
Может быть, обойдёмся без ссоры,
Без трагедии и толкотни?
Как торжественны снежные горы,
Как спокойны и холодны дни!
Может быть, это время чужое
Незначительных нас пощадит
И пропустит в пространство покоя,
Где пороша, как манна, лежит?
Заметённая глухо дорога,
Наслоение сонных минут –
И не счастья, а снега так много!
А бураны идут и идут.
Я заоблачным хмурым вершинам,
Словно камешек, виден на дне.
Утешительный шорох снежинок
Неслучайно доносит ко мне.
Под потоком стою мельтешащим,
Посреди тороватой зимы,
Между будущим и настоящим,
Уязвим для угроз и чумы,
Переполненный тем же сомненьем
И лишённый надёжных защит,
Будто жду перед исчезновеньем –
Зимний голос мне вслед прозвучит.

2020 г.

ДЕНЬ ЗИМНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Лес ощущается как вес,
Как тяжесть участи древесной.
Здесь давит холод, словно пресс,
На прутья поросли безвестной.
Земля притягивает снег.
Суровы белые покои.
Внутри угрюмых лесосек
Стоят деревья, как изгои.
Такой короткий день в году!
А будто стал ещё короче.
Всему живому на беду
Мороз опять крепчает к ночи.
Печные зыблются дымы
Там, над застуженным посёлком,
В плену владычицы зимы,
Неотменяем и долгом.
Сопровождает скрип и треск
Моё сторожкое движенье.
Негреющего солнца блеск
Настраивает на терпенье.
Как быстро убывает свет!
Себя обманывать не будем –
Свободы у деревьев нет.
Как и тоски, присущей людям.

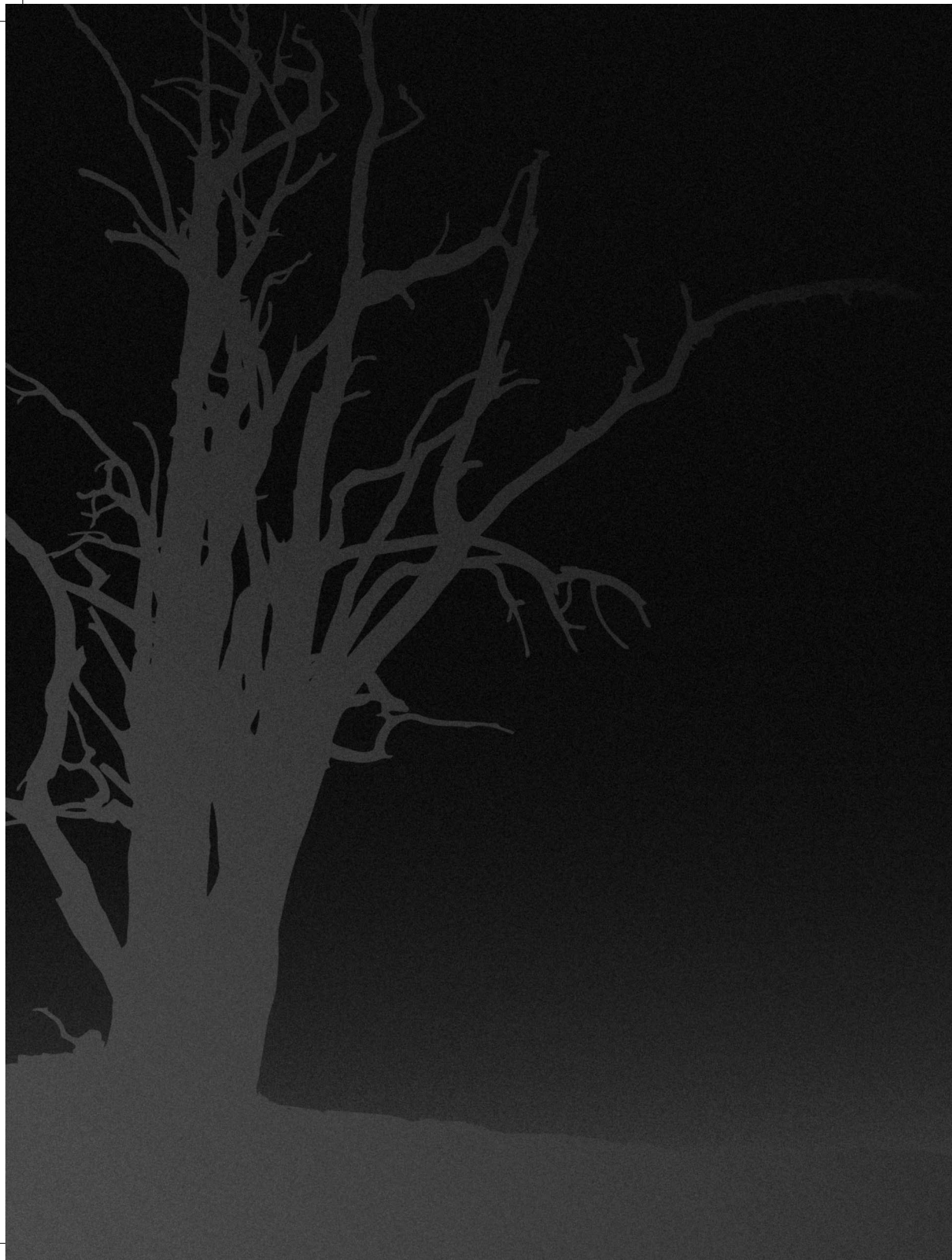
2021 г.

ПОД ЗИМНИМ НЕБОМ

*«А когда ты гулять имеешь,
Я один, как перст, стою».
Николай Заболоцкий,
«Солдатская молитва»*

Вот я один, как перст, стою
Во мраке разлитом,
Перебираю жизнь свою
Перед чужим судом –
Среди раздевшихся дерев,
Сомнением объят,
К своим годам не помудрев,
Повсюду виноват.
Ко мне послание придёт,
Поверх привычных бед,
Как бы опустится с высот,
Где места мраку нет.
Меня начальник укорит,
Очищенный от тьмы:
– Ты как подросток-инвалид
Торчишь среди зимы!
Без покаяний и молитв
Легла твоя стезя,
Тебе, – он строго повторит, –
Жалеть себя нельзя.
Ведь ты не знаешь ни аза,
Без толку языкаст.
Всё до тебя уже сказал
Старик Экклезиаст.
Нам всё дано предугадать!
Убей гордыни блажь.
Прими здесь всё как благодать.
Ты среди нас – мираж!

2021 г.

ОБ АВТОРЕ

Валерий Николаевич Трофимов – член Союза российских писателей, член Российского союза писателей и Союза писателей Санкт-Петербурга, аналитический психолог, президент Ассоциации аналитических психологов России, директор Института аналитической психологии и Межрегионального обучающего центра аналитической психологии, лектор, преподаватель, супервизор и практикующий аналитик. По базовому образованию психиатр-эксперт, в дальнейшем прошедший профессиональную переподготовку по психотерапии.

Первые поэтические публикации Валерия Трофимова появились в печати в середине 1980-х годов. Его стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Смена», «Звезда», «День и ночь», «Идель», в коллективных сборниках и антологиях. Валерий Трофимов – автор книг «Зимний город» (1991), «Заклинание» (2006). Он является победителем всесоюзного конкурса одного стихотворения журнала «Смена» (1988), лауреатом премии журнала «Звезда» (2012), финалистом премии «Поэт года» (2014 и 2015), лауреатом премии «Слово – 2015» в номинации «Поэзия». За вклад в развитие русской культуры и литературы награжден Российским союзом писателей золотой «Пушкинской медалью» в год 220-летнего юбилея со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Эта книга является сводом избранных стихотворений автора за более чем сорокалетний период литературного творчества. Она интересна тем, что появилась на стыке разных эпох, разных систем мышления, естественно-научной и гуманитарной. Её составили личные, подлинные и трезвые, впечатления автора, полученные в процессе профессиональной работы, окруженной обычно ореолом обывательских страхов и фантазий. Валерий Трофимов относит себя к русской метафизической традиции, которая до сих пор четко не очерчена, представлена, скорее, отдельными стихами таких поэтов, как Евгений Баратынский, Федор Тютчев, Арсений Тарковский, Иосиф Бродский, Юрий Кузнецов, Иван Жданов... Можно рассматривать этот сборник как уникальную попытку собрать целостный корпус стихотворений, основной тематикой которых является метафизическая поэтическая рефлексия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора. Ключи от страха темноты4

РУКОПИСЬ СТИХОВ. 1978–2021

1. «Я вижу фильм документальный...»	8
2. Милосердие	9
3. Прогулка	10
4. Дом	11
5. На старом кладбище	12
6. Мальчик	13
7. Батюшков	14
8. Болота	15
9. Свяжский монастырь	16
10. «Только хрупкий баланс равнодушных молекул...»	17
11. В анатомическом музее	18
12. Импровизация	20
13. Пусть не кончается...	21
14. «Скажут, молчи, что ты знаешь о жизни и смерти?..»	22
15. «В прогалины меж туч прокалывались звезды...»	23
16. Больной	24
17. Деревянный дом	25
18. Бабочки на сирени	26
19. Овца	27
20. «Как будто нитка световая...»	28
21. Верблюд	29
22. Ночлег у прокруста	30
23. Таврический сад	31
24. Воскресный вечер	32
25. Прозрение	33
26. Сороковой день	34
27. «Всю ночь, всю ночь опять стучала поршневая...»	35
28. «Всякий раз, напиваясь, ты думаешь, что эта встряска полезна...»	36
29. Пловец	37
30. Письма без адреса	38
31. Номо patiens	40
32. «Если рано, еще до рассвета очнусь от нелепого сна...» ...	41

33. Роман без продолжения	42
34. Зимние свидания	43
35. «Дымно и тёмно...»	44
36. «Вижу простенькое детство...»	45
37. Провинция	46
38. Скука	47
39. «Вроде, «чижика...» кто-то фальшиво наигрывает в мутноватой...»	48
40. Предзимье 1	49
41. Поддержание жизни	50
42. «Проснувшись ночью, я услышал звон...»	51
43. Библейские мотивы	52
44. Дворник	54
45. «Дай тем стихом, что уже на излете...»	55
46. Окна на север	56
47. Попытка покаяния	57
48. «Ты тяготишься мной, как жесткой ледяной...»	58
49. «Какой печальный, мрачный март, какой сырой...»	59
50. В убежище сна	60
51. Ночь	61
52. «И нечего больше сказать в оправданье себе...»	62
53. «Эта жизнь рассчитана на медленное умирание...»	63
54. «Я знаю, чем кончится это...»	64
55. «И не пытайся увлечь, потрясти, восхитить...»	65
56. Петербургские видения	66
57. «Тенетами дождь обволок летаргический мир...»	68
58. «Как легко согласиться, что ты неудачлив во всем и позорно слаб...»	69
59. «Кто видит нас из вечности самой...»	70
60. «Однажды смутили беспечную душу мою...»	71
61. «Я не уеду никуда – останусь!..»	71
62. «Какая-то тоска жила во мне всегда...»	72
63. «Какой нынче ветер с утра!..»	73
64. Загадка сна	74
65. Зимняя ночь	75
66. Заклинание	76
67. Ночная прогулка	77
68. Предзимье 2	78
69. Зимний рассвет	79

70. «Когда твоя жизнь значит меньше, чем значит...»	80
71. «Он знает то, чего не знаю я...»	81
72. «И этот дом я когда-то покину, как и всякий другой...» ...	82
73. «Не знал я примет и гаданий – по звездам, по дыму...» ...	83
74. «С полуночи еще тяжелый мокрый снег...»	84
75. «Не в темном шкафу, а во мне обитает скелет...»	85
76. Черный ворон	86
77. Дерево	87
78. «Нет никакой справедливости в жизни земной...»	88
79. «Прислушайся к мраку, к наволгшей ночной тишине...» ..	89
80. «После двухчасового наркоза в уме правит бал пустота...»	90
81. «Тебе я не верил, а может, боялся тебя...»	91
82. «За что себя жалеть?.. За то, что ты один...»	92
83. «На снежном поле потолка...»	93
84. Первый снег	94
85. Явление древнего бога	95
86. «Ушедшие в царство видений...»	96
87. «Прозрачны заросли и просеки пусты...»	97
88. Холодная зима	98
89. Сверчки	99
90. «Каким слепые видят мир во сне?.....»	100
91. «Фактически в снах человека...»	101
92. «Снег – это символ забвения...»	102
93. Присутствие духа	103
94. Он умер, но	104
95. «Что делает реальной эту ночь?.....»	105
96. Крик	106
97. Камни	107
98. «Двери, деревья, дороги, дома, зеркала...»	108
99. «Может быть, следует ждать, затаясь...»	109
100. Ночное зрение	110
101. Жертвоприношение	111
102. Тревожное несоответствие	112
103. Осень в деревне	113
104. Заснеженные луга	114
105. Предраассветное время	115
106. «Однажды ты останешься один...»	116
107. «Снится сон божеству, что оно родилось человеком...»	117
108. «Я в темноте пошевелил руками...»	118

109. «Как снег, поглощаемый морем, как снег...»	119
110. Приближение. Возможность	120
111. Каменная баба	121
112. «Среда, среда, середина недели, среда, зима...»	122
113. Чернота ноября	123
114. «На движущейся земле...»	124
115. «В каменноугольном бассейне бытия...»	125
116. «Свободное от этой жизни время...»	126
117. Сумерки в лесу	127
118. «С чего начинал, к тому и вернешься, видно...»	128
119. «Маленький знак беды, слабый сигнал...»	128
120. «Начиная движение к себе, сам не знаешь, когда...»	129
121. Встречающий ангел	130
122. Ангелу-хранителю	131
123. «По ложному следу лукавого смысла любви...»	132
124. «Эта радость доступна не многим...»	133
125. Невзаимно влюбленные	134
126. Стена	135
127. Невероятное возвращение	136
128. Казань	137
129. Тост	138
130. За пределами труппа	139
131. Монстры близости	140
132. «Там, вдалеке, на пустынном поле...»	140
133. Фигуры умолчания	141
134. «На сердце твое набежавшая тень...»	142
135. «Все не мое и все не навсегда...»	143
136. «Зачем я горький воздух пью...»	144
137. Повсюду глаза	145
138. Бессонница	146
139. «Не забывай совсем-то уж меня!...»	147
140. «Кабинеты мертвеют, сгущается тьма...»	148
141. «И голубь мертвый ясен у дороги...»	149
142. Иов	150
143. Мрачные небеса	151
144. «По осени поздней я ехал вдоль бурых лесов...»	152
145. Безумие	153
146. «Я долго лежу, не вставая...»	154
147. «С неслышимостью голоса любви...»	155

148. Только стихи	156
149. «За утешением к ангелу я бы обратился...»	157
150. «И музыка вся бесполезна...»	158
151. Сумасшедший дом у лавры	159
152. Прохожий	160
153. «Посмотри, какая улица...»	161
154. «Пусть будут сны про смерть исполнены покоя...»	162
155. «Над промзоною снег...»	163
156. Сон про арское поле	164
157. Старец	165
158. Пустынные сны	166
159. «Когда окажется, что вправду жизнь прошла...»	167
160. «О чем говорить?.....»	168
161. Мойка 12	169
162. Апрель в деревне	170
163. Зимняя песня	171
164. «На разоренные дома...»	172
165. «Холодно в старых домах...»	173
166. «Вот я и остался один...»	174
167. Гипотензивные травы	175
168. «Найден мертвым, убит, застрелился, погиб, удавился...»	176
169. Дождь	177
170. Старец вокзалов	178
171. Петербургское утро	179
172. «Нельзя тебя будить!..»	180
173. «Ты умерла довольно молодой...»	181
174. «Не смерть страшна, а умирание...»	182
175. «Какие-то лица чудные он видел, куда б ни глядел...» ..	183
176. Снег в городском саду	184
177. Медленный сон	185
178. Осенние слоны	186
179. «Да что же за темень такая стоит в декабре!..»	187
180. Исчезновение	188
181. Однажды в провинции	189
182. Зимний путь	190
183. Земля	191
184. «Я лежу неподвижно, без сна...»	192
185. «Прикрепленный к себе самому...»	193
186. «В молочном зимнем воздухе звучат...»	194

187. Продавщицы	195
188. В больнице	196
189. Возраст дожития	197
190. Символика запада	198
191. Здешние приметы	199
192. В серой зоне	200
193. Памяти Блока	201
194. Сны о старости	202
195. Ночернее чаепитие	203
196. Место	204
197. Зима	205
198. Восьмая марта	206
199. Март	207
200. Ветер в подземелье	208
201. «Куда пропали воробьи...»	209
202. Зеркало	210
203. «Как дотянешь до тех областей...»	211
204. В деревне	212
205. Темно на дворе	213
206. Подземная река	214
207. Когда?...	215
208. «По первому робкому снегу...»	216
209. «Мне снился снег...»	217
210. Посёлок	218
211. Подсолнухи зимой	219
212. «Не хочет Муза жить в посёлке...»	220
213. «Как монах удаляется в схиму...»	221
214. «Когда умирает эпоха...»	222
215. «Медленно, медленно, медленно...»	223
216. «На грани слуха музыка слышна...»	224
217. «Я не знаю, куда я вернусь...»	225
218. Переход силы на сторону зимы	226
219. Ноябрьский лес	227
220. Нежность к прошедшей жизни	228
221. Зимний голос	229
222. День зимнего солнцестояния	230
223. Под зимним небом	231
Об авторе	233

Валерий Трофимов
НОЧНОЕ ЗРЕНИЕ
СБОРНИК СТИХОВ

Главный редактор – Александр Зимин
Дизайн-макет – Ольга Колчина

ISBN 978-5-6046054-3-1

Подписано в печать 01.03.2021
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 15,5
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15
+7 (812) 325-22-97